

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 17(3) • 2024

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 17,19 усл. п.л. Заказ № 900.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 17(3) • 2024

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Глобальная энергетическая политика

- 7 Сечин И.И. – Издержки и угрозы зелёного энергоперехода
- 41 Алиев Р.А. – На пути к устойчивому энергетическому развитию: сопряжение традиционной и возобновляемой энергетики в энергетической политике Азербайджана

Китай в мировой политике

- 73 Денисов И.Е., Сафранчук И.А. – Евразийское пространство в китайских официальных и академических дискуссиях
- 100 Зуенко И.Ю., Осокин А.С. – «Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера

Гуманитарное измерение мировой политики

- 117 Радина Н.К., Балакина Ю.В., Банников К.В. – Биополитические стратегии противодействия пандемии COVID-19 в медиадискурсах России, Германии и Франции
- 150 Хахалкина Е.В., Вячистая А.В. – Киноиндустрия на службе политики идентичности ЕС

История международных отношений

- 170 Попов Г.Г., Чшиев Т.Г., Казенков О.Ю. – Помощь вооружённым силам на Юге России со стороны Антанты (конец 1918 – 1919 гг.)

Table of Contents • 17(3) • 2024

RESEARCH ARTICLES

Global Energy Policy

- 7 Sechin I.I. – The Costs and Threats of the Green Energy Transition
- 41 Aliev R.A. – Towards Sustainable Energy Development: Integrating Traditional and Renewable Energy in Azerbaijan's Energy Policy

China in World Politics

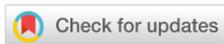
- 73 Denisov I.E., Safranchuk I.A. – The Eurasian Space in Chinese Official and Academic Discourses
- 100 Zuenko I.Y., Osokin A.S. – Diplomatic Geography of Xi Jinping: What the Statistics of the Chinese Leader's Foreign Visits Reveal

The Humanitarian Dimension of World Politics

- 117 Radina N.K., Balakina Yu.V., Bannikov K.V. – Biopolitical Strategies in Media Discourses: Responses to the COVID-19 Pandemic in Russia, Germany, and France
- 150 Khakhalkina E.V., Vyachistaya A.V. – Film Industry at the Service of EU Identity Politics

History of international relations

- 170 Popov G.G., Chshiev T.G., Kazenkov O.Yu. – The Entente's Support for the White Armies in Southern Russia (Late 1918 – 1919)

Издержки и угрозы «зелёного» энергоперехода

И.И. Сечин

ПАО «НК «Роснефть»»

В статье, основанной на выступлении автора на ПМЭФ 2024¹, рассматриваются проблемы развития современного энергорынка, связанные с ускоренным энергопереходом. Делается вывод о том, что ни цель, ни подготовка к энергопереходу не были проработаны в соответствии с задачами и потребностями человечества. Цели энергоперехода в нынешнем виде имеют идеологическую окраску и нереалистичны, страны и компании уже начинают пересматривать заявленные ранее сроки достижения углеродной нейтральности, инвесторы разочаровываются в «зелёном» переходе. Несмотря на триллионные инвестиции, альтернативные источники энергии так и не смогли обеспечить замещение традиционного топлива, а также гарантировать надёжность поставок. Между тем потребность в электроэнергии с развитием искусственного интеллекта и увеличением мощностей центров обработки данных будет только расти.

В статье показано, что в Европе ставка на «зелёный» энергопереход привела к экономическому спаду, а в отношении развивающихся стран реализация энергоперехода приняла форму «зелёного» неокOLONIALИЗМА, характеризующегося выкачкой ресурсов.

Лоббирование ускоренного энергоперехода является одной из форм борьбы за долю рынка. Другой формой такой борьбы выступают незаконные санкционные и технологические ограничения, введённые США против ряда стран, и использование доллара в качестве экономического оружия, что вынудило развивающиеся страны запустить процессы дедолларизации.

Развитие энергетики, делается вывод в статье, должно быть связано с обеспечением энергетической безопасности, борьбой с бедностью и направлено на удовлетворение интересов большинства. Именно поэтому углеводороды продолжают оставаться важной составляющей энергетики.

Ключевые слова: энергетический переход; «зелёная энергетика», добыча углеводородов, инвестиции, дедолларизация, технологические ограничения, «зелёный» неокOLONIALИЗМ, энергетическая безопасность, борьба с бедностью, налоговая нагрузка, рынки АТР.

УДК: 338.45, 339.9

Поступила в редакцию: 11.04.2024

Принята к публикации: 20.06.2024

¹ Игорь Сечин представил ключевой доклад на Энергетической панели ПМЭФ-2024 / Роснефть. Новости. 08.06.2024. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/219867/> (дата обращения: 22.06.2024).

В последние годы «зелёный» переход стал центральной темой глобальных дискуссий по устойчивому развитию и климатической политике. Однако эффективность и целесообразность этой стратегии вызывают серьёзные сомнения. Основной исследовательский вопрос данной статьи заключается в следующем: насколько оправданным и жизнеспособным является «зелёный» переход в его текущем виде, и какие альтернативные подходы могут обеспечить энергетическую безопасность и экономическое развитие, особенно для развивающихся стран?

Существует обширная литература, посвящённая вопросам «зелёного» перехода и его влиянию на мировую экономику и энергетику. Среди российских авторов, затрагивающих эту тему, можно отметить работы О.М. Белковского и А.А. Фролова, которые подчёркивают необходимость перехода к возобновляемым источникам энергии для борьбы с климатическими изменениями (Белковский, 2019; Фролов, 2020). В то же время, исследования И.В. Петрова и Е.Н. Сидорова критикуют нереалистичные ожидания и высокие затраты, связанные с этой стратегией (Петров, 2021; Сидоров, 2020).

Среди ключевых иностранных авторов следует выделить Пола Хокенса и Лестера Брауна, которые активно продвигают идеи устойчивого развития (Hawken, 2017; Brown, 2009). Майкл Шелленбергер и Бьорн Ломборг, в свою очередь, выступают с критикой «зелёного» перехода, указывая на его недостатки и высокие экономические издержки (Schellenberger, 2020; Lomborg, 2020). Данная статья дополняет существующую дискуссию, анализируя конкретные проблемы и риски, связанные с «зелёным» переходом, и предлагая сбалансированные альтернативные подходы.

Теоретическая основа данного исследования базируется на экономической теории устойчивого развития и энергетической безопасности. Основная идея заключается в необходимости поиска оптимального баланса между экономическим ростом, устойчивым развитием и обеспечением энергобезопасности. В рамках этой теоретической рамки исследование рассматривает как позитивные, так и негативные аспекты «зелёного» перехода.

Для достижения поставленных целей в статье использованы разнообразные научные методы. Прежде всего, был проведён анализ вторичных данных, включающий изучение статистических данных, отчётов международных организаций, таких как Международное энергетическое агентство и Всемирный банк, а также результатов предыдущих исследований. Этот подход позволил получить объективные данные о текущем состоянии мировой энергетики и тенденциях её развития.

Кроме того, значительное внимание уделялось сравнительному анализу. Путём сравнения различных сценариев энергоперехода, а также их влияния на экономику и энергобезопасность как развитых, так и развивающихся стран,

были выявлены ключевые преимущества и недостатки каждого из подходов. Такой анализ позволил сделать обоснованные выводы о целесообразности тех или иных стратегий в разных контекстах.

Качественный анализ, включавший проведение экспертных интервью и анализ мнений ключевых специалистов в области энергетики и климатической политики, предоставил дополнительную информацию и глубину понимания проблемы. Эти данные были использованы для формирования более комплексного взгляда на текущую ситуацию и перспективы развития мировой энергетики.

Для прогнозирования будущих тенденций и сценариев развития использовались экономические и энергетические модели. Этот метод позволил сделать прогнозы относительно возможных последствий различных стратегий энергоперехода, а также оценить их влияние на глобальную экономику и энергобезопасность.

Статья состоит из нескольких разделов, каждый из которых посвящён определённым аспектам исследуемого вопроса. В первом разделе проводится анализ текущей климатической политики и обсуждаются современные тенденции и проблемы, связанные с «зелёным» переходом. Во втором разделе рассматриваются экономические последствия энергоперехода и оцениваются затраты на реализацию «зелёной» повестки.

Третий раздел посвящён критическому анализу недостатков и ограничений возобновляемых источников энергии. В четвёртом разделе обсуждается важность традиционных источников энергии, таких как нефть и газ, для обеспечения энергобезопасности и экономического развития, особенно в контексте развивающихся стран. Пятый раздел рассматривает стратегии и потенциал России в области энергетики, включая переориентацию экспорта на Азиатско-Тихоокеанский регион.

В заключительном разделе формулируются выводы и рекомендации по разработке сбалансированной и эффективной энергетической политики, учитывающей потребности развивающихся стран.

Энергорынок и политические реалии

Цели энергоперехода в их нынешнем виде имеют идеологическую окраску и являются нереалистичными. За последние два десятилетия в мировой энергетический переход было инвестировано около 10 трлн долл. США². Тем не менее, альтернативные источники энергии не смогли заменить традиционные виды топлива. Сегодня ветровая и солнечная энергетика обеспечивают менее 5% мировой выработки энергии, а доля электромобилей составляет около 3% (рис. 1).

² Energy Transition Investment Trends / Blumberg NEF. 2024. URL: <https://about.bnef.com/energy-transition-investment/> (дата обращения: 22.06.2024).

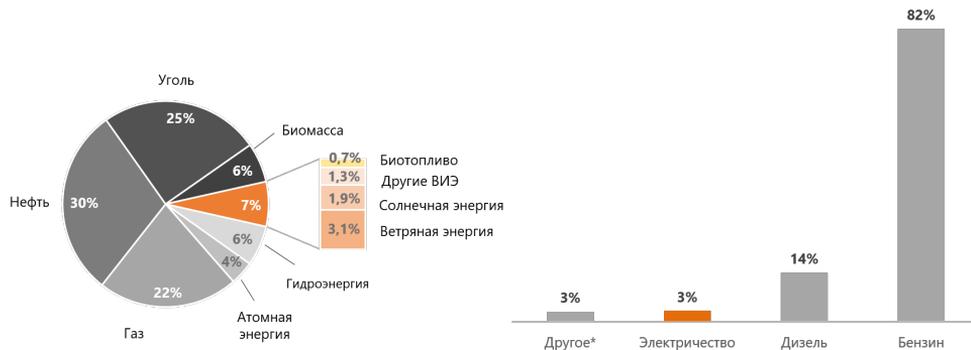

Рисунок 1. Структура потребления энергии. Структура мирового парка легковых автомобилей по видам топлива.

Figure 1. Structure of energy consumption. Structure of the world passenger car fleet by fuel type.

Источник: Our world in data, Wood MacKenzie.

Примечание: структура потребления энергии за 2022 г., структура мирового парка легковых автомобилей по видам топлива за 2023 г., (*) доля легковых автомобилей, в качестве топлива использующих сжиженный углеводородный газ (СУГ) и компримированный природный газ (КПГ).

Note: structure of energy consumption for 2022, structure of the world passenger car fleet by fuel type for 2023, (*) share of passenger cars using liquefied petroleum gas (LPG) and compressed natural gas (CNG) as fuel.

В то же время потребление нефти, газа и угля суммарно выросло на 35%, и их совокупная доля в мировом энергобалансе осталась неизменной (рис. 2). Более того, в 2023 г. потребление нефти и угля, а также использование газа в электрогенерации достигли новых рекордов.

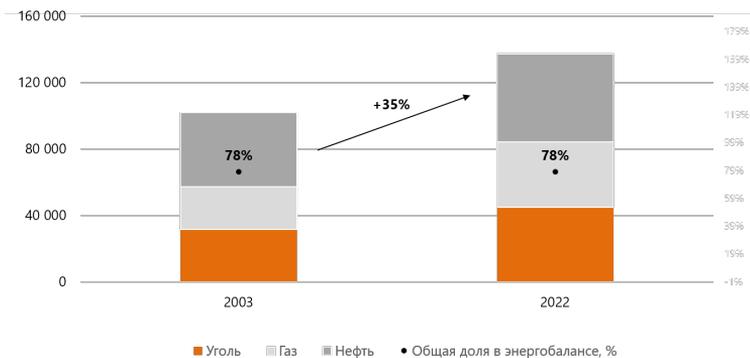

Рисунок 2. Динамика мирового потребления угля, нефти и газа (ГВт*ч).

Figure 2. Dynamics of global consumption of coal, oil and gas (GWh).

Источник: Our world in data.

«Зелёный» переход не обеспечен рентабельными источниками энергии, и его реализация является иллюзией. Это приводит к изъятию инвестиций из традиционной энергетики, что создаёт риск отсутствия как традиционных, так и альтернативных источников энергии. Согласно прогнозам, для достижения целей Парижского соглашения к 2030 г. глобальные расходы на борьбу с изменением климата должны составлять примерно 9 трлн долл. в год, что в 5 раз больше, чем было потрачено в 2023 г. (рис. 3)³. Эта цифра равна почти 10% мирового ВВП и более чем в 3 раза превышает ежегодные инвестиции в мировую энергетику⁴. Она также сопоставима с совокупным ВВП Франции, Великобритании и Италии. Для достижения целей Парижского соглашения к 2050 г. потребуется более 270 трлн долл. инвестиций⁵.

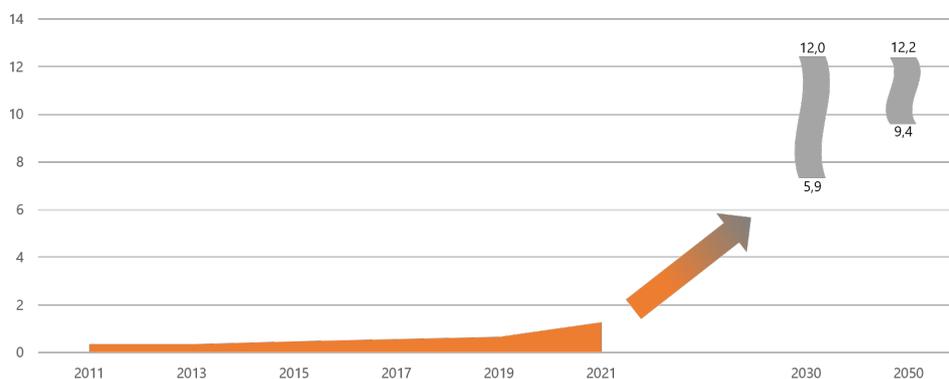

Рисунок 3. Текущие и требуемые расходы на достижение «нулевых» выбросов к 2050 г. (трлн долл./год).

Figure 3. Current and required costs to achieve net-zero emissions by 2050 (trillion dollars/year).

Источник: Отчёт Climate Policy Initiative: «Global Landscape of Climate Finance of 2023», ноябрь 2023 г.

Очевидно, что реализация климатической повестки потребует создания инфраструктуры нового типа, аналогично предыдущим эпохам. В XIX веке для увеличения добычи угля потребовались значительные инвестиции в шахты, каналы и железные дороги. В XX веке развитие нефтяной отрасли потребовало

³ Global Landscape of Climate Finance 2023 / Climate Policy Initiative. November 2, 2023. URL: <https://www.climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2023/> (дата обращения: 22.06.2024).

⁴ World Energy Investment 2023 / International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2023/overview-and-key-findings> (дата обращения: 22.06.2024).

⁵ Global Landscape of Climate Finance 2023 / Climate Policy Initiative. November 2, 2023. URL: <https://www.climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2023/>. (дата обращения: 22.06.2024).

строительства скважин, трубопроводов и нефтеперерабатывающих заводов. Генерация электроэнергии, в свою очередь, потребовала строительства электростанций и развития сложной системы сетей электропередачи.

Концепция энергоперехода и связанное с ней регулирование направлены на укрепление однополярной структуры миропорядка, основанной на контроле над финансовой инфраструктурой, технологиями и логистикой. Такая концепция дискриминирует многие страны, и даже интересы союзников могут быть принесены в жертву в любой момент.

Особенно явно эта тенденция проявилась в ходе реализации проекта по «спасению» Европы от зависимости от российских энергоносителей. Евросоюз, принеся в жертву свою энергобезопасность, фактически отказался и от своего суверенитета. Сократив закупки российских энергоносителей, Евросоюз потратил на импорт газа из других стран более 630 млрд долл. в период с 2021 по 2023 г. (рис. 4). Эта величина соизмерима с совокупными расходами Европы на газ за восемь предыдущих лет⁶.

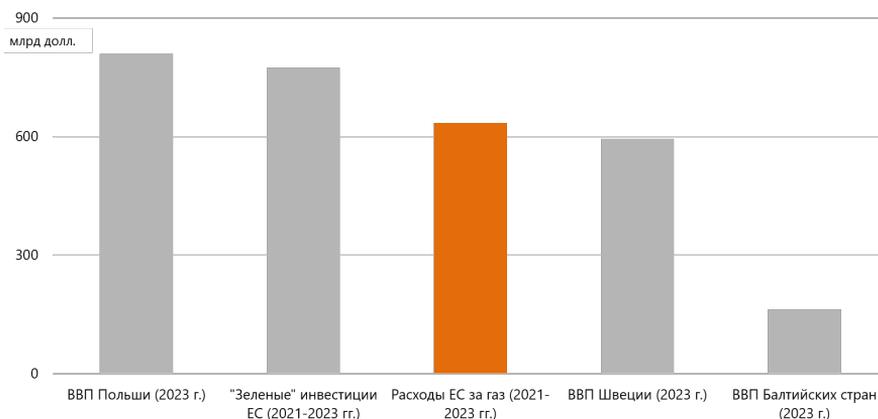

Рисунок 4. Расходы ЕС на газ (2023–2023 гг.).

Figure 4. EU gas expenditures (2023–2023).

Источник: Евростат, Международное аналитическое агентство, Международный валютный фонд, Investing.com

Рост расходов на газ негативно сказывается на марже энергоёмких отраслей, таких как производство стали, удобрений, химикатов, керамики и стекла. С середины 2022 г. производственная активность в Еврозоне начала снижаться⁷, а 32% предприятий Германии уже планируют перенос своих производственных мощностей за рубеж (рис. 5).

⁶ Европейское энергетическое агентство (2023). Анализ энергетического рынка ЕС. Брюссель: ЕЭА.

⁷ Индекс деловой активности в производственной сфере находится ниже 50 пунктов с августа 2022 г.

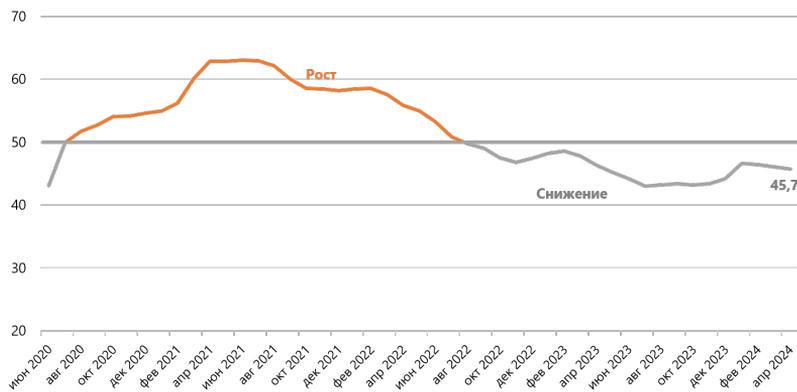

Рисунок 5. Динамика индекса деловой активности в производственном секторе Еврозоны.

Figure 5. Dynamics of the business activity index in the manufacturing sector of the Eurozone.
 Источник: Евростат, Международное аналитическое агентство, Международный валютный фонд, Investing.com

Несмотря на государственные субсидии, цены на газ для домохозяйств в Европе почти удвоились с 2021 по 2023 г. Высокая стоимость энергии вынуждает европейские домохозяйства сокращать потребление газа: за последние два года спрос на газ в жилом и коммерческом секторах Европы снизился более чем на 20% и продолжает падать (рис. 6)⁸. В результате этого европейцы стали беднее, столкнувшись с новой экономической реальностью.

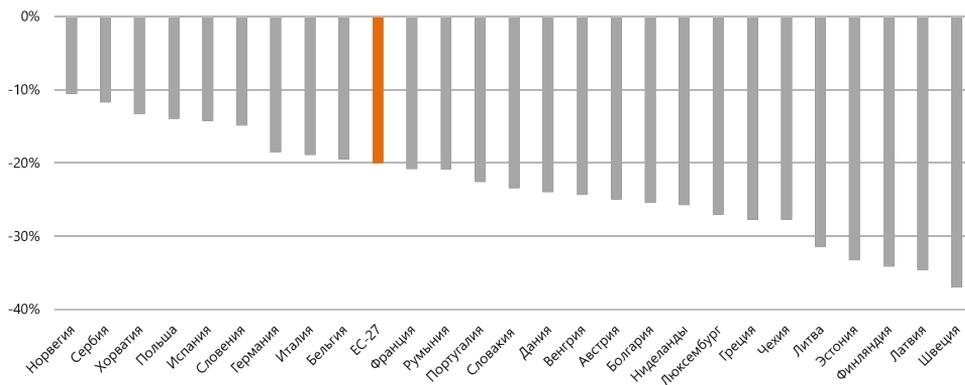

Рисунок 6. Падение потребления газа в странах Европы в 2023 г. по отношению к 2021 г.

Figure 6. Fall in gas consumption in European countries in 2023 compared to 2021.
 Источник: Евростат

⁸ Gas Market Report, Q2-2024 / International Energy Agency. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/6bc34660-dd8e-4018-bb21-973023846b4c/GasMarketReport%2CQ2-2024.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

Таким образом, Европа достигает своих целей по сокращению выбросов за счёт прямого снижения энергопотребления и замедления экономического роста. Продолжение такой политики может привести к разрушению европейской промышленности.

По данным Международного валютного фонда, за последние 15 лет экономика Евросоюза выросла всего на 13% в долларовом выражении, тогда как рост экономики США составил 85% за тот же период⁹. За это же время средний доход на душу населения стран Евросоюза упал по отношению к большинству североамериканских штатов и сейчас он на 52% ниже, чем в среднем по США (рис. 7). Если этот тренд продолжится, к 2035 г. разрыв в ВВП на душу населения между США и ЕС будет пятикратным, что сопоставимо с разрывом между Японией и Эквадором сегодня¹⁰.

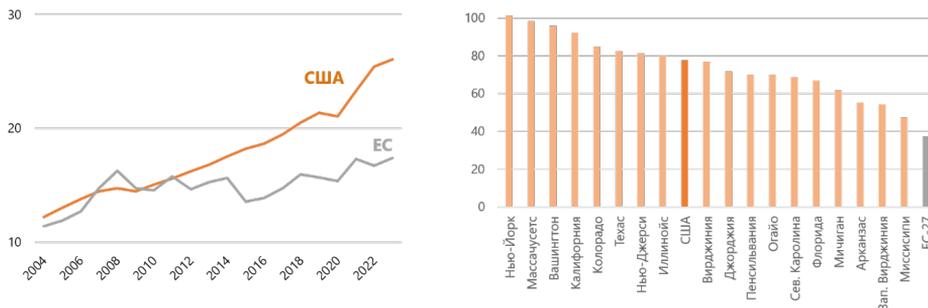

Рисунок 7. ВВП ЕС и США (трлн долл. США в текущих ценах). ВВП на душу населения ЕС и штатов США (тыс. долл. США, в текущих ценах).
Figure 7. EU and US GDP (trillion US dollars at current prices). GDP per capita of the EU and US states (thousands of US dollars, at current prices).

Источник: Всемирный банк, Бюро экономического анализа США, Бюро переписи населения США

В отношении развивающихся стран ситуация складывается особенно неприемлемо, когда под предлогом «зелёного» перехода фактически реализуется строительство «зелёного» неокOLONиализма. По оценкам экспертов, только за период с 1990 по 2015 г. «утечка ресурсов» из развивающихся стран в развитые превысила 240 трлн долл. (Nickel, etc. 2022). Программа энергоперехода фактически представляет собой мощный санкционный барьер для 88% населения Земли, исключая так называемый «золотой миллиард». Это, по сути, необъявленные санкции, которые применяются на практике.

⁹ Данные Международного валютного фонда от апреля 2024 г. в текущих ценах, рост с 2008 по 2023 гг.
¹⁰ Fairless T. Europeans Are Becoming Poorer. 'Yes, We're All Worse Off' // Wall Street Journal. July 17, 2023. URL: www.wsj.com/articles/europeans-poorer-inflation-economy-255eb629 (дата обращения: 22.06.2024).

Продолжающаяся борьба за энергорынок

Совокупность энергетического дефицита в результате энергоперехода, прямых санкций и недобросовестной конкуренции привела к разбалансировке мирового рынка. Например, незаконные санкции, введённые США с 2016 г. против Венесуэлы, Ирана и России, затронули в общей сложности добычу почти 18 миллионов баррелей нефти в сутки и помогли США захватить значительную долю рынка (рис. 8). В результате такой политики энергоресурсы стали ведущей статьёй экспорта США (рис. 9).

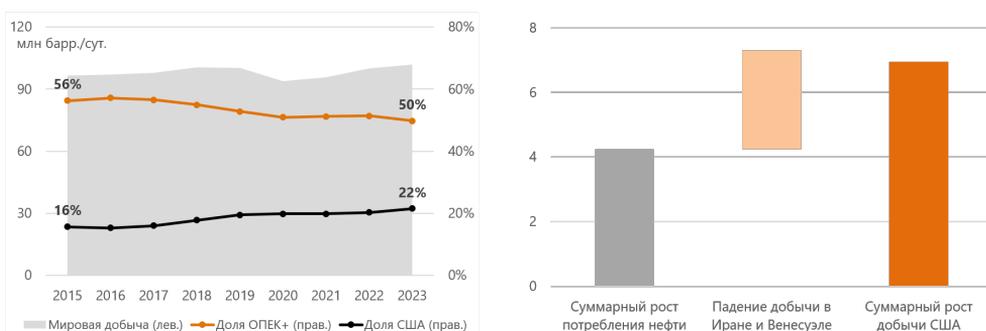

Рисунок 8. Доля ОПЕК+ на рынке против доли США. Изменение в добыче и потреблении нефти с 2016 по 2023 гг. (млн барр./сут).
Figure 8. OPEC+ market share versus US share. Change in oil production and consumption from 2016 to 2023 (million barrels/day).

Источник: Управление энергетической информации США

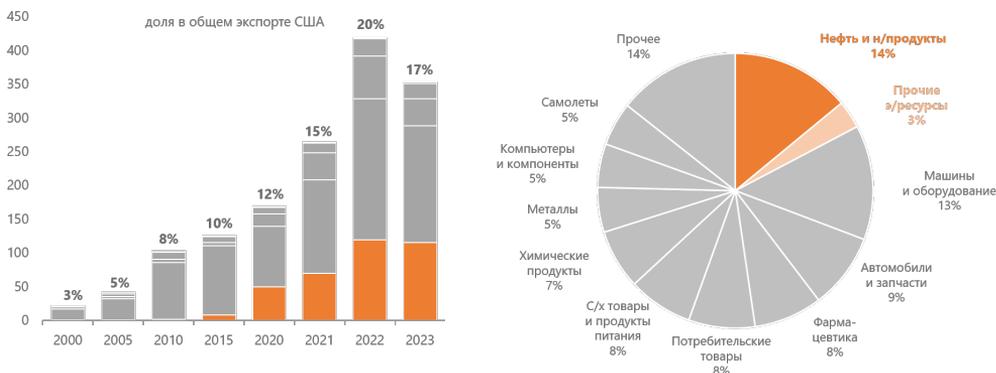

Рисунок 9. Экспорт энергоресурсов из США (млрд долл.). Товарная структура экспорта США (% за январь-сентябрь 2023 года)
Figure 9. Export of energy resources from the USA (billion dollars). Commodity structure of US exports (% for January-September 2023).

Источник: Бюро экономического анализа Министерства торговли США

Для контроля мирового рынка энергоресурсов США используют различные инструменты, включая санкции. Например, Ирак, будучи вторым по объёмам добычи участником ОПЕК¹¹ и одним из основателей этой организации, потерял возможность самостоятельного управления своими финансами после вторжения США в 2003 г. С тех пор доходы Ирака от экспорта нефти, формирующие до 95% бюджета, поступают на специальный счёт в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, что предоставляет американской администрации полный контроль над финансовой системой Ирака¹².

Что касается России, то помощник госсекретаря США Джеффри Пайетт прямо заявил о планах Белого дома по сокращению нефтяных доходов России, что подразумевает вытеснение морского экспорта российской нефти с мирового рынка. В ответ ряд производителей нефти готовится к такому сценарию, наращивая добычные мощности.

Односторонние действия американского регулятора приводят к волатильности и непредсказуемости энергорынка, заставляя каждого игрока действовать в своих интересах. Примером является запрет Федеральной торговой комиссии США руководителю компании «Пионер» Скотту Шеффилду на вхождение в совет директоров компании «Эксон» по итогам завершения сделки слияния из-за подозрений в картельном сговоре с ближневосточными производителями для достижения высокой цены в интересах американской сланцевой отрасли.

Американские компании выбрали путь консолидации отрасли, когда мейджоры, такие как «Эксон» и «Шеврон», проводят сделки по объединению с другими производителями, увеличивая свои возможности по добыче для обеспечения роста прибыли и дивидендов. В 2023 г. объем сделок и поглощений в нефтегазовой отрасли США достиг 200 млрд долл. За последние два года пять крупнейших западных нефтегазовых компаний потратили на выплаты акционерам рекордные 220 млрд долл., что на 30% превысило объем их инвестиций за тот же период (рис. 10)¹³.

¹¹ Добыча Ирака составляет 4,2 млн барр/сут.

¹² Jalabi R. Crippling dollar shortage underscores vulnerability of Iraq's oil-based economy // Financial Times. 27.03.2023. URL: <https://www.ft.com/content/e42fe1ff-80f3-4d5b-b182-7812761c87ad> (дата обращения: 22.06.2024).

¹³ Отчётность компаний Exxon Mobil, Chevron, Shell, Total, BP.

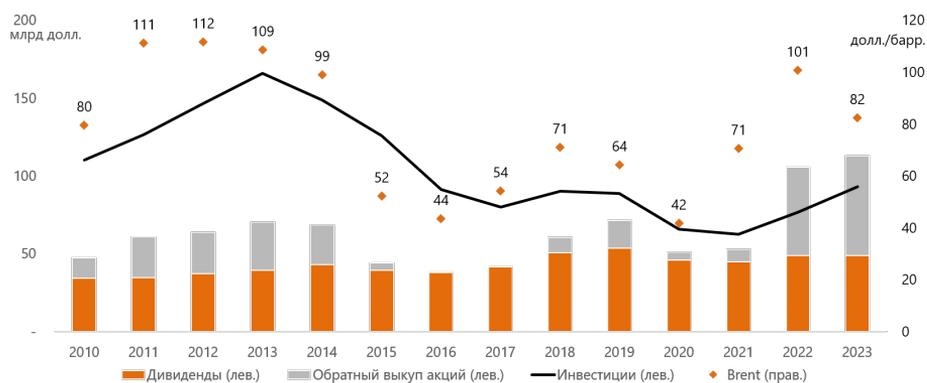

Рисунок 10. Объём дивидендов, обратного выкупа акций и инвестиций нефтяных мейджоров.

Figure 10. Volume of dividends, share buybacks and investments of oil majors.

Источник: отчётность компаний ExxonMobil, Chevron, Shell, TotalEnergies, BP.

Одновременно с этим наблюдается активное увеличение добывающих мощностей странами Персидского залива, которые налаживают каналы сбыта и инвестируют в активы в странах-потребителях. Четыре ключевые страны-участницы ОПЕК — Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт и Ирак — уже обладают значительными свободными мощностями по добыче порядка 5,6 миллиона баррелей в сутки, что эквивалентно 13% текущей добычи ОПЕК+¹⁴. Недавно эти страны объявили о планах по дальнейшему увеличению мощностей. По оценкам экспертов, к 2027 г. их совокупные свободные мощности вырастут ещё на 2 миллиона баррелей в сутки¹⁵.

Формирование резервов как западными, так и ближневосточными компаниями может свидетельствовать о подготовке к серьёзным изменениям на рынке. Наличие таких резервных объёмов, способных оказать значительное влияние на рынок, снижает эффективность добровольного сокращения квот на добычу, принятого основными участниками ОПЕК. Это подтверждается рыночными котировками, которые снизились после недавнего решения министров стран-участниц.

Можно предположить усиление волатильности рынка в связи с неопределённостью, связанной с президентскими выборами в США. Предвыборные настроения зависят, в том числе, от повышения стоимости бензина (средняя цена — 3,6 долл. за галлон, а в некоторых штатах, таких как Калифорния, — 5,4 долл.).

¹⁴ Расчёт «Роснефти» на базе данных Международного энергетического агентства, ADNOC, Aramco.

¹⁵ Расчёты «Роснефти» на базе данных ADNOC, Aramco, аналитического агентства «Ристад Энерджи», информационного агентства «Рейтерс».

Регулирование отрасли может измениться в случае победы определённого кандидата на предстоящих выборах, что создаёт риски и основания для предположения о наличии резервных планов у крупных участников рынка.

«Эксон» завершает свою сделку по слиянию с «Пионером», «Шеврон» с «Хессом», ОПЕК+ объявил о планах по постепенному увеличению объёмов добычи с сентября, а «Арамко» проводит вторичное размещение акций. Уверен, что дополнительное размещение акций «Арамко» будет успешным и станет историческим событием в мировой нефтяной отрасли.

Бюджеты большинства стран-участниц ОПЕК+ способны выдержать возможное снижение цены на нефть, что может быть частично или полностью компенсировано увеличением поставок (рис. 11).

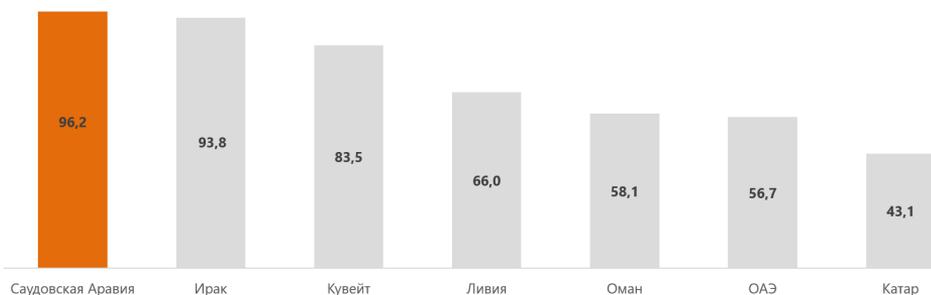

Рисунок 11. Цена на нефть, необходимая для покрытия расходов бюджета стран ОПЕК в 2024 г. (долл./барр).

Figure 11. Oil price required to cover OPEC budget expenditures in 2024 (USD/barrel).

Источник: МВФ, Блумберг

Теоретически снижение цен на нефть может означать для российской нефтяной отрасли возможность снятия всех ограничений по потолку цен, поскольку доходная часть утверждённого федерального бюджета сформирована исходя из цены 60 долл. за баррель. В этих условиях возможность оперативной реакции со стороны ОПЕК+ на появление новых факторов воздействия будет иметь принципиальное значение для стабилизации мировых рынков.

Гегемония США: не только энергетика

Финансовая система США также является активным инструментом недобросовестной конкуренции. Ограничения финансового характера распространяются на весь мир, так как американская финансовая система является основой мировой финансовой инфраструктуры. Она используется как инструмент незаконного воздействия, нарушая основы Бреттон-Вудской валютной системы, в которой доллар должен играть роль мировой резервной валюты и основного платёжного средства.

В последние годы использование доллара в качестве экономического оружия и неконтролируемый рост государственного долга США запустили процесс дедолларизации. С 2001 г. доля доллара в международных золотовалютных резервах снизилась с 71% до 58% (рис. 12). Кризис доверия к доллару США как резервной валюте приводит к тому, что центральные банки развивающихся стран отдают предпочтение иным защитным активам, таким как золото. В результате его доля в золотовалютных резервах за последние десять лет практически удвоилась.

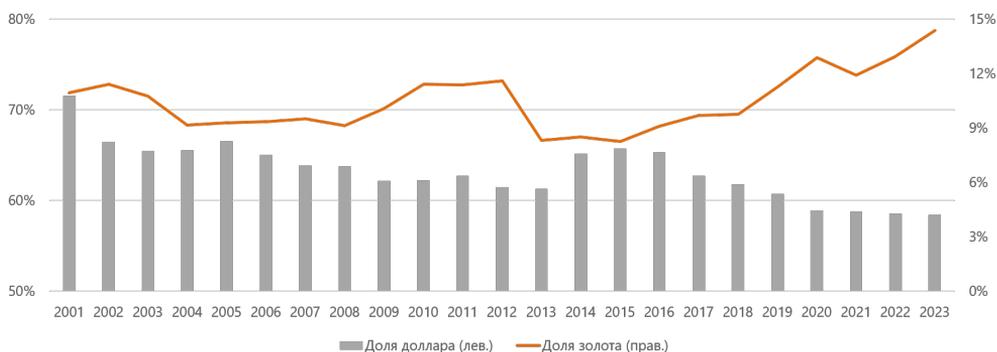

Рисунок 12. Доля доллара и золота в международных золотовалютных резервах.
Figure 12. Share of dollar and gold in international gold and foreign exchange reserves.
Источник: Международный валютный фонд, Всемирный золотой совет.

Кроме того, развивающиеся страны выводят золотые запасы из хранилищ в США и Великобритании. Например, Резервный банк Индии вывел из Банка Англии более 100 тонн золота, что составляет четверть его запасов, хранящихся за границей. Аналогичные решения о репатриации золотых запасов приняли такие страны, как Саудовская Аравия, Нигерия, Южная Африка, Египет и другие.

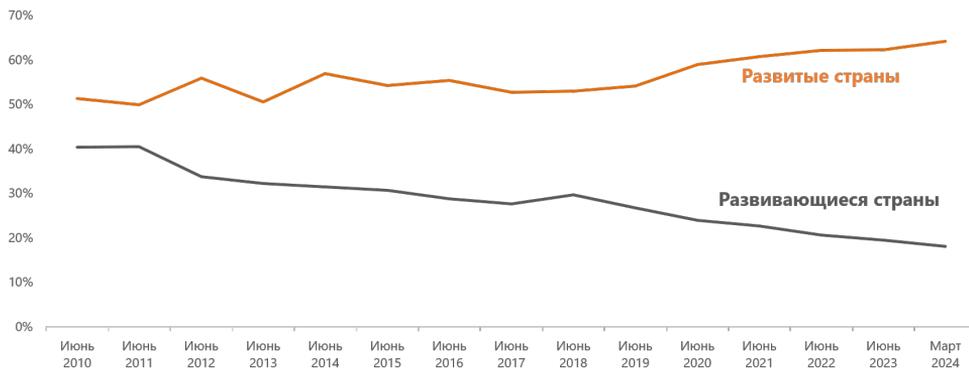

Рисунок 13. Доля топ-20 иностранных держателей долговых обязательств Минфина США по граппам стран.

Figure 13. Share of top 20 foreign holders of US Treasury debt by country group.

Источник: Министерство финансов США

За последние 15 лет доля развивающихся стран среди иностранных держателей государственных облигаций США снизилась с 51% до 28% (рис. 13)¹⁶. Это свидетельствует о необходимости поиска альтернатив доллару в международной торговле. Многие из общепринятых экономических теорий теряют актуальность. Согласно формуле Карла Маркса, «товар-деньги-товар», деньги являются продуктом товарного обращения. Однако сегодня деньги не в полной мере выполняют свою основную функцию механизма расчётов. Теория Милтона Фридмана, утверждающая, что деньги являются инструментом расчёта и имеют самостоятельную стоимость, выраженную в ставке привлечения, также периодически даёт сбои. Политическая система использует деньги как инструмент манипулирования.

Рост государственного долга США — ещё один фактор, подрывающий доверие к доллару и влияющий на энергорынок и мировую экономику. В течение последних 20 лет США агрессивно использовали особый статус доллара для финансирования масштабных заимствований. В прошлом году отношение госдолга США к ВВП приблизилось к 100% (рис. 14). Федеральная резервная система США вынуждена была повысить процентные ставки с околонулевого уровня до 5,5% для борьбы с пузырьём ликвидности.

¹⁶ RBI moves 100 tonnes gold from UK to its vaults in India // The Times of India. May 31, 2024. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/110574276.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 22.06.2024).

Рисунок 14. Государственный долг США (% от ВВП).

Figure 14. US government debt (% of GDP).

Источник: Счётная палата США

Примечание: Госдолг США включает задолженность перед негосударственными инвесторами

Отсутствие реальных шагов по ограничению роста госдолга США вызывает обеспокоенность. Наоборот, США продолжают наращивать долг рекордными темпами — на 1 трлн долл. каждые 100 дней. Процентные платежи по госдолгу уже превысили 1 трлн долл., что выше госрасходов на оборону и здравоохранение (рис. 15)¹⁷.

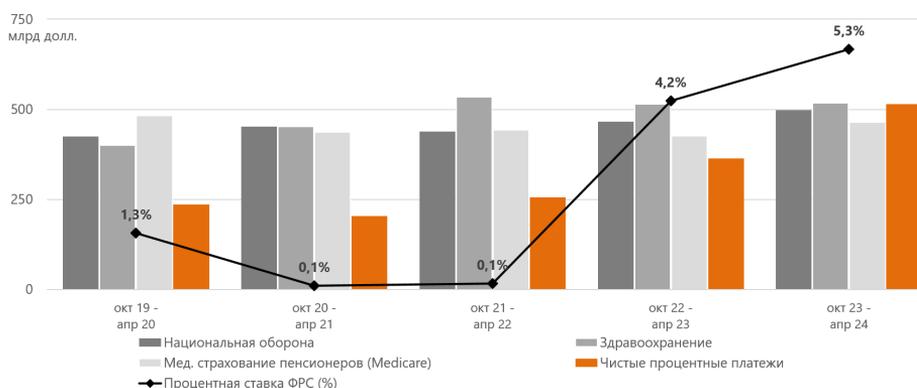

Рисунок 15. Расходы бюджета США на чистые процентные платежи, оборону, здравоохранение и медицинское страхование.

Figure 15. US budget expenditures on net interest payments, defense, health care and health insurance.

Источник: Бюро фискальной службы Минфина США.

Примечание: фискальный год в США исчисляется с 1 октября по 30 сентября.

¹⁷ The Nation's Fiscal Health / U.S. Government Accountability Office. February 2024. <https://www.gao.gov/assets/d24106987.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

В прошлом году суммарные обязательства США по социальному страхованию и здравоохранению превысили 250 трлн долл., из которых более 70 трлн не обеспечены будущими доходами¹⁸. В условиях высоких ставок бюджетный дефицит США составляет 9% ВВП, что в четыре раза выше среднего уровня за последние восемьдесят лет¹⁹.

История показывает, что может произойти с валютой страны, долг которой постоянно растёт. До Второй мировой войны британский фунт был мировой резервной валютой. Однако увеличение госдолга Великобритании до 130% ВВП стало одним из факторов, положивших конец господству фунта.

Использование запрета на доступ к технологиям — ещё один санкционный барьер. Примером этого является введение США заградительных пошлин на товары и оборудование в сфере возобновляемой энергии из Китая, мирового лидера в этой области. Министерство иностранных дел КНР справедливо отметило, что субсидии, предоставляемые США, считаются «важнейшими промышленными инвестициями», тогда как субсидии других стран рассматриваются как «недобросовестная конкуренция».

Попытки США поддерживать своё технологическое превосходство дорого обходятся их союзникам. Ориентировочная стоимость отказа от китайских компонентов при развёртывании сети 5G в Великобритании превышает 5 млрд долл., а для Германии эта цифра значительно выше²⁰.

Несостоятельность «зелёного» перехода в текущем виде

Европейцы уже замечают, что климатическая политика их стран наносит ущерб их финансовому благополучию, вызывая рост цен на энергоресурсы, недвижимость, транспорт и продукты питания. В результате этого стоимость «зелёной» повестки в Европе скоро превысит полтриллиона евро, и это далеко не окончательная цифра²¹. По данным Торгово-промышленной палаты Германии, руководство более половины предприятий в Германии негативно относится к энергетическому переходу (рис. 16).

¹⁸ The 2023 Financial Report of the US Government / Department of The Treasury. February 15, 2024. URL: [https://fiscal.treasury.gov/files/reports-statements/financial-report/2023/02-15-2024-FR-\(Final\).pdf](https://fiscal.treasury.gov/files/reports-statements/financial-report/2023/02-15-2024-FR-(Final).pdf) (дата обращения: 22.06.2024).

¹⁹ America's fiscal outlook is disastrous, but forgotten // The Economist. May 2nd, 2024. URL: <https://www.economist.com/briefing/2024/05/02/americas-fiscal-outlook-is-disastrous-but-forgotten> (дата обращения: 22.06.2024).

²⁰ Dzodin H. The U.S. is Blindsided in Efforts to Block China's High-tech Rise // CHINA US Focus. Mar 27, 2024. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/the-us-is-blindsided-in-efforts-to-block-chinas-high-tech-rise> (дата обращения: 22.06.2024).

²¹ Krukowska E. Last-Minute Green Deal Hiccups Expose EU Concerns Over Political Costs // Bloomberg. 27 мая 2023. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-27/last-minute-green-deal-hiccups-expose-eu-concerns-over-political-costs> (дата обращения: 22.06.2024).

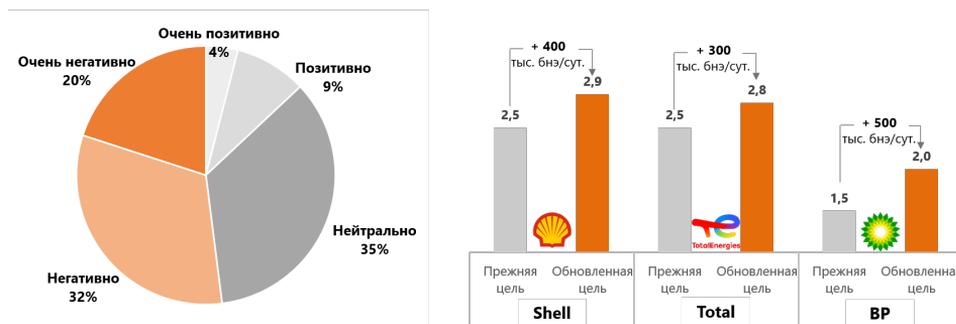

Рисунок 16. Отношение производственных компаний Германии к энергетическому переходу. Рост целей* по добыче нефти и газа (млн бнэ/сут).

Figure 16. Attitude of German Manufacturing Companies towards the Energy Transition. Growth of Oil and Gas Production Targets (million barrels of oil equivalent per day).

Источник: Торгово-промышленная палата Германии, данные компаний

Цель по добыче нефти и газа по Shell и BP на 2030 г., по Total Energies прежняя цель была на 2027 г., обновлённая – на 2028 г.

Oil and Gas Production Targets by Shell and BP for 2030, by Total Energies: Previous Target for 2027, Updated Target for 2028.

Некоторые страны ЕС, такие как Германия, Франция, Бельгия и Швеция, уже готовы пересматривать свой подход к выполнению целей «Зелёного» Пакта Европы. Всемирный банк в своём недавнем отчёте отодвинул сроки достижения целей «зелёного» перехода на десять лет вперёд, к 2060 г.²² Мы уверены, что цели по выбросам будут ещё неоднократно пересматриваться.

Компания «Шелл» отказалась от цели по снижению выбросов на 45% к 2035 г. и планирует сократить персонал в подразделениях, занимающихся борьбой с изменением климата²³. «Би-Пи», ранее пионер «зелёного» перехода, столкнулась с негативной реакцией рынка на смену стратегии. С момента объявления новой стратегии достижения углеродной нейтральности в 2020 г. котировки акций компании снизились на 3% на фоне роста показателей европейских и американских супермейджоров более чем на 20–60% (рис. 17). Инвесторы называют акции «Би-Пи» «мёртвыми деньгами».

Руководство компании уже публично заявило, что цель по снижению добычи к 2030 г. может быть скорректирована, и не исключает проведения дополнительной геологоразведки или приобретения новых запасов нефти и газа,

²² Net Zero Energy By 2060 / World Bank Group. 27.02.2024. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099022124142035945/pdf/P17774414c3d1609d1a10c1c69a4e516dd0.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

²³ Shell Weakens 2030 Emissions-Cut Target in Move Away From Clean Power / Bloomberg. 14.03.2024. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-14/shell-moderates-2030-emissions-cut-target-in-strategy-update> (дата обращения: 22.06.2024).

несмотря на списание значительной российской ресурсной базы. На текущий момент «Би-Пи» присвоен самый низкий кредитный рейтинг среди супер-мейджоров из-за высокой долговой нагрузки и слабого баланса. Рейтинговое агентство «S&P» недавно понизило прогноз по кредитному рейтингу компании с «позитивного» до «стабильного» из-за более низких, чем ожидалось, темпов снижения долга.

Общий долг «Би-Пи» на конец I квартала этого года превысил 64 млрд долл., увеличившись за год на 12%. Это максимальное значение за последние два года, превышающее суммарный долг «Эксон» и «Шеврон» (62 млрд долл.). Долговая нагрузка «Би-Пи» стала самой высокой среди показателей пятёрки мейджоров.

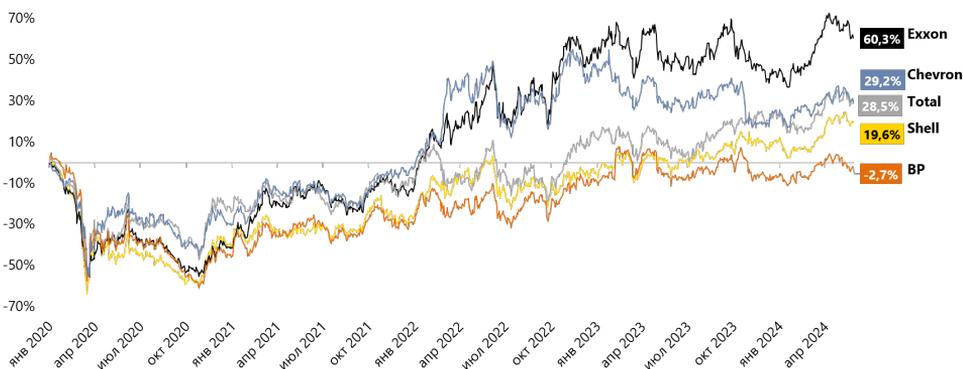

Рисунок 17. Динамика акций крупнейших нефтяных компаний с начала 2020 г. (ExxonMobil, Chevron, Shell, TotalEnergies, BP).
Figure 17. Dynamics of stock prices of the largest oil companies since the beginning of 2020 (ExxonMobil, Chevron, Shell, TotalEnergies, BP).

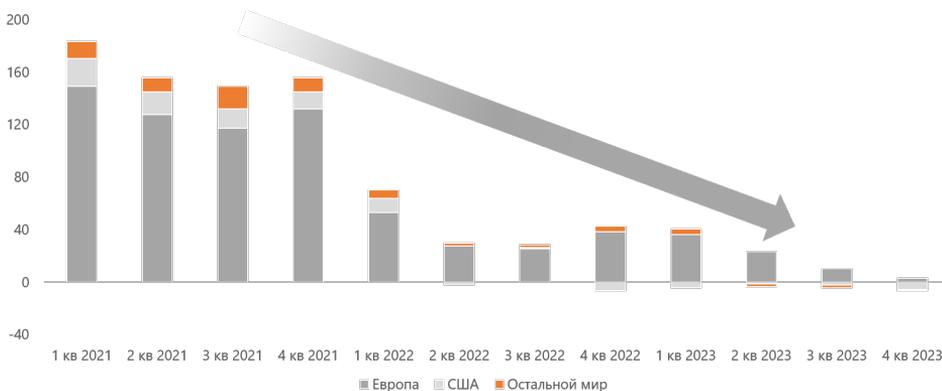

Рисунок 18. Поступление (отток) денежных средств в фонды устойчивого развития (млрд долл.).
Figure 18. Inflow (outflow) of funds into sustainable development funds (billion dollars).
 Источник: Morningstar Direct

Инвестиционный фонд «Блэкрок», известный как крупнейший оператор финансового рынка и апологет «зелёного» перехода, нашёл другое применение своим инвестициям. Включив своих представителей, таких как Брайан Диз, директор Национального экономического совета, Адевале Адейемо, первый заместитель министра финансов США, и Майк Пайл, советник вице-президента США, непосредственно в администрацию Белого дома, «Блэкрок» также активно вкладывается в американский ВПК. Вложения фонда в пять крупнейших компаний оборонной промышленности превышают 20 млрд долл., первоначально предназначенных для «зелёного» перехода (рис. 18).

Необходимость сбалансированного «зелёного» перехода

Энергопереход должен быть сбалансирован и направлен на удовлетворение интересов большинства, то есть развивающихся стран, которые обеспечат рост энергопотребления в ближайшие годы. Именно развитые страны, представляющие сегодня меньшинство населения планеты, внесли наибольший вклад в климатический кризис. Вот несколько фактов (рис. 19):

- На развитые страны приходится 65% совокупных выбросов, произведённых за последние 200 лет.
- 10% самого богатого населения мира ответственно за половину всех выбросов CO₂.
- На самый богатый 1% населения планеты приходится в два раза больше выбросов углекислого газа, чем на самые бедные 50%.
- Весь африканский континент производит менее 4% выбросов в мире.

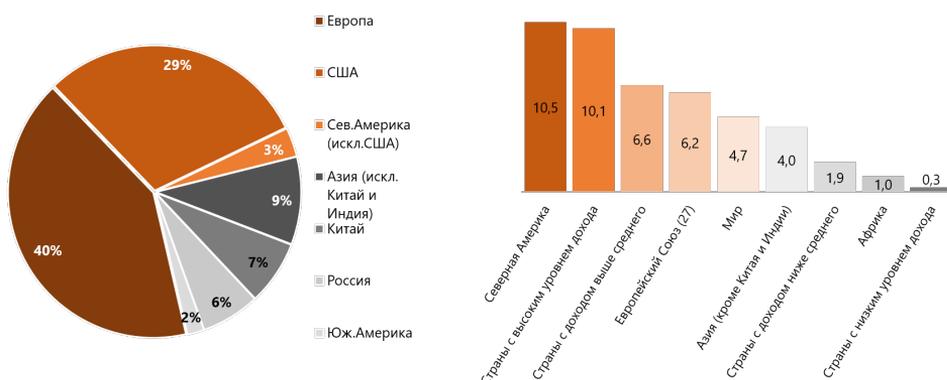

Рисунок 19. Совокупные выбросы CO₂ на последние 200 лет. Выбросы CO₂ на душу населения (тонн).

Figure 19. Cumulative CO₂ emissions for the last 200 years. CO₂ emissions per capita (tons).

Источник: Our world in data.

Для достижения энергобезопасности необходимо обеспечить достаточность, доступность и надёжность источников энергии. Сегодня потребители озабочены не только выбросами, но и бесперебойностью поставок энергии из новых источников, а также надёжностью и удобством использования новых технологий. К сожалению, стратегия «зелёного» перехода в её сегодняшнем виде не учитывает эти потребности.

Примером могут служить электромобили. Очевидно, что, вопреки оптимистичным прогнозам, они не являются панацеей от всех экологических проблем. Спрос на электромобили замедляется во всем мире, несмотря на беспрецедентные усилия по поддержке этой отрасли со стороны государств (рис. 20).

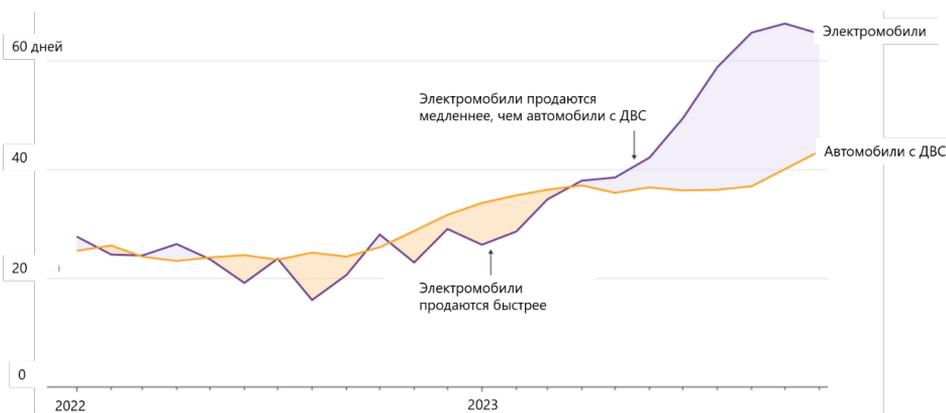

Рисунок 20. Среднее кол-во дней, требуемое дилеру для продажи автомобиля в США.

Figure 20. Average number of days it takes a dealer to sell a car in the US.

Источник: Edmunds.

Пересмотр политики субсидирования электромобилей демонстрирует недостаток планирования и спешку, с которой западные страны изначально подошли к электрификации транспорта. После того как несколько лет назад им удалось привлечь покупателей высокими субсидиями, сейчас правительства западных стран планируют ввести налоги на электромобили для затыкания образовавшихся дыр в бюджете. По оценке Международного энергетического агентства (МЭА), к 2035 г. переход на электромобили может привести к недополучению 110 млрд долл. налогов на моторное топливо, которые направляются на поддержание дорожного хозяйства и улучшение транспортной инфраструктуры (рис. 21)²⁴.

²⁴ Smyth J., Chu A. Governments slap taxes on EVs as \$110bn fuel duty shortfall looms // Financial Times. 07.05.2024. URL: <https://www.ft.com/content/9e4e38af-acb6-426b-9cd5-5f7e938d4443> (дата обращения: 22.06.2024).

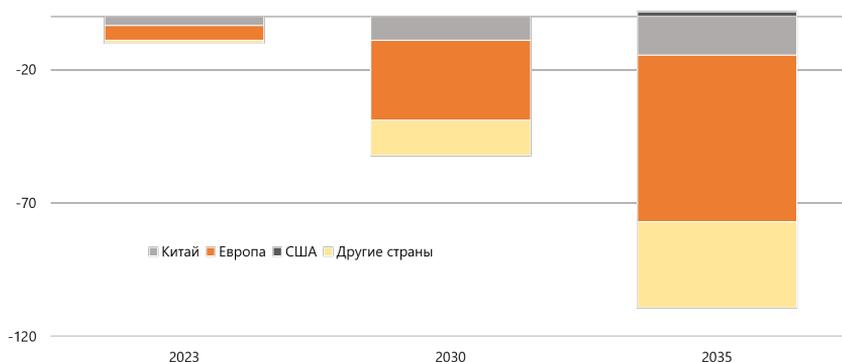

Рисунок 21. Ежегодные чистые потери от недополученных налогов на моторное топливо (за вычетом полученных дополнительных налогов на электроэнергию).

Figure 21. Annual Net Losses from Foregone Motor Fuel Taxes (after Deducting Additional Taxes Received on Electricity).

Для компенсации выпадающих доходов бюджета целый ряд стран, включая Великобританию, Новую Зеландию, Израиль и большинство североамериканских штатов, уже вводят налоги на электромобили и гибридные автомобили. Германия недавно объявила о прекращении льгот и ускоренной отмене субсидий. По мере сокращения субсидий становится понятно, что даже в богатых западных странах покупатели не готовы переплачивать за электромобили.

Помимо высокой цены, существует ряд вопросов, без решения которых невозможно повсеместное внедрение электромобилей. Это недостаточный запас хода, неразвитость зарядной инфраструктуры, необходимость утилизации аккумуляторных батарей, нехватка критически важных металлов и влияние их добычи на окружающую среду, проблемы с безопасностью на дороге и многое другое (рис. 22). Исследования показывают, что количество сбоев в работе зарядных станций в США выросло на 50% за два года, а каждая пятая попытка зарядить электромобиль заканчивается неудачей²⁵.

²⁵ Zukowski D. EV charging infrastructure is 'inadequate and plagued with non-functioning stations': J.D. Power // Utility Drive. 22.02.2023. URL: <https://www.utilitydrive.com/news/ev-charging-infrastructure-inadequate-non-functioning-stations/643277/> (дата обращения: 22.06.2024).

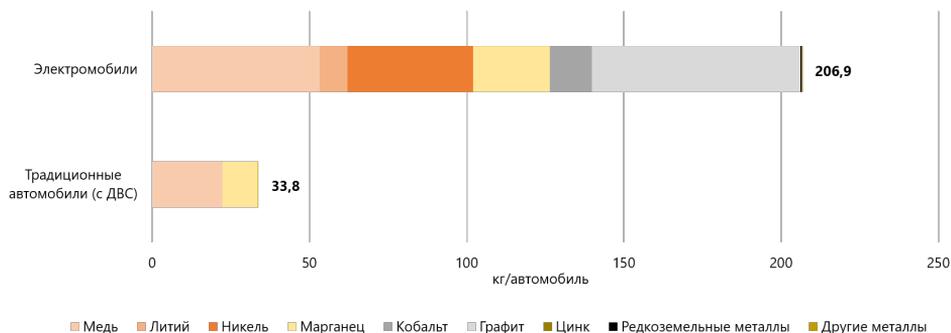

Рисунок 22. Объём металлов, необходимый для производства различных видов автомобилей.

Figure 22. Volume of metals required to produce different types of cars.

Источник: Отчёт МЭА – *The Role of Critical Minerals in Clean Energy Transition*

Что касается безопасности, то гибриды и электромобили в два-три раза чаще совершают наезд на пешеходов, чем автомобили с двигателем внутреннего сгорания (ДВС) (Edwards, Moore, Higgins 2024). За последние десять лет западные технологические гиганты активно демонизировали ископаемое топливо, закрывая электростанции, обеспечивающие надёжные поставки электроэнергии, и популяризируя ненадёжную возобновляемую энергетику. Однако масштабные энергокризисы в Калифорнии и Техасе показали, что ни солнечные батареи, ни ветряные электростанции не способны заменить традиционную электроэнергетику.

Благодаря многолетней агрессивной пиар-кампании и усилиям лоббистов, возобновляемая энергетика вытеснила с энергорынка Северной Америки значительный объём надёжной электрогенерации. В результате значительные участки территории США и Канады сейчас рискуют столкнуться с нехваткой электроэнергии (рис. 23).

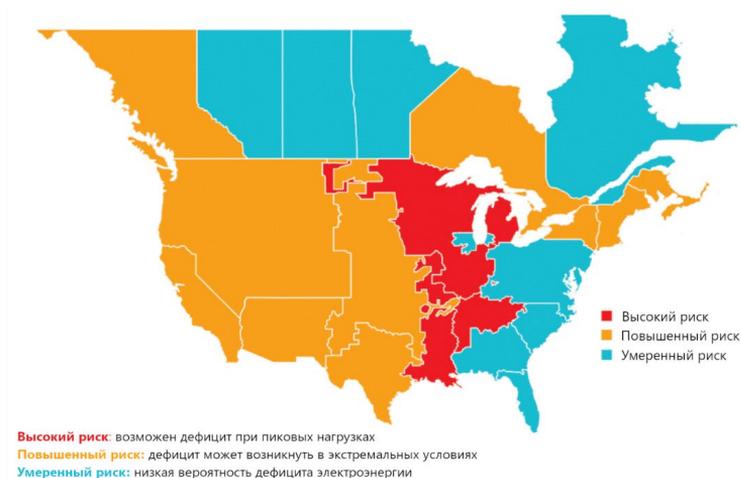

Рисунок 23. Риск дефицита электроэнергии в США и Канаде.

Figure 23. Risk of electricity shortages in the US and Canada.

Источник: Национальная корпорация по надёжности электроснабжения США.

Растущий спрос на электроэнергию со стороны центров обработки данных (ЦОД) уже не может быть удовлетворён существующими мощностями. Если до 2019 г. мировое потребление электроэнергии в этом сегменте практически не росло, то за последние четыре года оно удвоилось. По оценке инвестиционного банка «Голдман Сакс», мировое потребление электроэнергии центрами обработки данных может вырасти в два с половиной раза к 2030 г. — на 1000 тераватт-часов, что равно совокупному потреблению Германии и Франции²⁶.

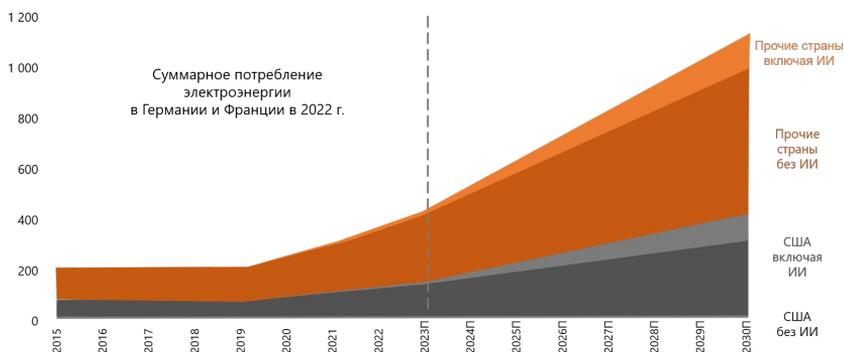

Рисунок 24. Потребление электроэнергии центрами обработки данных (ТВт*ч).

Figure 24. Electricity consumption by data centers (TWh).

Источник: Goldman Sachs, BP Statistical Review. Примечание: ИИ – искусственный интеллект

²⁶ Generational Growth: AI, data centers and the coming US power demand surge / Goldman Sachs. 29.04.2024. URL: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/gs-research/generational-growth-ai-data-centers-and-the-coming-us-power-surge/report.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

Широкое внедрение искусственного интеллекта (ИИ) ещё больше ускорит рост энергопотребления (рис. 24). Обработка одного запроса чат-ботом GPT требует в 10 раз больше электроэнергии, чем поисковиком Google²⁷. Нынешний бум ИИ требует отдельного осмысления, учитывая, что ИИ будет всё больше использовать данные деградирующего информационного пространства.

Внедрение новых технологий в рамках энергоперехода требует огромных инвестиций. Например, стоимость перехода на электротранспорт крупных мегаполисов исчисляется десятками млрд долл. По оценке, электрификация транспорта в таких городах, как Сан-Паулу, Мумбаи, Нью-Йорк, Лондон, Йоханнесбург и Шанхай, может стоить более полутриллиона долл. (рис. 25).

Рисунок 25. Оценка инвестиций в электрификацию легкового автотранспорта к 2030 г. (включая легковые автомобили, а также 2-х, и 3-х колёсный мототранспорт, в ценах 2023 г.).

Figure 25. Assessment of investments in the electrification of passenger vehicles by 2030 (including passenger cars, as well as 2- and 3-wheeled motor vehicles, in 2023 prices).

Источник: Оценка Роснефти.

МЭА прогнозирует, что для достижения углеродной нейтральности к 2030 г. потребуется увеличить производство меди почти в 1,5 раза, никеля и кобальта — в 2 раза, а лития — более чем в 4 раза (рис. 26)²⁸. Это увеличит нагрузку

²⁷ Electricity Now. Powering Up Europe: AI datacenters and electrification to drive +c.40%-50% growth in electricity consumption / Goldman Sachs. April 29, 2024. URL: <https://www.goldmansachs.com/intelligence/pages/gs-research/electrify-now-powering-up-europe/report.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

²⁸ IEA (2024), Global Critical Minerals Outlook 2024, IEA, Paris <https://www.iea.org/reports/global-critical-minerals-outlook-2024> (дата обращения: 22.06.2024).

на ресурсы развивающихся стран, где находятся основные залежи полезных ископаемых, критически важных для «зелёного» перехода.

Потребление меди, без учёта «зелёной» повестки, превысит 900 миллионов тонн к 2050 г. Для электрификации мирового автопарка понадобится ещё 500 миллионов тонн меди²⁹. Совокупное потребление меди к 2050 г. может вдвое превысить весь объём этого металла, добытый за всю предыдущую историю человечества, и на 60% превышать все извлекаемые запасы на сегодняшний день³⁰.

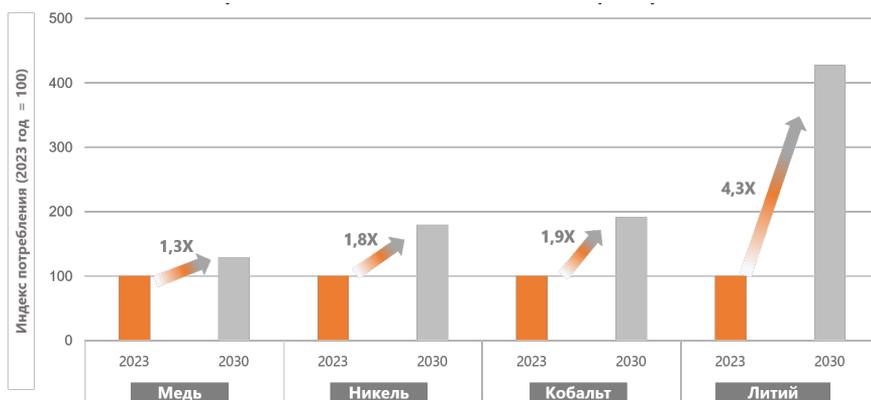

Рисунок 26. Рост спроса на металлы, необходимые для энергоперехода.

Figure 26. Rising demand for metals needed for energy transition.

Источник: Отчет МЭА – Global Critical Minerals Outlook 2024

На первом этапе проблему выбросов можно решать путём повышения эффективности производства энергии, а не вытеснения традиционных источников энергии альтернативными.

Рост потребления нефти как способ борьбы с бедностью

Очевидно, что спрос на электроэнергию будет расти за счёт развивающихся стран, которым ещё предстоит преодолеть энергетическую бедность.

Разрыв в потреблении энергии между бедными и богатыми странами колоссален. Например, подушевое потребление энергии в Индии, где проживает

²⁹ Copper Mining and Vehicle Electrification / International Energy Forum. May 2024. <https://www.ief.org/focus/ief-reports/copper-mining-and-vehicle-electrification/copper-mining-and-vehicle-electrification-report-download#frmConf> (дата обращения: 22.06.2024).

³⁰ 0,9 млрд тонн по данным Геологической службы США. См.: Mineral Commodity Summaries 2023 / U.S. Department of the Interior; U.S. Geological Survey. URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

около 20% населения Земли, в одиннадцать раз ниже, чем в США (рис. 27)³¹. В странах Большой семёрки, где проживает менее 10% населения мира, энергопотребление на душу населения почти в три раза выше среднемирового.

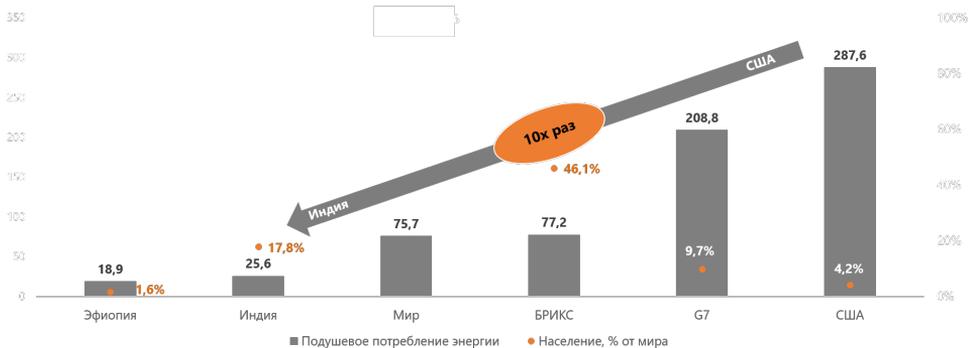

Рисунок 27. Подушевое потребление энергии на 2022 г. (Гдж).

Figure 27. Per capita energy consumption for 2022 (GJ).

Источник: BP Statistical Review 2023, Всемирный банк

В развивающихся странах Азии и Африки наблюдается наибольший прирост населения и, как следствие, стремительное увеличение потребности в энергоресурсах (рис. 28). В этой ситуации снижение глобального потребления ископаемых ресурсов автоматически означало бы сохранение и усугубление проблемы голода и энергетической бедности. Агрессивное продвижение «зелёной» повестки фактически означает объявление энергетической войны.

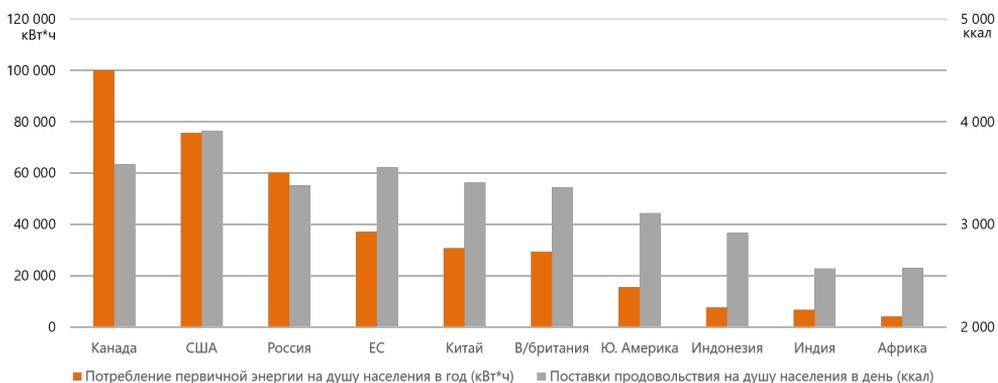

Рисунок 28. Потребление первичной энергии и калорий на душе населения.

Figure 28. Primary energy and calorie consumption per capita.

Источник: Our World in Data. Примечание: данные на 2021 г.

³¹ Расчёты «Роснефти» на основе данных из BP Statistical Review of Energy.

Преодоление энергетического неравенства невозможно без надёжных поставок нефти и газа. Те, кто выступает за полный запрет ископаемого топлива и даже за поэтапный отказ от него, должны задуматься над ролью нефти в современном мире (рис. 29). Помимо производства нефтепродуктов, нефть используется для производства огромного количества товаров повседневного спроса. Отказ от нефти означал бы отказ от современного образа жизни. Для многих стран рост потребления нефти означает доступ к благам цивилизации.

Неудивительно, что спрос на нефть в мире продолжает расти, несмотря на ожидания так называемого «пика нефти». Прогноз ОПЕК рисует реалистичную картину будущего мировой энергетики. Согласно этому прогнозу³²:

- Спрос на нефть вырастет почти на 20% — до 116 млн баррелей в сутки к 2045 г.
- Нефть продолжит занимать около 30% в мировом энергобалансе.

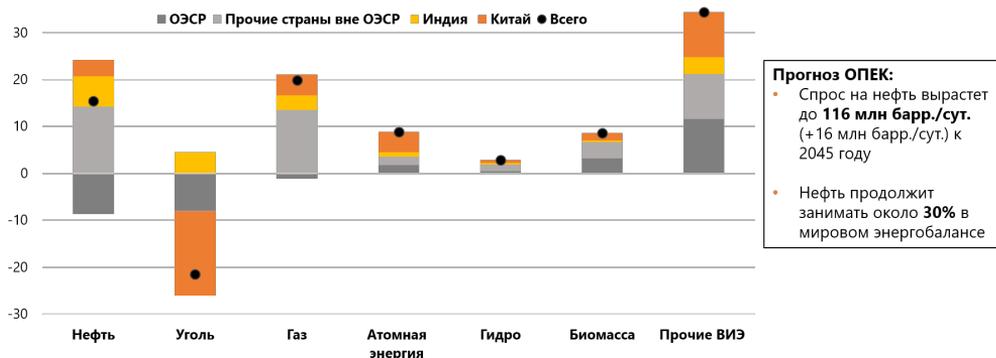

Рисунок 29. Потребление первичной энергии в разбивке по источникам в 2023–2045 гг. (млн барр. н.э./сут.).

Figure 29. Primary energy consumption by source 2023–2045 (million barrels of oil equivalent/day).

Источник: OPEC World Oil Outlook 2023.

Развивающиеся страны будут основными драйверами потребления нефти в ближайшие десятилетия. Уже к 2030 г. рост спроса в этой группе стран совокупно должен обеспечить 95% мирового прироста потребления³³. Наибольший рост спроса на нефть ожидается в странах Азии, являющихся основными торговыми партнёрами России (рис. 30).

³² Organization of the Petroleum Exporting Countries (OPEC). (2023). World Oil Outlook 2045: Executive Summary. Vienna: OPEC Secretariat

³³ Ibid.

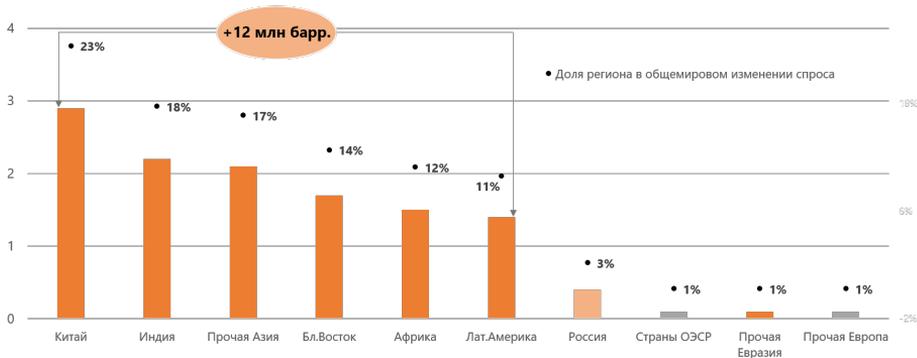

Рисунок 30. Рост спроса на нефть в 2023-2030 гг. (млн барр./сут.).
Figure 30. Growth in oil demand in 2023-2030 (million barrels/day).
 Источник: OPEC World Oil Outlook 2023.

Индия за последние годы достигла значительных успехов в экономике. С 2010 г. спрос на энергию в Индии вырос на 45%, что сделало эту страну третьим потребителем энергии в мире. По прогнозам, в ближайшие пять лет Индия продолжит свой мощный экономический рост и войдет в тройку крупнейших экономик мира с ВВП в 5 трлн долл.³⁴, а к 2050 г. обгонит США по размеру экономики³⁵. Конечное потребление энергии в Индии должно вырасти на 90% к 2050 г. — это один из самых высоких темпов роста в мире (рис. 31)³⁶.

Рисунок 31. Конечное потребление энергии в Индии (ЭДж).
Figure 31. Final energy consumption in India (EJ).
 Источник: МЭА (отчёт World Energy Outlook 2023).

³⁴ India to become USD 5 trillion economy, third largest by 2027: RBI DG Patra // The Economic Times. Sep 21, 2023. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/indicators/india-to-become-usd-5-trillion-economy-third-largest-by-2027-rbi-dg-patra/articleshow/103844727.cms> (дата обращения: 22.06.2024).

³⁵ PwC. (2017). *The World in 2050: The Long View: How will the global economic order change by 2050?*. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf>. (дата обращения: 22.06.2024).

³⁶ International Energy Agency (IEA). (2023). *World Energy Outlook 2023*. Paris: IEA. URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/86ede39e-4436-42d7-ba2a-edf61467e070/WorldEnergyOutlook2023.pdf> (дата обращения: 22.06.2024).

Россия — гарант энергобезопасности

Несмотря на увеличивающееся санкционное давление, Россия сохраняет за собой роль одного из лидеров глобальной энергетики. Россия продолжает развивать энергетический сектор и укреплять свои позиции на мировом энергорынке. Президент России В.В. Путин подчеркнул важность переориентации российского экспорта на быстрорастущие рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Разворот российского энергетического экспорта на рынки АТР начался со строительства Восточного Сибирско-Тихоокеанского нефтепровода (ВСТО) и инвестиций в нефтегазовый сектор Индии задолго до закрытия европейских рынков для нашей страны. В настоящее время на АТР приходится более 80% экспорта российской нефти, и уже сейчас очевидно, что переориентация поставок полностью себя оправдала (рис. 32).

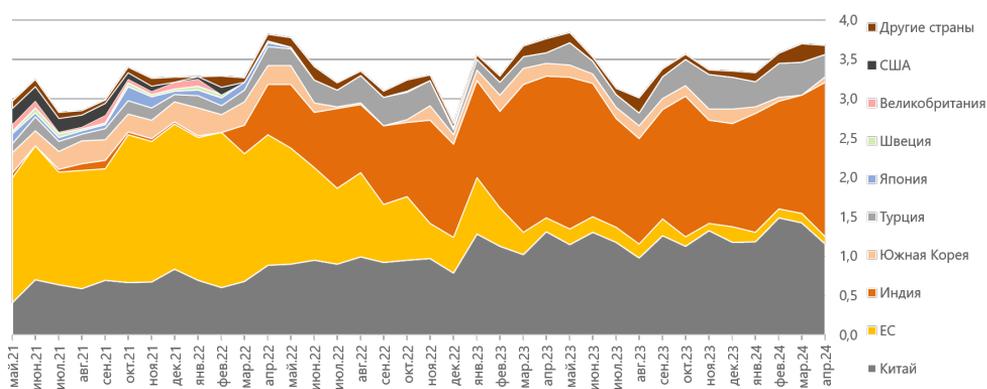

Рисунок 32. Морской экспорт российской нефти по стране назначения (млн барр./сут.).

Figure 32. Marine exports of Russian oil by country of destination (million barrels/day).

Источник: Energy Aspects.

Особое значение имеет развитие проекта Северного морского пути (Сечин 2024), новой транспортной артерии, которая позволит связать ресурсную базу российского Севера с рынками развивающихся стран (рис. 33). Благодаря этому проекту потребители энергии в Азии получают доступ к богатейшим ресурсам арктического шельфа и Сибири. Сегодня в Арктике добывается 10% общемировых объёмов нефти и 25% природного газа. При этом в российской Арктике сосредоточено 80% всех запасов арктической нефти и газа мира³⁷.

³⁷ ТАСС. Ледоколы [Электронный ресурс]. – URL: <https://icebreakers.tass.ru/> (дата обращения: 22.06.2024).

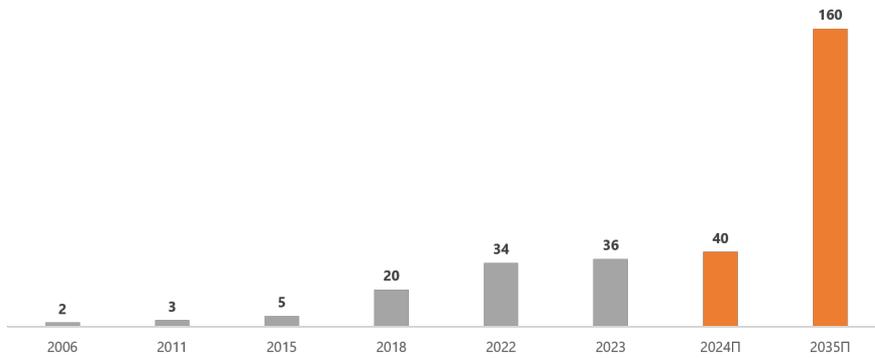

Рисунок 33. Объём перевозок по Северному морскому пути (млн тонн).
Figure 33. Volume of transportation along the Northern Sea Route (million tons).
 Источник: Росатом, Минвостокразвития, Инвестиционный портал Арктической зоны России, РБК.

Необходимыми условиями для продолжения экспорта российской нефти являются торговля в национальных валютах и развитие альтернативных платёжных систем (рис. 34). За последние два года доля рубля в расчётах за экспорт выросла более чем в три раза и превысила 40%. Растёт также роль дружественных валют в мировой торговле.

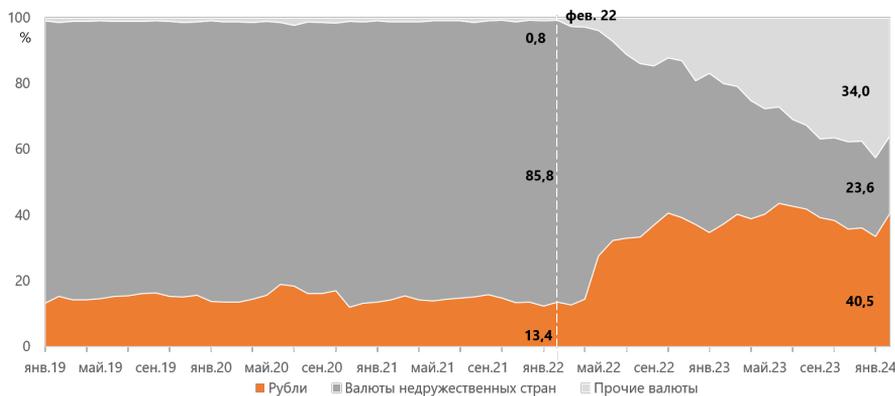

Рисунок 34. Доля рубля и других валют в платежах за российский экспорт.
Figure 34. Share of the ruble and other currencies in payments for Russian exports.
 Источник: Центральный банк РФ.

Например, в сентябре прошлого года юань впервые обогнал евро в торговых расчётах через SWIFT (рис. 35). Российско-китайские взаиморасчёты также перешли на расчёты в национальных валютах, доля которых по итогам 2023 г. превысила 90%³⁸.

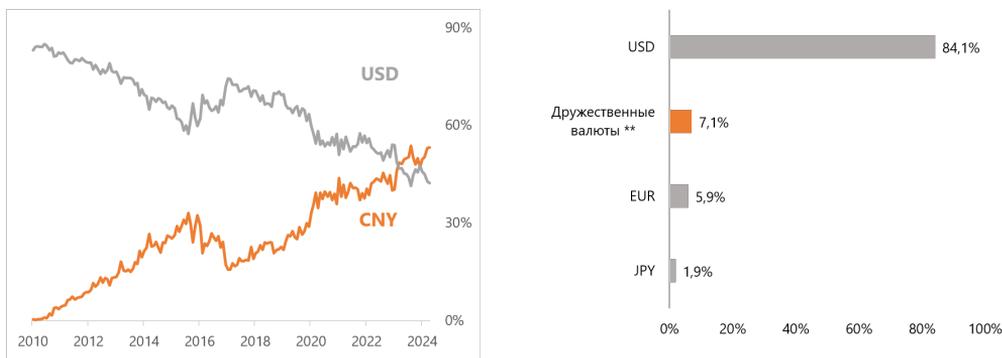

Рисунок 35. Доли доллара США и китайского юаня в международных расчётах Китая. Доли топ-10 мировых валют в торговых расчётах через SWIFT.

Figure 35. Shares of the US dollar and Chinese yuan in China's international payments. Shares of the top 10 world currencies in trading settlements via SWIFT.

Источник: Государственное валютное управление КНР, SWIFT. Рассчитано по всем международным поступлениям и платежам компаний, не относящихся к банковскому сектору, (***) данные за апрель 2024 г. включают CNY, INR, SAR, AED, IDR, THB, VND

Для дальнейшего расширения использования национальных валют необходимо создать соответствующую инфраструктуру и инструменты, обеспечивающие проведение клиринговых операций, открытие корреспондентских счетов, использование своп-линий, а также систем для обмена межбанковскими сообщениями.

Заключение

Теперь, когда несостоятельность концепции «зелёного» перехода стала очевидной, необходимо выработать новую стратегию надёжного и безопасного энергоснабжения с учётом потребностей развивающихся стран. Российская нефтяная отрасль самодостаточна с точки зрения ресурсной базы и технологий и способна решать стоящие перед ней задачи. Экономическая среда, в которой работает наша отрасль, характеризуется следующими факторами:

³⁸ Россия и Китай отказались поддержать проект резолюции о прекращении огня на Украине в Совбезе ООН [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2024. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/04/22/1033359-rossiya-kitai-otkazalis> (дата обращения: 22.06.2024).

- Растущее санкционное давление: потолок цен, запрет на использование западной финансовой системы, логистические барьеры.
- Высокая налоговая нагрузка нефтяной отрасли: отрасль формирует более 12 трлн рублей доходной части бюджета при налоговой нагрузке в среднем 75% от финансового результата.
- Добровольные ограничения добычи в рамках Соглашения ОПЕК+.
- Запретительные процентные ставки и ограниченный объем доступной ликвидности на финансовом рынке: несмотря на рекордные 103 трлн рублей ликвидности в российской банковской системе, отрасль лишена возможности привлечения финансирования.

Высокие ставки по депозитам (18–19%) дестимулируют инвестиционные процессы в реальной экономике, необходимые для устойчивого развития. Тем не менее, российский энергетический комплекс способен обеспечить необходимый объем энергоресурсов для внутренних потребителей и выполнить контрактные обязательства перед партнёрами.

В контексте рассмотренных проблем мировой энергетики и анализа возможностей российской экономики уместны слова выдающегося китайского философа Конфуция: «Там, где кончается терпение, начинается выносливость».

Об авторе:

Игорь Иванович Сечин – кандидат экономических наук, главный исполнительный директор ПАО «НК «Роснефть», Россия, 117997, Москва, Софийская наб., 26/1. E-mail: postman@rosneft.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 338.45, 339.9
Received: April 04, 2024
Accepted: June 20, 2024

The Costs and Threats of the Green Energy Transition

 I.I. Sechin
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-7-40](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-7-40)

Rosneft Oil Company

Abstract: This article explores the challenges facing the modern energy market in the context of the accelerated energy transition. It concludes that neither the objectives nor the preparation for the energy transition have been aligned with the actual needs and demands of humanity. The current goals of the energy transition are ideologically driven and unrealistic, prompting countries and companies to reconsider their previously established timelines for achieving carbon neutrality, while investors are growing increasingly disillusioned with the green transition. Despite trillions of dollars in investments, alternative energy sources have failed to replace traditional fuels or ensure reliable energy supply. Concurrently, the demand for electricity will continue to rise with the advancement of artificial intelligence and the expansion of data processing centers.

The article highlights that in Europe, the emphasis on the green energy transition has led to economic downturns, while in developing countries, the implementation of the energy transition has manifested as green neocolonialism, characterized by resource extraction. Lobbying for an accelerated energy transition represents one form of market share competition. Another form includes unlawful sanctions and technological restrictions imposed by the United States on several countries, and the use of the dollar as an economic weapon, which has compelled developing nations to embark on dedollarization processes.

The article concludes that energy development must be linked to ensuring energy security, combating poverty, and addressing the interests of the majority. Therefore, hydrocarbons will continue to be a critical component of the energy sector.

Keywords: energy transition, green energy, hydrocarbon extraction, investments, dedollarization, technological restrictions, green neocolonialism, energy security, poverty alleviation, tax burden, Asia-Pacific markets.

About the author:

Igor I. Sechin – PhD in Economics, Chief Executive Officer, Rosneft Oil Company, Russian Federation, 117997, Moscow, 26/1 Sofiyskaya Naberezhnaya. E-mail: postman@rosneft.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Brown L. 2009. *Plan B 4.0: Mobilizing to Save Civilization*. New York: W. W. Norton & Company. 416 p.

Edwards P.J., Moore S. and Higgins C. 2024. Pedestrian Safety on the Road to Net Zero: Cross-Sectional Study of Collisions with Electric and Hybrid-Electric Cars in Great Britain. *Journal of Epidemiology & Community Health*. URL: <https://jech.bmj.com/content/early/2024/05/01/jech-2024-221902> (accessed 11.06.2024).

Hawken P. 2017. *Drawdown: The Most Comprehensive Plan Ever Proposed to Reverse Global Warming*. New York: Penguin Books. 256 p.

Hickel J., Dorninger C., Wieland H. and Suwandi I. 2022. Imperialist Appropriation in the World Economy: Drain from the Global South through Unequal Exchange, 1990–2015. *Global Environmental Change*. №73, March.

Lomborg B. 2020. *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet*. New York: Basic Books. 320 p.

Schellenberger M. 2020. *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*. New York: Harper. 400 p.

Belkovskiy O.M. 2019. *Ustoychivoye razvitiye i klimaticheskaya politika* [Sustainable Development and Climate Policy]. Moscow: Nauka Publ. 320 p. (In Russian).

Brown L. (2009). *Plan B 4.0: Mobilizing to Save Civilization*. New York: W. W. Norton & Company. 416 p. (In Russian).

Frolov A.A. 2020. *Vozobnovlyayemye istochniki energii: perspektivy i realii* [Renewable Energy Sources: Prospects and Reality]. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Press. 275 p. (In Russian).

Petrov I.V. 2021. Kriticheskiy analiz zelonogo perekhoda [A Critical Analysis of the Green Transition]. *Ekonomika i upravleniye*. 12(3). P. 45–59. (In Russian).

Sechin I.I. 2024. Sudostroitel'nyy kompleks «Zvezda»: global'nyy kontekst i narodnohozyaystvennyye rezul'taty proyekta [Zvezda Shipbuilding Complex: Global Context and National Economic Results of the Project']. *MGIMO Review of International Relations*. vol. 17, no. 2, pp. 7–30. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-2-95-7-30 (In Russian).

Sidorov Ye.N. 2020. Ekonomicheskiye izderzhki zelonoy povestki [Economic Costs of the “green deal”]. *Voprosy ekonomiki*. 7(2). P. 77–91. (In Russian).

Литература на русском языке:

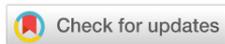
Белковский О.М. 2019. *Устойчивое развитие и климатическая политика*. Москва: Наука. 320 с.

Петров И.В. 2021. Критический анализ зелёного перехода. *Экономика и управление*. 12(3). С. 45–59.

Сечин И.И. (2024). Судостроительный комплекс «Звезда»: глобальный контекст и народнохозяйственные результаты проекта. *Вестник МГИМО-Университета*. 17(2). С. 7–30. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-2-95-7-30

Сидоров Е.Н. 2020. Экономические издержки «зелёной повестки». *Вопросы экономики*. 7(2). P. 77–91.

Фролов А.А. 2020. *Возобновляемые источники энергии: перспективы и реалии*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ. 275 с.

На пути к устойчивому энергетическому развитию: сопряжение традиционной и возобновляемой энергетики в энергетической политике Азербайджана

Р.А. Алиев

Комиссия по устойчивому развитию и экологии Российской ассоциации содействия ООН

В статье рассматривается формирование энергетической политики Азербайджана и многовекторное развитие его топливно-энергетического комплекса (ТЭК). В условиях глобальных трансформаций и изменения структуры энергопотоков автор акцентирует внимание на сбалансированном развитии как углеводородного, так и безуглеродного сегментов энергетики. Концепция устойчивого энергетического развития, предложенная автором, предполагает гармоничное сосуществование традиционной и возобновляемой энергетики, что способствует усилению экономической стабильности и геополитического влияния Азербайджана. Важная роль нефтегазового сектора, продемонстрированная успешными проектами и значительными иностранными инвестициями, подкрепляется активным развитием возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Азербайджан реализует масштабные проекты в области ветровой и солнечной энергетики, а также инициативы по производству зелёного водорода, что способствует не только сокращению выбросов, но и расширению экспортного потенциала страны. В статье подчёркивается важность сбалансированного развития ТЭК, с акцентом на минимизацию выбросов через применение технологий улавливания и использования углерода (CCUS), а также необходимости модернизации инфраструктуры для повышения энергоэффективности. Азербайджан демонстрирует уникальный пример, где традиционная и возобновляемая энергетика не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга, что укрепляет его позиции в международном сотрудничестве и в рамках Большого Евразийского партнёрства.

Ключевые слова: устойчивое энергетическое развитие, нефтегазовая отрасль, возобновляемая энергетика, экспорт углеводородов, энергетическая инфраструктура, трансграничные поставки энергии, геополитическое влияние

УДК: 620.9:621.311(479.24):327

Поступила в редакцию: 15.02.2024

Принята к публикации: 06.06.2024

Цель данной работы – выявить эффективные стратегии устойчивого энергетического развития, которые могут быть применены для гармонизации энергетической политики и международных отношений в сфере энергетики, с учётом баланса между углеводородами и возобновляемыми источниками энергии. Основной исследовательский вопрос, который ставится в рамках исследования, заключается в том, как концепция устойчивого развития влияет на формирование энергетической политики государств с высоким потенциалом углеводородных ресурсов, и какие меры могут быть предприняты для обеспечения устойчивого функционирования энергетического комплекса в условиях глобальных трансформаций.

Влияние концепции устойчивого развития на формирование энергетической политики государств уже подробно анализировалось автором в ряде предыдущих исследований (Алиев 2023). В частности, в статье «Влияние концепции устойчивого развития на трансформацию энергетической политики стран Каспийского региона» были выделены цели, реализация которых прямо или косвенно относится к функционированию энергетического комплекса. Тем не менее рассмотренная совокупность Целей устойчивого развития (ЦУР) не в полной мере отвечает вызовам трансформационных процессов, происходящих в мировом топливно-энергетическом комплексе (ТЭК). Особенно уязвимым в современных реалиях оказывается углеводородный сегмент энергетики, который составляет основную долю как в первичном потреблении энергоносителей (81,8%), так и в производстве электроэнергии (60,6%).

Для ответа на поставленный исследовательский вопрос используется кейс-стади Азербайджана, который является показательным примером. Азербайджан является одним из ведущих производителей нефти и газа в мире, занимая 24 и 31 места соответственно¹, а также занимает третье место среди пяти ведущих стран мира по критерию высокой эффективности добычи при самом низком уровне выбросов, входя в число лидеров по безубыточной стоимости добычи нефти и газа². Азербайджан всегда проявлял активную позицию в отношении смягчения последствий изменения климата. В 1995 г. страна стала членом РКИК ООН³, одобрила Киотский протокол в 2000 г. и подписала Парижское соглашение в 2016 г., взяв на себя обязательства по сокращению выбросов парниковых газов по сравнению с 1990 г. на 35% к 2030 г. и на 40% к 2050г.⁴

¹ Statistical Review of World Energy 2023. 2023. 72nd edition. *BP Energy Institute*. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (accessed 28.03.2024).

² Рогов В. 2023. Нефтегазовые ресурсы Азербайджана одни из самых экологичных и дешёвых в мире [Электронный ресурс]. *Информационное агентство «Интерфакс-Азербайджан»*. 11 октября. URL: <https://interfax.az/view/901547> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Рамочная конвенция Организации Объединённых Наций об изменении климата (РКИК ООН). – прим. автора.

⁴ Sustainable Energy Future of Azerbaijan. 23 January 2022. *E2 Energy*. URL: <https://eenergy.media/news/21756> (accessed: 28.03.2024).

Использование кейс-стади позволяет проанализировать, как Азербайджан справляется с вызовами устойчивого развития, сохраняя при этом устойчивость своей нефтегазовой отрасли.

Методы исследования включают сравнительный анализ и экономико-математическое моделирование. Сравнительный анализ проводится для выявления различий между типами энергетики (углеводородной и возобновляемой) по их влиянию на устойчивое развитие и экологические показатели. Экономико-математическое моделирование позволяет рассчитать оптимальную структуру энергобаланса с учётом региональных особенностей и глобальных климатических обязательств.

Настоящая работа структурирована таким образом: в следующем разделе представлен обзор литературы, в котором анализируются существующие исследования и данные по влиянию концепции устойчивого развития на энергетическую политику; далее следует методологический раздел, в котором подробно описаны используемые методы и подходы; раздел результатов и обсуждения представляет и анализирует результаты исследования, включая сравнительный анализ различных типов энергетики и их влияние на устойчивое развитие. В заключении подводятся основные итоги исследования и даются рекомендации по формированию энергетической политики в условиях глобальных трансформаций.

Роль концепции устойчивого энергетического развития в формировании энергетической политики государства

Предлагаемая концепция устойчивого энергетического развития рассматривает глобальный совокупный спрос на энергию по видам энергоносителей с целью формирования для отдельных стран и региональных объединений гибкой и оптимальной структуры энергобаланса, учитывающей обеспеченность различными видами энергоресурсов. Основой данной концепции служит многофакторная энергоресурсная модель (рис. 1), которая анализирует потенциал использования различных видов энергоносителей, а также учитывает политические, климатические и экологические факторы, определяющие особенности формирования энергетической политики.

Таким образом, концепция устойчивого энергетического развития формируется в условиях кардинальных структурных сдвигов в мировом топливно-энергетическом комплексе (ТЭК), которые разделяют энергетику на углеводородную и безуглеродную. Очевидно, что по мере диверсификации глобального энергобаланса в мире возникает тенденция смягчения противостояния экспортеров и импортеров энергоресурсов. Трансграничные потоки энергоресурсов будут постепенно замещаться поставками электроэнергии с минимизацией углеродного следа при её производстве. С увеличением доли возобновляемых

источников энергии (ВИЭ) в энергобалансе растёт значимость перетоков между соседними энергосистемами для компенсации и выравнивания графиков нагрузки.

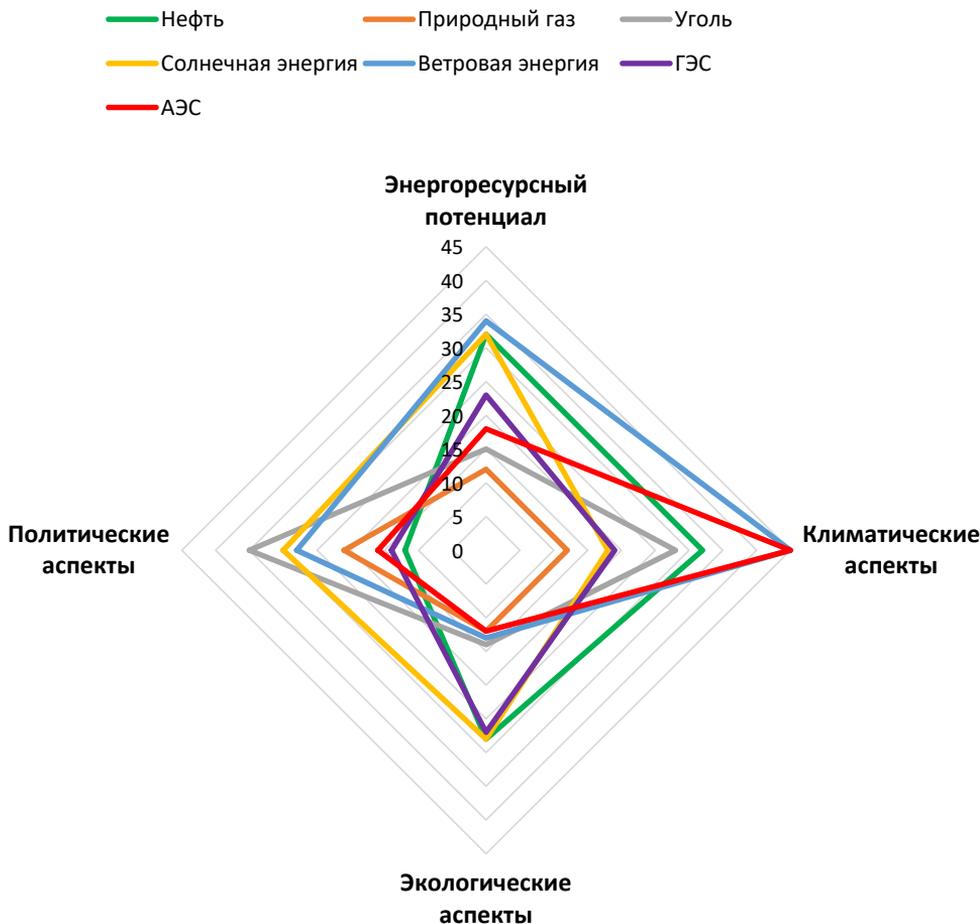

Рисунок 1. Многофакторная энергоресурсная модель (пример результатов расчёта).
Figure 1. Multifactor energy resource model (example of calculation results).
 Источник: составлено автором

Устойчивое энергетическое развитие предполагает инновационную трансформацию нефтегазового комплекса на основе мер операционной декарбонизации, направленных на минимизацию негативного воздействия на климат и экологию. Влияние концепции устойчивого энергетического развития на формирование энергетической политики государства можно свести к комплексному подходу, включающему построение оптимальной структуры энергобаланса (так называемого «умного» энергобаланса), соблюдение климатических обязательств и обеспечение экологической безопасности с учётом

внешнеполитических факторов и ограничений. Предлагаемая концепция носит адаптационный характер и направлена на гармонизацию энергетической политики и международных отношений в сфере энергетики в целом, а также на обретение баланса:

- между поставщиками и потребителями энергоресурсов;
- между углеводородами и ВИЭ;
- между поколениями – с целью обеспечить будущим поколениям те же возможности для удовлетворения энергетических потребностей, без ущемления текущих поколений.

Понятие устойчивого энергетического развития предполагает комплексный подход, обеспечивающий большую гибкость энергообеспечения и недискриминационный доступ к различным энергоносителям, с объективной оценкой преимуществ и недостатков каждого из них. Реализация данной концепции направлена на соблюдение принципов энергетической справедливости и справедливого энергетического перехода.

Во-первых, все энергоресурсы одинаково важны, и нецелесообразно осуществлять «энергетическую дискриминацию» какого-либо вида энергоресурсов или их групп, например, атомной энергии или углеводородов. Во-вторых, структура энергобаланса отдельных стран или их интеграционных объединений должна формироваться прежде всего из соображений целесообразности и ресурсной обеспеченности, что позволит оптимально использовать доступные ресурсы и минимизировать зависимость от внешних поставок.

В рамках реализации глобальной климатической повестки и сокращения выбросов парниковых газов в производстве электроэнергии должен применяться комплексный подход, предусматривающий использование безуглеродных источников энергии (атомная, солнечная и ветровая генерация) или мер по улавливанию, хранению и полезному использованию углерода (CCUS) для углеводородного сектора энергетики. Для гидроэнергетики снижение углеродного следа может быть достигнуто через внедрение мер операционной декарбонизации в производство бетона и регулярную очистку дна искусственных водохранилищ гидроэлектростанций.

Кроме того, использование принципов циркулярной экономики в электроэнергетике становится всё более важным. Это включает разработку технологий полезного использования диоксида углерода, что позволит не только предотвращать его выбросы в атмосферу, но и наладить замкнутый углеродный цикл⁵. Для атомной энергетики уже реализуются технологии повторного использования в рамках концепции замыкания ядерного топливного цикла между

⁵ Понятие замкнутого углеродного цикла предполагает акцент на полезном использовании CO₂ в процессе его улавливания. *Прим. автора*

водо-водяными реакторами ВВЭР и реакторами на быстрых нейтронах БН. Перспективной также является концепция долгосрочного хранения отработанного ядерного топлива (ОЯТ), которая пришла на смену его захоронению.

Для стран, располагающих значительными запасами углеводородов, поддержка нефтегазовой отрасли должна стать задачей государственной важности. Развитие углеводородного ТЭК должно осуществляться с применением мер операционной декарбонизации по всей производственной цепочке – от добычи и переработки до транспортировки и хранения углеводородов. Прекращение инвестиций в нефтегазовые проекты приведёт к замалчиванию проблем и увеличению углеродного следа в целом по отрасли, которая обеспечивает значительную долю первичного потребления энергоресурсов⁶.

Для угольной отрасли, которая на текущий момент обеспечивает 27% первичного мирового потребления энергоресурсов и 35% мировой генерации электроэнергии⁷, инновационным решением являются технологии производства синтетических топлив из угля. Использование этих технологий существенно сокращает выбросы по сравнению с исходным сырьём.

Таким образом, устойчивое энергетическое развитие должно основываться на интеграции различных видов энергоносителей, применении инновационных технологий и обеспечении справедливого распределения энергоресурсов для удовлетворения текущих и будущих потребностей человечества.

Особенности реализации энергетической политики Азербайджана в углеводородном сегменте ТЭК

Доказанные запасы нефти в Азербайджане на начало 2023 г. составили 1,0 млрд т, природного газа – 2,5 трлн м³⁸, а потенциал углеводородных ресурсов в стране оценивается на уровне 2 млрд т нефти и 2,6 трлн м³ газа⁹. Крупнейшими в стране являются блок нефтегазовых месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли» (АЧГ), газоконденсатные месторождения «Шах Дениз», «Умид» и «Абшерон», расположенные на шельфе Каспийского моря. В числе пока не освоенных шельфовых запасов можно также отметить нефтегазовое месторождение «Карабах», газоконденсатные месторождения «Нахчыван» и «Бабек», располагающие высоким ресурсным потенциалом.

⁶ Net Zero by 2050: a Roadmap for the Global Energy Sector. Flagship report. 2021. *International Energy Agency*. URL: <https://www.iea.org/reports/net-zero-by-2050> (accessed 11.04.2024).

⁷ Statistical Review of World Energy 2023. 72nd edition. 2023. *BP Energy Institute*. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (accessed 28.03.2024).

⁸ Statistical Review of World Energy 2023. 72nd edition. 2023. *BP Energy Institute*. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (accessed 28.03.2024).

⁹ Официальный сайт Государственного комитета статистики Азербайджана. URL: https://www.stat.gov.az/source/balance_fuel/?lang=en (дата обращения: 12.03.2024).

В условиях высокой обеспеченности запасами углеводородных ресурсов нефтегазовый комплекс является системообразующим звеном национальной экономики Азербайджана.

Основные приоритеты нефтяной стратегии Азербайджана были разработаны Гейдаром Алиевым. Стратегия основывалась на привлечении в экономику прямых иностранных инвестиций путём заключения соглашений о совместной разработке азербайджанских месторождений с международными энергетическими компаниями.

В 1994 г. между Азербайджаном, Государственной нефтяной компанией AP (SOCAR) и 10 международными энергетическими компаниями (Amoco, BP, McDermott, UNOCAL, LUKoil, Statoil, Türkiye Petrolleri, Pennzoil, Ramco и Delta) был подписан Контракт о совместной разработке месторождений «Азери», «Чираг» и глубоководной части месторождения «Гюнешли», расположенных в азербайджанском секторе Каспийского моря, и долевом разделе добычи. «Контракт века» стоимостью 7,4 млрд долл. стал одним из важнейших по своему политическому, экономическому и стратегическому значению контрактов в истории независимого Азербайджана. После «Контракта века» были подписаны ещё 26 контрактов более чем 40 нефтяными компаниями, представляющими 19 стран.

В 2017 г. было подписано новое Соглашение о совместной разработке месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли» компаниями SOCAR, BP, Chevron, IMPEX, Statoil, ExxonMobil, TP, ITOCHU и ONGC Videsh до 2050 г., которое заложило основу следующего этапа развития нефтяной стратегии Азербайджана. По условиям «Нового Контракта века» доля SOCAR увеличивается с 11% до 25%, а 75% прибыльной нефти остается Азербайджану. Кроме того, в 2019 г. была достигнута договоренность о строительстве дополнительной добывающей платформы на контрактной площади блока месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли». По состоянию на конец 2023 г. объём иностранных инвестиций в рамках проекта составил более 43,4 млрд долл. США¹⁰.

Еще одним ключевым событием в развитии нефтегазовой отрасли Азербайджана стало заключение в 1996 г. контракта на разработку газоконденсатного месторождения «Шах Дениз» между компаниями SOCAR, BP (оператор), Statoil (в настоящее время – Equinor), NICO, Total, «Лукойл» и Türkiye Petrolleri A.O. на условиях СПП. В январе 2013 г. соглашение было продлено ещё на пять лет, до 2036 г. Запасы природного газа на месторождении «Шах Дениз» оцениваются в 1,2 трлн м³¹¹. Реализация данного проекта позволила Азербайджану

¹⁰ Нефтяные и газовые проекты [Электронный ресурс]. *Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева*. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/contract> (дата обращения: 13.03.2024).

¹¹ Азербайджан продлил соглашение о разделе продукции по проекту разработки газового месторождения «Шахдениз» ещё на пять лет. *Азербайджанское государственное информационное агентство «Азертадж»*. 2013. 26 января. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhan_prodlil_soglashenie_o_razdele_produkcii_po_proektu_rabotki_gazovogo_mestorozhdeniya_shahdeniz_eshche_na_pyat_let-252633 (дата обращения: 29.03.2024).

не только существенно нарастить добычу природного газа, но и начать его экспортировать с 2007 г.

К настоящему времени в Азербайджане подписано 27 соглашений с 33 нефтегазовыми компаниями из 15 государств, что создаёт почву для развития других отраслей экономики и сооружения объектов социальной и производственной инфраструктуры.

В среднем, годовая добыча нефти в стране составляет 843,5 млн барр./сут.¹², а газа – 34,6 млрд м³¹³. По данным Министерства энергетики Азербайджана, в 2023 г. добыча нефти составила 30,1 млн т¹⁴, экспорт – 25,2 млн т¹⁵; добыча природного газа – 48,3 млрд м³, экспорт – 23,85 млрд м³¹⁶. За последнее десятилетие наблюдалось снижение добычи нефти на 31% на фоне существенного повышения объёмов добычи газа на 65% (рис. 2).

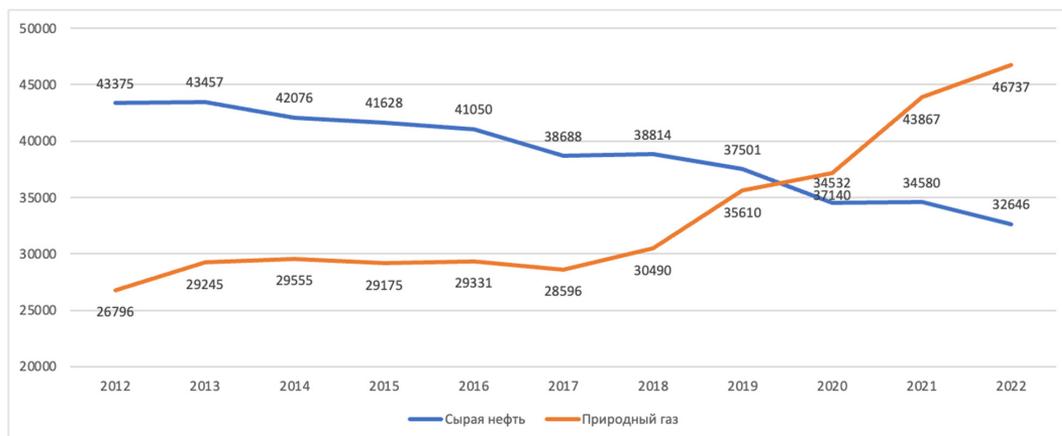

Рисунок 2. Динамика изменения добычи сырой нефти (тыс. т) и природного газа (млн м³) за период 2012–2022 гг.

Figure 2. Dynamics of changes in crude oil production (thousand tons) and natural gas (million cubic meters) for the period 2012–2022.

Источник: составлено автором по данным “Energy of Azerbaijan”¹⁷

¹² Oil Production by Country. *Worldometer*. URL: <https://www.worldometers.info/oil/oil-production-by-country/> (accessed 25.02.2024).

¹³ Natural Gas Production by Country. *Worldometer*. URL: <https://www.worldometers.info/gas/gas-production-by-country/> (accessed 25.02.2024).

¹⁴ Azerbaijan's 2023 Gas and Power Production Rose while Oil Production Declined. *Enerdata*. URL: [https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/azerbaijans-2023-gas-and-power-production-rose-while-oil-production-declined.html#:~:text=Azerbaijan%20produced%2030.2%20Mt%20of,7.8%20Mt%20\(including%20condensate\)](https://www.enerdata.net/publications/daily-energy-news/azerbaijans-2023-gas-and-power-production-rose-while-oil-production-declined.html#:~:text=Azerbaijan%20produced%2030.2%20Mt%20of,7.8%20Mt%20(including%20condensate).). (accessed 25.04.2024).

¹⁵ Oil production and export. *The Ministry of Energy of the Republic of Azerbaijan*. URL: <https://minenergy.gov.az/en/statistika/neftin-hasilati-ve-ixraci> (accessed 25.04.2024).

¹⁶ Gas production and export. *The Ministry of Energy of the Republic of Azerbaijan*. URL: <https://minenergy.gov.az/en/statistika/qazin-hasilati-ve-ixraci> (accessed 25.04.2024).

¹⁷ Energy of Azerbaijan. Statistical yearbook 2023. *The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan*. URL: https://www.stat.gov.az/source/balance_fuel/?lang=en (accessed 25.04.2024).

Внутреннее потребление углеводородов в стране значительно меньше объёмов добычи, что делает Азербайджан крупным экспортёром нефтегазовых ресурсов (рис. 3, 4).

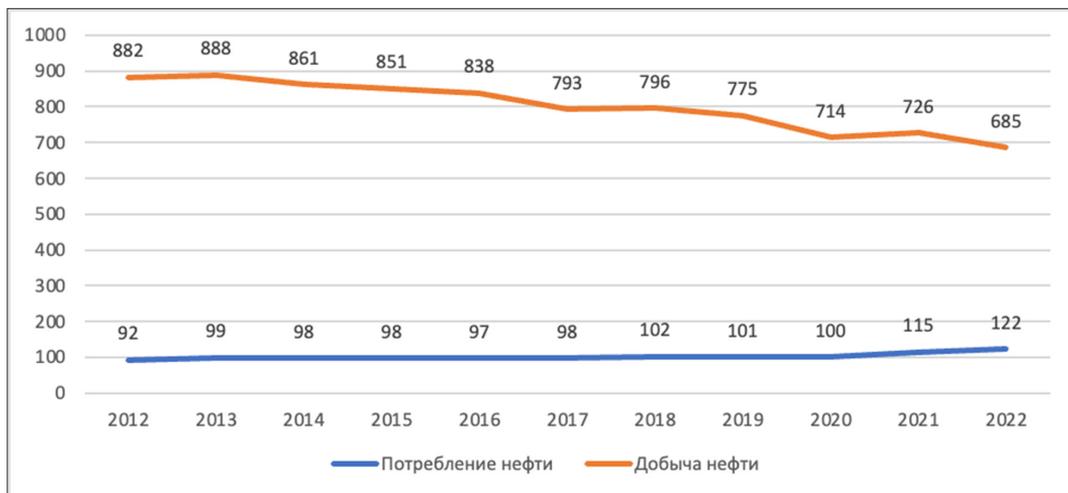

Рисунок 3. Динамика изменения добычи и потребления нефти (тыс. баррелей в день) за период 2012–2022 гг.

Figure 3. Dynamics of changes in oil production and consumption (thousand barrels per day) for the period 2012–2022.

Источник: составлено автором по данным EI Statistical Review of World Energy 2024. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed 25 February 2024).

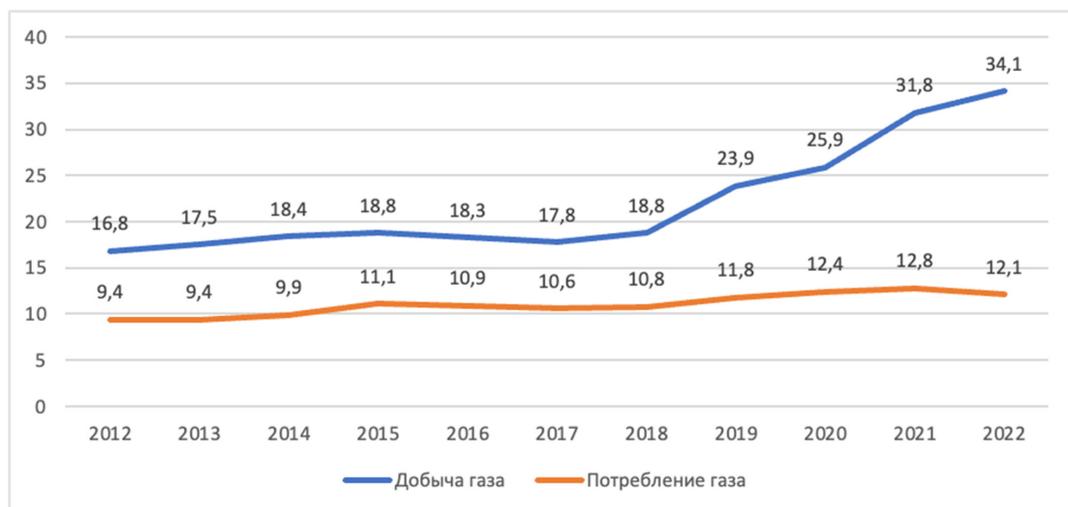

Рисунок 4. Динамика изменения добычи и потребления газа (млрд м³) за период 2012–2022 гг.

Figure 4. Dynamics of changes in gas production and consumption (billion cubic meters) for the period 2012–2022.

Источник: составлено автором по данным EI Statistical Review of World Energy 2024. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review> (accessed 25 February 2024)

С конца 1990-х гг. Азербайджан активно инвестирует в инфраструктуру для экспорта нефти и природного газа.

В 1997 г. был построен Сангачальский терминал (оператор – компания BP), предназначенный для приёма, переработки, хранения и экспорта нефти и природного газа с блока нефтегазовых месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли» и газоконденсатного месторождения «Шах Дениз» на Каспии. Также на терминале расположены головные сооружения основных экспортных нефте- и газопроводов. Помимо этого, в зоне Бакинского международного морского торгового порта функционируют ещё два нефтяных терминала: «Дюбенди» (оператор – компания Middle East Petrol, ОАЭ) мощностью 10 млн т в год и «Баку» (оператор – компания Azertrans), которые обеспечивает перевалку нефти и нефтепродуктов из Туркменистана и Казахстана. Азербайджан обладает самым крупным танкерным флотом на Каспии – в 2014 г. указом президента страны было создано «Азербайджанское Каспийское морское пароходство», транспортный флот состоит из 52 современных судов¹⁸.

Большое значение для реализации внутреннего и транзитного логистического нефтегазового потенциала страны имеет система трансграничных нефти и газопроводов.

Российско-азербайджанский нефтепровод «Баку – Новороссийск» (Северный маршрут), введённый в эксплуатацию в 1983 г. и первоначально предназначенный для транспортировки российской Западно-Сибирской нефти на Азербайджанские НПЗ, с 1996 г. стал работать в реверсном режиме для экспорта азербайджанской нефти через Новороссийск для последующей транспортировки на танкерах в Европу. В целях диверсификации энергетических маршрутов были введены в эксплуатацию два трансграничных нефтепровода: в 1999 г. – «Баку – Супса» (Западный маршрут) пропускной способностью 15 млн т нефти в год для транспортировки каспийской нефти от Сангачальского терминала до грузинского порта Супса на берегу Чёрного моря и в 2006 г. – «Баку – Тбилиси – Джейхан» пропускной способностью 50 млн т нефти в год для транспортировки азербайджанской нефти к турецкому порту Джейхан, расположенному на берегу Средиземного моря. Реализация двух новых трубопроводных проектов существенно увеличила экспорт нефти Азербайджана под брендом «Азери Лайт» и значительно снизила транспортные издержки.

Сооружение нефтепровода «Баку – Тбилиси – Джейхан», обеспечивающего около 1% ежедневных мировых поставок нефти, вывело Азербайджан в число ведущих нефтеэкспортёров в регионе и положило начало второму нефтяному буму в стране, а также заложило основы газового сотрудничества с ЕС.

¹⁸ Официальный сайт ЗАО «Азербайджанское Каспийское морское пароходство». URL: <https://www.asco.az/ru/pages/2/96> (дата обращения: 29.04.2024).

В 2007 г. был запущен газопровод «Баку – Тбилиси – Эрзурум» (Южно-Кавказский газопровод), рассчитанный на транспортировку 25 млрд м³/г. природного газа, добываемого в рамках освоения второй фазы газоконденсатного месторождения «Шах Дениз». Южно-Кавказский газопровод стал первой очередью системы Южного газового коридора, включившей в себя в 2018 г. Трансатоллийский газопровод (TANAP) мощностью 16 млрд м³/г., снабжающий газом западные регионы Турции, и в 2020 г. Трансадриатический газопровод (TAP) мощностью 11 млрд м³/г. для транспортировки газа в Западную Европу.

Открытие Южного газового коридора для газа, поставляемого Азербайджаном, является одним из наиболее значимых текущих решений, связанных с безопасностью поставок газа в Европейский союз. Для расширения объёмов поставок по системе Южного газового коридора рассматривается возможность сооружения Транскаспийского газопровода, соединяющего Туркменбаши и Баку по дну Каспия, что позволит открыть для стран ЕС доступ к газовым ресурсам Туркменистана.

25 апреля 2023 г. между SOCAR и операторами газопроводов Болгарии, Румынии, Венгрии и Словакии было подписано Соглашение о намерениях по стимулированию сотрудничества¹⁹. Эта инициатива, названная «Кольцо солидарности», открывает новые возможности для сотрудничества в усилении дополнительных поставок газа через улучшенные газотранспортные системы Болгарии, Румынии, Венгрии и Словакии в Европу.

Знаковым проектом в сфере международного газового сотрудничества стал также сооружаемый в настоящее время газопровод «Ыгдыр – Нахичевань» протяжённостью 97,5 км и пропускной способностью 730 млн м³/г., являющийся ответвлением Трансадриатического газопровода TANAP. Маршрут газопровода «Ыгдыр – Нахичевань» пройдёт из провинции Ыгдыр в Восточной Турции до граничащего с ней Садаракского района Нахичеванской Автономной Республики. В перспективе планируется, что уже в 2024 г. трубопроводный газ будет обеспечивать потребности Нахичевани взамен своповых поставок газа через Иран²⁰.

В рамках дальнейшего увеличения объёмов нефтегазового экспорта Азербайджан проводит политику активного наращивания углеводородного потенциала.

Блок нефтяных месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли» начинает испытывать естественное снижение добычи, замедлить которое возможно посредством внедрения новых технологий и привлечения дополнительных

¹⁹ Oil Sector. *President of the Republic of Azerbaijan Ilham Aliyev*. URL: <https://president.az/en/pages/view/azerbaijan/contract> (accessed 25.04.2024).

²⁰ Алифирова Е. 2023. Вторая линия. Азербайджан и Турция дали старт строительству МГП Ыгдыр – Нахичевань. *Портал Neftgaz.RU*. 26 сентября. URL: <https://neftgaz.ru/news/transport-and-storage/795374-vtoraya-liniya-azerbay-dzhan-i-turtsiya-dali-start-stroitelstvu-mgp-ygdyr-nakhichevan/> (дата обращения: 27.04.2024).

инвестиций. Новым этапом развития блока месторождений стало бурение новых производственных скважин с платформы Central East Azeri (ACE), расположенной посередине между платформами Центральный Азери и Восточный Азери и рассчитанной на добычу до 100 000 барр./сут.

Стабильные объёмы добычи обеспечивает нефтяное месторождение «Мурадханлы», расположенное на суше в блоке «Мурадханлы – Джафарли – Зардаб» и эксплуатируемое Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики²¹. На текущий момент на месторождении «Мурадханлы» добыто 18,52% от его общих извлекаемых запасов, пик добычи ожидается в 2025 г., период эксплуатации продлится до 2083 г.

Большие перспективы по наращиванию нефтедобычи возлагаются на шельфовое нефтегазовое месторождение «Карабах», расположенное в северной части Апшеронского архипелага²². Операторами проекта являются SOCAR и Equinor, планируемые объёмы добычи оцениваются в 11 млн барр. нефти и 1,5 млрд м³ газа в год. Добывающая платформа «Карабах» будет соединена с платформой «Западный Чираг» нефтегазового месторождения «Азери – Чираг – Гюнешли», откуда добываемые нефть и газ будут направляться на сушу к Сангачальскому терминалу.

Кроме того, Азербайджан обещал к 2027 г. удвоить годовой экспорт газа в Европу. В июле 2022 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев и председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен подписали исторический меморандум о взаимопонимании, в рамках которого Азербайджан обязался увеличить экспорт газа в Европу до «не менее 20 млрд м³ в год» к 2027 г.²³. Данная цель близка к реализации за счёт того, что компания BP обнаружила новые газовые месторождения под существующим нефтяным месторождением «Азери – Чираг – Гюнешли» в Каспийском море²⁴. Аппаратный скважинный столб, пробуренный на глубину 4500 м под месторождением АЧГ, выявил «глубокие газовые залежи» и производство может начаться уже в 2025 г.

В январе 2024 г. компания BP начала бурение новой «глубокой скважины» на газоконденсатном месторождении «Шах Дениз» (проект «ACG Future Gas»)²⁵. Скважина направлена на обогащённый газовый резервуар, который,

²¹ Oil & gas field profile: Muradkhanli Project Conventional Oil Field, Azerbaijan. *Offshore Technology*. URL: <https://www.offshore-technology.com/marketdata/oil-gas-field-profile-muradkhanli-project-conventional-oil-field-azerbaijan/?cf-view> (accessed 27.04.2024).

²² Karabagh Oil Field Development. *NS Energy*. URL: <https://www.nsenergybusiness.com/projects/karabagh-oil-field-development/> (accessed 27.04.2024).

²³ Azerbaijan and EU Agree to Strategic Energy Partnership. *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/azerbaijan-and-eu-agree-to-strategic-energy-partnership> (accessed 27.04.2024).

²⁴ BP Azerbaijan to Produce Gas from New Reservoirs Next Year. *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/bp-azerbaijan-to-produce-gas-from-new-reservoirs-next-year> (accessed 27.04.2024).

²⁵ BP Announces New Caspian Drilling Campaign. *Eurasianet*. URL: <https://eurasianet.org/bp-announces-new-caspian-drilling-campaign> (accessed 27.04.2024).

как предполагается, находится на глубине около 7000 м, ниже существующего газового месторождения «Шах Дениз», и ожидается, что проведение разведочного бурения будет завершено к концу 2024 г.

В июле 2023 г. государственная нефтяная компания Азербайджана SOCAR в партнёрстве с французской компанией Total Energies начала добычу газа на газоконденсатном месторождении «Абшерон», потенциал которого оценивается в более 300 млрд м³. Предполагается, что месторождение способно производить до 5 млрд м³/г.²⁶ Этот проект стал первой удалённо управляемой платформой на Каспийском море. В августе 2023 г. был подписан контракт на продажу 30% доли в газоконденсатном месторождении «Абшерон» компании ADNOC из Объединённых Арабских Эмиратов.

Большое значение для развития газовой отрасли Азербайджана имеют шельфовые месторождения «Умид» и «Шафаг – Асиман», прогнозные ресурсы которых оцениваются в 200 млрд м³ газа, 40 млн т конденсата и 500 млрд м³ газа, 65 млн т конденсата соответственно.

В стратегии нефтегазового комплекса Азербайджана особое внимание уделяется созданию дополнительной добавленной стоимости посредством развития нефтепереработки и нефтехимии. Государственная нефтяная компания SOCAR осуществила модернизацию Бакинского нефтеперерабатывающего завода им. Гейдара Алиева, а также реализовала новые проекты в области нефтехимии – производственные комплексы «SOCAR Карбамид» и «SOCAR Полимер». В числе крупных зарубежных проектов SOCAR можно отметить нефтехимический комплекс Petrokimiya Holding A.Ş. (Petkim) и НПЗ STAR в Турции.

Таким образом, нефтегазовый комплекс Азербайджана обеспечивает не только экономический рост национальной экономики, привлекая иностранный капитал и диверсифицируя трубопроводные маршруты, но и выступает важным актором международного энергетического сотрудничества, способствуя обеспечению энергетической безопасности стран-партнёров.

Особенности реализации энергетической политики Азербайджана в безуглеродном сегменте ТЭК

Взятые Азербайджаном в рамках Парижского соглашения обязательства по сокращению на 35% к 2030 г. по сравнению с уровнем базового 1990 г. создали в стране предпосылки для развития безуглеродного сегмента энергетики (табл. 3).

²⁶ SOCAR Announces Planned Gas Production from Azerbaijan's Absheron Gas Condensate Field. URL: <https://en.trend.az/business/energy/3771234.html> (accessed 27.04.2024).

Таблица 3. Динамика выбросов CO₂ в Азербайджане
Table 3. Dynamics of CO₂ emissions in Azerbaijan

Годы	Выбросы парниковых газов, млн тонн CO ₂ экв. / г.	Выбросы парниковых газов на душу населения, т CO ₂ экв./ чел./г.	Выбросы парниковых газов на единицу ВВП по ППС, т CO ₂ экв./ долл. США/г.	Население, млн чел.
1990	69,808	9,638	1,277	7,243
2005	46,459	5,441	0,779	8,539
2015	58,032	6,034	0,405	9,617
2022	68,877	6,718	0,45	10,252

Источник: составлено автором по данным GHG Emissions of All World Countries

Крупнейшим источником выбросов парниковых газов выступает энергетический сектор (табл. 4).

Таблица 4. Динамика выбросов CO₂ (млн т) и общий объём парниковых газов (млн т CO₂ экв.) от энергетического сектора в Азербайджане, млн тонн.
Table 4. Dynamics of CO₂ emissions (million tons) and total volume of greenhouse gases (million tons CO₂ eq.) from the energy sector in Azerbaijan, million tons.

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Доля в мировых выбросах в 2022 г.
CO ₂	30,2	30,7	31,4	33,9	33,4	32,4	33,8	34,4	35,2	37,6	37,5	0,1%
ПГ в целом	40,8	41,1	41,4	43,4	42,7	41,3	43,3	44,1	44,2	47,1	47,4	0,1%

Источник: составлено автором по данным Statistical Review of World Energy 2023²⁸

Принятие активных мер противодействия изменениям климата в стране было также обусловлено учащением засух, сокращением ресурсов пресной воды, снижением уровня Каспия и другими эколого-климатическими проблемами.

Ключевыми ориентирами новой энергетической политики Азербайджана стали возобновляемая энергетика, декарбонизация нефтегазовой отрасли и промышленности в целом, а также повышение энергоэффективности. Также был принят План правительства по созданию на освобождённых территориях Карабаха «зелёной энергетической зоны», включая создание «умных городов», применение инновационных энерго- и водосберегающих технологий в сельском хозяйстве, сооружение систем малых ГЭС и восстановление больших площадей лесных массивов²⁹. На Конференции РКИК ООН по изменению климата

²⁷ GHG Emissions of All World Countries, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2023. *Edgar*. URL: https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2023#howtocite (accessed 28.04.2024).

²⁸ Statistical Review of World Energy 2023. 72nd edition. BP Energy Institute, 2023. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review/resources-and-data-downloads> (accessed 28.04.2024).

²⁹ In-Depth Review of the Energy Efficiency Policy of the Republic of Azerbaijan. *Energy charterotocol on Energy Efficiency and Related Environmental Aspects PEEREA*. April 2022. URL: <https://www.energycharter.org/what-we-do/energy-efficiency/energy-efficiency-country-reviews/in-depth-review-of-energy-efficiency-policies-and-programmes/in-depth-review-of-the-energy-efficiency-policy-of-the-republic-of-azerbaijan/> (accessed 28.04.2024).

в 2021 г. (COP 26) в Глазго Азербайджан заявил о новых целях страны по сокращению выбросов парниковых газов на 40% к 2050 г. и созданию зоны нулевых выбросов на освобождённых территориях³⁰.

По данным Министерства энергетики Азербайджана, технический потенциал возобновляемой энергетики страны составляет 135 ГВт на суше и 157 ГВт на море³¹. По оценкам IRENA, экономический потенциал ВИЭ в Азербайджане приближается к 27 ГВт, включая 23 ГВт солнечной и 3 ГВт ветровой энергии, а также 380 МВт биоэнергетического потенциала и 520 МВт энергии горных рек³².

Технический потенциал солнечных фотоэлектрических систем в Азербайджане оценивается в 115 200 МВт, однако его реализация сопряжена с необходимостью масштабных инвестиций, составляющих более 20 млрд долл. (Gulaliyev et al. 2020). В целях локализации производства в 2012 г. в Технологическом парке Сумгайыта был введён в эксплуатацию завод солнечных панелей Azguntex с ежегодной производственной мощностью 50 МВт.

Наибольшим ветровым потенциалом располагают территории Абшеронского полуострова, побережье Каспийского моря и острова на северо-западе Каспийского бассейна (Mukhtarov et al. 2020). До 2036 г. Азербайджан планирует реализовать богатый потенциал Каспийского моря по ветроэнергетике, оцениваемый в 7,2 ГВт (Алиев 2023а).

Ещё в 2004 г. Республика Азербайджан приняла «Государственную программу по использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии». Основная доля зелёной генерации в Азербайджане приходится на гидроэнергетику (табл. 5). В течение последнего десятилетия объёмы генерации электроэнергии на ГЭС несколько снизились, что отчасти объясняется снижением уровня воды в Куре, вызванным активным освоением трансграничных водных ресурсов странами верхнего течения (Алиев 2023). Первые «возобновляемые» киловатты на ветровых и солнечных электростанциях начали вырабатываться с 2013 г. (табл. 5).

³⁰ Azerbaijan COP 26 Statement. 2021. High-level segment statement COP 26, November 10. UNFCCC. https://unfccc.int/sites/default/files/resource/AZERBAIJAN_cop26cmp16cma3_HLS_EN.pdf

³¹ Азербайджан – лидер в регионе по переходу на зеленую энергию. *Азербайджанское государственное информационное агентство «Азертадж»*. 2024. 13 января. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhan___lider_v_regione_po_perehodu_na_zelenuyu_energiyu-2882779 (дата обращения: 03.05.2024).

³² Azerbaijan: Renewables readiness assessment: Republic of Azerbaijan. 2019. IRENA. URL: <https://irena.org/publications/2019/Dec/RRA-Republic-of-Azerbaijan> (accessed 20.04.2024).

Таблица 5. Производство электроэнергии в Азербайджане по видам электростанций за период 2012–2022 гг.

Table 5. Electricity production in Azerbaijan by type of power plant for the period 2012–2022.

Годы	Генерация электроэнергии, млн кВт·ч	В том числе по видам электростанций, млн кВт·ч:				
		ТЭС	ГЭС	ВЭС	СЭС (PV)	Электро-станции на отходах
2012	22 988,0	19 537,0	1 821,0	-	-	-
2013	23 354,4	20 065,6	1 489,1	0,8	0,8	134,1
2014	24 727,7	21 401,2	1 299,7	2,3	2,9	173,5
2015	24 688,4	20 904,6	1 637,5	4,6	4,6	181,8
2016	24 952,9	20 699,0	1 959,3	22,8	35,3	174,5
2017	24 320,9	20 445,4	1 746,4	22,1	37,2	170,3
2018	25 229,2	21 242,9	1 768,0	82,7	39,3	162,2
2019	26 072,9	22 289,7	1 564,8	105,4	44,2	195,9
2020	25 839,1	22 471,3	1 069,5	96,1	47,0	200,6
2021	27 887,8	24 308,8	1 277,3	91,4	55,2	193,2
2022	29 039,8	25 137,4	1 595,7	83,3	60,9	205,3

Источник: составлено автором по данным Государственного комитета статистики Азербайджана. URL: https://www.stat.gov.az/source/balance_fuel/?lang=en (дата обращения: 29.04.2024)

С 2010 г. основной прирост возобновляемой генерации осуществлялся в основном за счёт ветровых и солнечных электростанций³³. По данным IRENA, за последнее десятилетие установленная мощность возобновляемой энергетики (включая ГЭС) увеличилась на 19% и составила 1339 МВт, а доля ВИЭ в производстве электроэнергии варьировалась в диапазоне 5,5–8,8% (табл. 6).

Таблица 6. Совокупная установленная мощность электростанций (ЭС), работающих на возобновляемых источниках³⁴ в Азербайджане за период 2013–2022 гг.

Table 6. Cumulative installed capacity of power plants (PPs) operating on renewable sources in Azerbaijan for the period 2013–2022.

Виды ЭС	Совокупная установленная мощность электростанций по годам, МВт									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
ГЭС	1 084	1 078	1 103	1 105	1 106	1 131	1 145	1 149	1 157	1 177
Ветровые ЭС	3	3	8	16	16	66	66	66	66	66
Солнечные ЭС	1	2	5	25	28	35	33	35	48	51
ЭС на отходах	37	37	37	37	42	44	44	44	44	44
ЭС на биогазе			1	1	1	1	1	1	1	1
Установленная мощность возобновляемой генерации, всего	1 125	1 120	1 154	1 184	1 194	1 277	1 289	1 296	1 316	1 339

³³ Ferroukhi R., Gielen D., Press E. 2020. The post-COVID recovery: An agenda for resilience, development and equality. International Renewable Energy Agency. IRENA. URL: <https://www.irena.org/Publications/2020/Jun/Post-COVID-Recovery> (accessed 22.04.2024).

³⁴ В статистике IRENA гидроэнергетика включена в состав возобновляемой энергетики. Прим. автора

Виды ЭС	Совокупная установленная мощность электростанций по годам, МВт									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля ВИЭ в общей установленной мощности ЭС, %	15,0	15,2	14,8	15,0	15,0	16,3	16,9	17,0	16,5	16,0
Доля ВИЭ в производстве электроэнергии, %	7,0	6,0	7,4	8,8	8,1	8,1	7,3	5,5	5,8	5,7

Источник: составлено автором по данным IRENA Renewable Energy Statistics 2023³⁵

Основные ориентиры зелёного перехода к возобновляемым источникам энергии отражены в стратегии «Азербайджан 2030: Национальные приоритеты социально-экономического развития»³⁶, в соответствии с которой планируется увеличение доли ВИЭ в производстве электроэнергии до 24% к 2026 г. и до 30% к 2030 г. По данным Министерства энергетики АР, предусмотрено поступательное наращивание мощностей возобновляемой генерации: 440 МВт в 2020–2022 гг., 460 МВт в 2023–2025 гг. и 600 МВт в 2026–2030 гг.³⁷

В сценарии развития безуглеродного сегмента энергетики Азербайджана прослеживаются аналогии с восстановлением нефтегазового комплекса после обретения страной независимости. В основу «энергетического прорыва» положено сооружение крупных государственных электростанций на основе ВИЭ с привлечением зарубежных компаний, обеспечение притока прямых иностранных инвестиций и внедрение передовых технологий, которые за достаточно короткий срок способны обеспечить ощутимый результат.

В числе наиболее значимых проектов в сфере возобновляемой энергетики Азербайджана можно отметить ветровую электростанцию «Хызы-Абшерон» мощностью 240 МВт в партнёрстве с компанией ACWA Power (Королевство Саудовская Аравия), а также Гарадагскую солнечную электростанцию мощностью 230 МВт вблизи поселка Алят в рамках сотрудничества SOCAR, компании Masdar (ОАЭ), Азиатского банк развития, ЕБРР, Японского агентства международного сотрудничества и Фонда развития Абу-Даби. Гарадагская СЭС стоимостью 225 млн долл. США, запущенная в эксплуатацию в октябре 2023 г., является крупнейшим подобным объектом на Южном Кавказе и первым для Азербайджана проектом с долгосрочным международным финансированием от финансовых институтов развития³⁸.

³⁵ Renewable Energy Statistics 2023, International Renewable Energy Agency. IRENA. Abu Dhabi, 2023. 440 p. URL: <https://www.irena.org/Publications/2023/Jul/Renewable-energy-statistics-2023> (accessed 28.04.2024).

³⁶ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 2 февраля 2021 г. об утверждении «Национальных приоритетов социально-экономического развития: Азербайджан 2030». *Азербайджанское государственное информационное агентство «Азертадж»*. URL: https://azertag.az/ru/xeber/Rasporyazhenie_Prezidenta_Azerbaidzhanskoi_Respubliki_Ob_utverzhdenii_quotNacionalnyh_prioritetov_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_Azerbaidzhan_2030_quot-1703259 (дата обращения: 22.04.2024).

³⁷ The use of renewable energy sources in Azerbaijan. 2020. *Ministry of Energy of Azerbaijan*. URL: <https://minenergy.gov.az/az/alternativ-ve-berpa-olunan-enerji/azerbaycanda-berpa-olunan-enerji-menbelerinden-istifade> (accessed 22.04.2024).

³⁸ Салаев Э. 2023. Гарадагская солнечная электростанция. Инфографика. *Новостное агентство «Sputnik Азербайджан»*. 28 октября. URL: <https://az.sputniknews.ru/20231028/garadagskaya-solnechnaya-elektrostantsiya-460021932.html> (дата обращения: 03.05.2024).

Дальнейшее сотрудничество Азербайджана с компанией ACWA Power в соответствии с заключёнными в 2023 г. соглашениями предусматривает сооружение ветряных электростанций общей мощностью 2,5 ГВт и аккумуляторных систем накопления энергии.

Подписанные в 2022 г. межгосударственные соглашения между национальными компаниями SOCAR и Masdar направлены на строительство оншорных ветровых электростанций мощностью 2 ГВт, солнечных фотоэлектрических электростанций мощностью от 4 ГВт в краткосрочной перспективе до 10 ГВт в рамках долгосрочного сотрудничества. Особый интерес представляют совместные с компанией Masdar проекты по производству зелёного водорода мощностью 2 ГВт.

Следует отметить, что наращивание производства водорода с низким углеродным следом способно существенно повысить экспортный потенциал Азербайджана и диверсифицировать поставки энергоресурсов на европейский рынок. В данном контексте знаковым является подписанное в 2022 г. Министерством энергетики АР и австралийской компанией Fortescue Future Industries (FFI) Рамочное соглашение о совместной работе по изучению и разработке потенциальных проектов в области зелёного водорода и ВИЭ с общей мощностью до 12 ГВт в Азербайджане³⁹.

Ещё один проект по производству зелёного водорода в Азербайджане реализуется в рамках Меморандума о взаимопонимании по строительству ветряной электростанции в Гарадагском районе Баку, подписанного в ноябре 2022 г. Азербайджанской инвестиционной компанией, азербайджанской частной компанией Caspian Hydrogen Development Group (CHDG), занимающейся развитием водородных технологий, и испанской компании Elecnor, специализирующейся на возобновляемых источниках энергии⁴⁰.

При этом «водородная» тематика тесно переплетается с газовыми инфраструктурными проектами. С 2022 г. рассматриваются перспективы транспортировки водорода по Трансадриатическому газопроводу TAP, входящему в систему Южного газового коридора⁴¹. Поскольку транспортировка чистого водорода требует существенной модернизации оборудования газопровода и является

³⁹ Fortescue Future Industries and the Ministry of Energy Partner to Pursue Green Hydrogen Projects in Azerbaijan. *FMG Fortescue*. December 15, 2022 URL: <https://www.fmgil.com.au/in-the-news/media-releases/2022/12/15/fortescue-future-industries-and-the-ministry-of-energy-partner-to-pursue-green-hydrogen-projects-in-azerbaijan> (accessed 25.04.2024).

⁴⁰ Ахмедова М. 2022. Подписан меморандум о строительстве ветряной электростанции в Гарадагском районе Баку. *Агентство международной информации Trend*. 4 ноября. URL: <https://www.trend.az/business/3665466.html> (дата обращения: 10.04.2024).

⁴¹ TAP имеет потенциал для транспортировки водорода. 2022. *Портал TurkiWorld*. 4 февраля. URL: <https://turkic.world/ru/articles/energy/30701> (дата обращения: 30.04.2024).

предметом обсуждения в долгосрочной перспективе, уже сейчас можно рассмотреть замещение чистого природного газа в трубопроводе метано-водородной смесью, что обеспечит снижение выбросов CO₂ при её сжигании на 10–12%⁴².

Инновационные методы развития возобновляемой энергетики в Азербайджане предусматривают применение комплексного подхода, включающего в себя формирование безуглеродных кластеров. Пилотным проектом создания зон зелёной энергии стали освобождённые территории Карабахского и Восточно-Зангезурского экономических районов.

3 мая 2021 г. Президент Азербайджана Ильхам Алиев подписал распоряжение о мерах по созданию зоны зелёной энергии на территориях Карабаха. В июне 2022 г. Кабинет министров утвердил «План мероприятий по созданию зоны зелёной энергии на освобождённых от оккупации территориях Азербайджанской Республики на 2022–2026 гг.». Концепция «Зона зелёной энергетики на освобождённых от оккупации территориях», предполагающая сооружение электростанций на возобновляемых источниках, повышение энергоэффективности и применение инновационных технологий в сельском хозяйстве, была разработана с привлечением японской компании TEPSCO.

По оценкам Министерства энергетики АР, потенциал Карабахского и Восточно-Зангезурского районов по солнечной энергии составляет более 4 ГВт, ветровой – 500 МВт⁴³. На территории Карабаха формируется 25% местных водных ресурсов Азербайджана – около 2,56 млрд м³ воды в год. Помимо этого, регион обладает потенциалом по развитию геотермальной энергетики: запасы термальных источников в Кельбаджарском районе составляют 3093 м³/сутки, а в Шуше – 412 м³/сутки⁴⁴.

В июне 2021 г. было подписано соглашение между Министерством энергетики АР и компанией BP о строительстве солнечной электростанции в Зангилан-Джабраильской зоне Карабаха, общий объём инвестиций в проект оценивается в 200 млн долл. США⁴⁵.

За период 2021–2023 гг. в Карабахе и Восточном Зангезуре были введены в эксплуатацию ГЭС общей мощностью 170 МВт за счёт использования гидроэнергетического потенциала рек Тертер, Базарчай, Хакари и др. К концу 2024 г.

⁴² Зейналова Л. 2021. 20% мощности «Южного газового коридора» может быть использовано для транспортировки водорода. *Новостное агентство Trend*. 17 июня. URL: <https://www.trend.az/business/energy/3441493.html> (дата обращения: 30.04.2024).

⁴³ Аббасова Н. 2021. BP вложит \$200 млн в строительство СЭС на 240 МВт в Карабахе – Минэнерго. *Информационное агентство «Интерфакс-Азербайджан»*. 04 июня. URL: <https://interfax.az/view/836543> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁴ Как развивается концепция зелёной энергии в Карабахе. 2022. *Новостное агентство Sputnik Азербайджан*. 18 февраля. URL: <https://az.sputniknews.ru/20220218/kak-razvivaetsya-kontseptsiya-zelenoy-energii-v-karabakhe-439198972.html> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁵ Аббасова Н. 2021. BP вложит \$200 млн в строительство СЭС на 240 МВт в Карабахе – Минэнерго. *Информационное агентство «Интерфакс-Азербайджан»*. 04 июня. URL: <https://interfax.az/view/836543> (дата обращения: 03.05.2024).

планируется нарастить совокупную мощность ГЭС до 270 МВт с последующим её увеличением до 500 МВт⁴⁶.

В рамках развития международного сотрудничества свою готовность к участию в реализации крупных энергетических проектов в Карабахе выразили компании из Турции (Best Brands Energy Group, Exim Holding, Renevo Energy, Solar APEX, Zorlu Enerji, Black Pen, Voltan), Исландии (Artic Green Gorp, Mannvit, Efla, Noblica), Германии (Verkis), Израиля (Telemenia), Италии (Technimont), Кореи (Securo), Катара (Nebras Power), Китая (Gezhouba Group International) и других стран⁴⁷. В финансировании энергетических проектов также участвует Фонд возрождения Карабаха (ФВК)⁴⁸.

Ещё одной территорией чистой энергетики в Азербайджане станет Нахичеванская Автономная Республика, потенциал возобновляемых источников энергии которой оценивается в 5 ГВт. Министерство энергетики АР готовит Концепцию развития зелёной энергетической зоны в Нахичевани, предусматривающей экспорт чистой энергии по энергетическому коридору «Азербайджан – Турция – Европа». В рамках международного сотрудничества в проекте запланировано участие компаний TotalEnergies, Nobel Energy, Masdar, Czech Engineering, Notus и др.

Совместно с компаниями TotalEnergies и Nobel Energy предполагается сооружение солнечных электростанций общей мощностью 650 МВт и экспорт произведенной электроэнергии в Турцию. Начальный этап включает в себя строительство двух солнечных электростанций мощностью 100 МВт компанией Nobel Energy и 150 МВт – с участием компании Masdar. На последующих этапах планируется сооружение солнечной электростанции и дополнительных линий электропередач в Садаракском районе совместно с компанией Czech Engineering, а также солнечной электростанции мощностью 70 МВт на северо-западе Нахичевана совместно с компанией Notus (Германия)⁴⁹.

Безуглеродная трансформация энергетического комплекса Азербайджана требует создания новой трансграничной энергетической инфраструктуры для экспорта зелёной энергии.

⁴⁶ Успешная политика Азербайджана в сфере зелёной энергии. 2023. *Азербайджанское государственное информационное агентство «АЗЕРТАДЖ»*. 01 декабря. URL: https://azertag.az/ru/xeber/uspeshnaya_politika_azerbaidzhana_v_sfere_zelenoi_energii-2837847 (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁷ Как развивается концепция зелёной энергии в Карабахе. 2022. *Новостное агентство «Sputnik Азербайджан»*. 18 февраля. URL: <https://az.sputniknews.ru/20220218/kak-razvivaetsya-kontseptsiya-zelenoy-energii-v-karabakhe-439198972.html> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁸ Фонд возрождения Карабаха привлекут к созданию зоны зелёной энергии на освобожденных территориях. 2022. *Информационное агентство Report*. 9 декабря. URL: <https://report.az/ru/energetika/fond-vozhrozhdeniya-karabaha-privlecut-k-sozdaniyu-zony-zelenoj-energii-na-osvobozhdennyh-territoriyah/> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴⁹ Аббасова Н. 2023. Власти Азербайджана ВИЭ-потенциал Нахичевани оценивают в 5 ГВт, планируют реализацию ряда проектов с иностранными инвесторами. *Информационное агентство «Интерфакс – Азербайджан»*. 29 сентября. URL: <https://interfax.az/view/900769> (дата обращения: 30.04.2024).

С открытием Зангезурского коридора появилась возможность передачи электроэнергии через Нахичеванскую Автономную Республику в Турцию через энергоузел «Джабраил» и далее Европу. Для реализации зелёного энергетического маршрута через Азербайджан и Турцию как большого стратегического проекта требуется строительство 330-киловольтной подстанции и линий электропередачи в Джебраиле и в Нахичевани, а также необходима интеграция этих энергетических систем и строительство преобразовательной подстанции на границе с Турцией⁵⁰. Данный проект имеет существенные перспективы благодаря короткому транспортному плечу, наличию энергетической инфраструктуры и возможности дальнейшей диверсификации поставок чистой электроэнергии.

Наиболее перспективным маршрутом поставок «чистой» энергии является проект Зелёного энергетического коридора «Каспий – Европа», объединяющего в себе ряд интегрированных объектов по производству, передаче и потреблению электроэнергии на основе возобновляемых источников, включая прокладку электрического кабеля по дну Чёрного моря. В настоящий момент готовится технико-экономическое обоснование по производству 4 ГВт возобновляемых энергоресурсов⁵¹.

Сам «подводный энергомоет» представляет собой высоковольтный оптоволоконный подводный 500-киловольтный электрокабель постоянного тока пропускной способностью 1000 Мвт и протяжённостью 1 195 км, из которых 95 км пройдут по суше и 1 100 км – под водой по дну Чёрного моря и соединят Азербайджан через Грузию и Румынию со странами ЕС⁵². По суше линия электропередач пройдёт предварительно из района Акстафы через Грузию (порт Кулеви) в Румынию (порт Констанца) для последующей транспортировки в Венгрию и остальную часть Европы. Нормативно-правовой основой проекта выступает Соглашение о стратегическом партнёрстве в области развития и доставки зелёной энергии между Азербайджаном, Грузией, Венгрией и Румынией, подписанное в декабре 2022 г.

Ещё одним важным маршрутом является проект зелёного энергетического коридора, объединяющего энергосистемы Азербайджана и стран Центральной Азии. 1 мая 2024 г. министры экономики и энергетики Азербайджана,

⁵⁰ Министр: Энергетический коридор Азербайджан – Турция – Европа внесет вклад в зелёное энергетическое сотрудничество тюркских государств. *Азербайджанское государственное информационное агентство «АЗЕРТАДЖ»*. 2023. 21 декабря. URL: https://azertag.az/ru/xeber/ministr_energeticheskii_koridor_azerbaidzhan_turciya_evropa_vneset_vklad_v_zelenoe_energeticheskoe_sotrudnichestvo_tyurkskih_gosudarstv-2859787 (дата обращения: 03.05.2024).

⁵¹ Успешная политика Азербайджана в сфере зелёной энергии. 2023. *Азербайджанское государственное информационное агентство «АЗЕРТАДЖ»*. 01 декабря. URL: https://azertag.az/ru/xeber/uspeshnaya_politika_azerbaidzhana_v_sfere_zelenoi_energii-2837847 (дата обращения: 03.05.2024).

⁵² Азербайджан планирует экспорт электроэнергии через Грузию по дну Чёрного моря. 2022. *Новостное агентство «Sputnik – Грузия»*. 2022. 26 апреля. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20220426/azerbaydzhan-planiruet-eksport-elektroenergii-cherez-gruziyu-po-dnu-chernogo-morya-266229360.html> (дата обращения: 02.04.2024).

Узбекистана и Казахстана подписали Меморандум о сотрудничестве по интеграции энергосистем трёх стран посредством прокладки высоковольтного кабеля по дну Каспийского моря в целях продажи зелёной энергии в ЕС⁵³.

Таким образом, Азербайджан выступил инициатором беспрецедентного своим геоэкономическим масштабам мегапроекта. Синергия Черноморской и Каспийской электрокабельных магистралей изменит всю архитектуру электросетевого комплекса Евразии, поставив Азербайджан в сильную позицию не только крупного поставщика зелёной энергии на региональные рынки и на рынок ЕС, но и связующего звена Каспийского и Черноморского энергетических рынков, что обеспечивает ему возможность координировать и синхронизировать развитие обоих проектов⁵⁴.

В марте 2024 г. в Баку состоялось второе министерское совещание Совета по зелёной энергии ЕС – Азербайджан под сопредседательством комиссара по энергетике Кадри Симсон. Это событие стало важным моментом для укрепления партнёрства в области возобновляемой энергии, придавая новый аспект двусторонним энергетическим отношениям. Между Агентством по возобновляемой энергии Азербайджана и Европейской ассоциацией промышленности WindEurope был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области ветровой энергетики, который откроет путь для многих европейских компаний на рынок возобновляемой энергетики Азербайджана.

В целом, Евросоюз предпочитает сотрудничать с Азербайджаном по нескольким причинам. Во-первых, Азербайджан является производителем энергоресурсов и транзитной страной, занимающей выигрышное географическое положение для транспортировки энергетических ресурсов из Каспийского бассейна. В данном контексте сотрудничество между Азербайджаном и ЕС ещё более укрепилось благодаря политике европейского соседства, за которой последовала программа Восточного партнёрства. Азербайджан играет важную роль «посредника» между Западом и Востоком; эта особенность подчёркивает его стратегическое значение для западных стран с точки зрения безопасности. С другой стороны, Азербайджан также заинтересован в политическом и экономическом сотрудничестве с ЕС для доступа к глобальному рынку и признания себя в качестве региональной державы.

Комиссар по энергетике Кадри Симсон заявила, что «стратегическое энергетическое сотрудничество ЕС и Азербайджана продемонстрировало всю свою гибкость и динамизм. В 2019 г. на горизонте был только газ. Но не сегодня. Южный газовый коридор превратился в форум сотрудничества также в области

⁵³ Планируется создание зелёного энергетического коридора от Каспийского моря до ЕС. 2024. *Информационное агентство Report*. 2024. 16 апреля. URL: <https://report.az/ru/energetika/ministr-planiruetsya-sozdanie-zelenogo-energeticheskogo-koridora-ot-kaspijskogo-morya-do-es/> (дата обращения: 03.05.2024).

⁵⁴ Гусейнов И. 2024. У Азербайджана ещё один «Проект века». *Информационно-аналитический портал Haqqin.az*. 08 мая. URL: <https://haqqin.az/news/315767> (дата обращения 09.05.2024).

возобновляемых источников энергии и электрификации. Это выдающийся результат и свидетельство того, как этот проект ориентирован на будущее и открыт для перспектив. Мы сделали чистую энергию ключевым аспектом двусторонних отношений между ЕС и Азербайджаном. Подписание Меморандума о взаимопонимании с европейскими компаниями в области ветровой энергии на полях этого министерского совещания – очень важный шаг»⁵⁵.

Успехи Азербайджана в сфере зелёной трансформации были признаны на международном уровне, что обусловило принятие решения о проведении в Баку одного из крупнейших и престижных мероприятий в мире – 29-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP29). Проведение COP29 в Азербайджане – это чёткий индикатор авторитета государства на мировой арене, демонстрирующий готовность страны активно участвовать в глобальных усилиях по сохранению окружающей среды и устойчивому развитию. Принятие решения о проведении COP29 в Баку приобретает стратегическое значение в свете Распоряжения Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева об объявлении 2024 г. Годом солидарности во имя зелёного мира. Это подчёркивает высокий приоритет, придаваемый вопросам экологии и изменения климата.

Основными предпосылками для зелёного развития Азербайджана являются несколько ключевых факторов. В первую очередь, это необходимость сокращения выбросов в соответствии с международными обязательствами. Промышленное развитие страны за последние два десятилетия приблизило объёмы выбросов к уровням 1990 г. (табл. 3). Это указывает на необходимость снижения выбросов на 35% от текущего уровня в ближайшие шесть лет, до 2030 г.

Производство тепла и электроэнергии из альтернативных и возобновляемых источников играет важную роль в сохранении традиционных нефтегазовых ресурсов и увеличении экспортного потенциала углеводородов. Например, ветровая электростанция «Хызы-Абшерон» мощностью 240 МВт способна сократить выбросы углерода на 400 тыс. т, а также снизить использование природного газа на 200 млн м³ в год, что позволяет наращивать экспорт газа⁵⁶.

Взаимоотношения между Азербайджаном и Западом всё больше определяются энергетическими ресурсами. Реализация крупных проектов в сфере возобновляемой энергетики усиливает геополитическое значение Азербайджана (Абдуллаев 2021). Эти проекты позволяют стране стать экспортёром зелёной энергии и инициировать крупные инфраструктурные трансграничные проекты.

⁵⁵ EU Steps up Renewable Energy Cooperation with Azerbaijan. 2024. *European Commission*. 4 March. URL: https://energy.ec.europa.eu/news/eu-steps-renewable-energy-cooperation-azerbaijan-2024-03-04_en (accessed 25.04.2024).

⁵⁶ ACWA Power начала строить в Азербайджане ветряную электростанцию на \$300 млн. 2022. ТАСС. 13 января. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13420669> (дата обращения: 25.04.2024).

Зелёная трансформация приносит Азербайджану значительные выгоды, включая приобретение новых технологий, создание новых рабочих мест и формирование новых компетенций.

Энергетическая политика Азербайджана как инструмент расширения сотрудничества в рамках Большой Евразии

В контексте реализации масштабных энергетических инициатив Азербайджан выступает связующим звеном во взаимодействии стран «Каспийской пятёрки» с Европейским союзом, а также в развитии сотрудничества в рамках Большой Евразии.

Инициатива Большого Евразийского партнёрства предполагает формирование широкого интеграционного контура на Евразийском континенте с единой сетью экономических коридоров и зон развития с учётом общего транспортного и энергетического пространства⁵⁷. При этом Каспийский регион в силу его выгодного геостратегического положения и высокого энергетического потенциала выступает одним из ключевых акторов Большой Евразии.

Азербайджан, находящийся на пересечении кратчайших транспортных коридоров в евро-азиатском регионе, располагает благоприятными транспортно-логистическими возможностями, в том числе, в сфере развития крупных энергетических инфраструктурных проектов. Подписание Меморандума о сотрудничестве по объединению энергосистем Азербайджана, Узбекистана и Казахстана⁵⁸ можно отнести к знаковым событиям в развитии электросетевой инфраструктуры Евразии. Как уже отмечалось, проект рассчитан на сотрудничество трёх стран в области производства зелёной энергии и её экспорт в страны ЕС по двум подводным высоковольтным кабелям, которые планируется проложить по дну Чёрного и Каспийского морей⁵⁹. Таким образом, положительное сальдо производства зелёной энергии в Азербайджане будет компенсировать энергетический дефицит мощностей возобновляемой генерации в Узбекистане и Казахстане. Помимо этого, объединение генерирующих мощностей позволит решить важную проблему синхронизации напряжения возобновляемой генерации в рамках региона в целом.

Что касается углеводородных проектов, Азербайджан постепенно начинает выполнять функции каспийского нефтяного и газового хаба, чему в немалой степени способствует разветвлённая трубопроводная инфраструктура.

⁵⁷ О российской инициативе Большого Евразийского партнёрства. 2023. *Официальный сайт МИД РФ*. 15 июня. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 15.05.2024).

⁵⁸ Азербайджан, Узбекистан и Казахстан намерены объединить свои энергосистемы. 2024. *Сайт «Ритм Евразии»*. 02 мая. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-05-02--azerbajdzhan-uzbekistan-i-kazahstan-namereny-obedit-svoi-energosisemy-73065> (дата обращения: 15.05.2024).

⁵⁹ Гусейнов И. 2024. У Азербайджана ещё один «Проект века». *Информационно-аналитический портал Haqqin.az*. 08 мая. URL: <https://haqqin.az/news/315767> (дата обращения 09.05.2024).

Необходимо отметить, что законодательная основа реализации подводных инфраструктурных проектов на Каспии была заложена с принятием «Конвенции о правовом статусе Каспия», определяющей порядок согласования прокладки подводных кабелей и трубопроводов странами, по секторам дна которых проходит предполагаемая трасса проекта.

Как отметил Президент Азербайджана Ильхам Алиев, «Азербайджан придаёт большое значение дальнейшему укреплению партнёрских отношений в Евразийском регионе, характеризующихся динамичным развитием. Азербайджан как надёжная транзитная страна, обладающая развитой транспортно-логистической инфраструктурой, играет важную роль с точки зрения продвижения регионального сотрудничества в Евразии, стимулирования экономического прогресса, усиления взаимной связанности»⁶⁰.

При этом Азербайджан во многих аспектах евразийского сотрудничества играет координирующую и связующую роль, обеспечивая для Большой Евразии взаимодействие с внешними рынками.

Роль государства в энергетическом секторе Азербайджана

Несмотря на широкомасштабную приватизацию экономики с момента обретения страной независимости, топливно-энергетический комплекс Азербайджана остаётся в основном государственным. В частной собственности находится лишь несколько небольших гидроэлектростанций, которые обеспечивают менее 1% производства электроэнергии. По мнению ряда авторов, данный сектор экономики централизован, относительно слабо регулируется и чрезмерно контролируется, государство постоянно стремится расширить своё участие (Flegel 2016, Ahmadov 2019).

Управление энергетическим сектором состоит из Президентской администрации, Кабинета министров и Министерства энергетики, которые являются основными государственными институтами энергетического сектора, а отдельные подсекторы контролируются несколькими государственными монополиями, включая Государственную нефтяную компанию Азербайджанской Республики SOCAR (нефтепереработка, распределение и поставки природного газа), Azerenergy/Azerenerji (генерация и передача электроэнергии), Azerishiq (распределение и поставка электроэнергии) и Azeristiliktejhizat (теплоснабжение).

Президент Республики Азербайджан обладает исполнительной властью и созывает Кабинет министров для организации работы исполнительных органов. Кабинет министров является высшим исполнительным органом, подотчётным непосредственно Президенту.

⁶⁰ Азербайджан придаёт большое значение укреплению партнёрских отношений в Евразии. 2024. *Официальный сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств*. 23 февраля. URL: <https://cis.minsk.by/pnews/568/116158> (дата обращения: 13.05.2024).

Министерство энергетики является центральным исполнительным органом, ответственным за осуществление государственной политики и различных нормативных актов, приказов и указов, изданных правительством в сфере энергетики. Утверждённый Кабинетом министров состав Министерства имеет право издавать приказы в пределах своей компетенции, охватывающей большинство областей в секторе энергетики, за исключением регулирования тарифов, которое находится в компетенции Тарифного совета.

В 2017 г. Президент Азербайджана подписал указ о создании Агентства по регулированию энергетики при Министерстве энергетики для регулирования отношений между производителями, поставщиками, операторами систем передачи и распределителями электроэнергии, тепла и газа, а также клиентами в области энергоснабжения. Основные функции агентства включают государственный надзор за контролем качества и анализом, а также введение стимулов для привлечения инвестиций. В конечном итоге, после утверждения проекта Закона о Регуляторе, все функции, связанные с расчётом и утверждением тарифов на энергию, будут переданы из Тарифного совета в Агентство.

Министерство экологии и природных ресурсов – центральный исполнительный орган, осуществляющий государственную политику в области охраны окружающей среды, организует эффективное использование и восстановление природных ресурсов. Министерство обеспечивает экологическую безопасность, принимая меры для предотвращения возможного ущерба для природных экологических систем от экономической или другой деятельности.

В области возобновляемых источников энергии отмечается ведущая роль государства, при этом существующая система управления сектором ВИЭ является иерархичной и централизованной. Крупные проекты зелёной энергетики финансируются за счёт государственных средств, а также путём привлечения прямых иностранных инвестиций от компаний из стран Персидского залива (Guliev 2023). Тем не менее в ближайшей перспективе руководство Азербайджана продолжает систематически работать над реализацией концепции зелёной энергетики и эффективному использованию своего энергетического потенциала⁶¹. Значительные инвестиции, сделанные страной за последние 30 лет, служат развитию экономических, торговых, транспортных и логистических связей между Европой, Черноморским, Кавказским, Каспийским и Центральноазиатским регионами.

Как уже отмечалось, в 2004 г. правительство приняло Государственную стратегию по использованию альтернативных и возобновляемых источников энергии в Азербайджане на 2012–2020 гг. В мае 2021 г. был принят Закон об использовании возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии,

⁶¹ Memmedova L. Azerbaijan's Energy Policy. ANKASAM. URL: <https://www.ankasam.org/azerbaijans-energy-policy/?lang=en> (accessed 18.04.2024).

предоставляющий правовую основу для развития проектов по возобновляемой энергии в стране. Закон предусматривает введение аукционов и тендеров как механизмов поддержки, а также включает другие проекты законодательных документов, такие как соглашение о закупке электроэнергии (РРА) и соглашение о подключении. Кроме того, разрабатываются правила проведения аукционов, а также схемы нетто-счётчика и нетто-выставления счетов.

В июне 2021 г. вступил в силу Закон об эффективном использовании энерго-ресурсов и повышении энергоэффективности, устанавливающий правила для проведения энергетических аудитов, управления энергией и энергетических услуг, а также для повышения эффективности производства, передачи, распределения и хранения энергии, проведения информационно-просветительской работы и других мероприятий. Тем не менее Правительству по-прежнему необходимо выработать конкретные политические шаги стимулирующие схемы для повышения энергоэффективности, а также разработать Национальный план действий по повышению энергоэффективности (НЭЕАР).

В августе 2022 г. Кабинет министров Азербайджана утвердил Постановление о требованиях к системе управления энергией, которое определяет, как экономические субъекты могут применять системы управления энергией. Для внедрения мер по повышению энергоэффективности экономический субъект может создать, внедрить, поддерживать и постоянно совершенствовать собственную систему управления энергией.

В целом, нормативно-правовая база Азербайджанской Республики в сфере развития возобновляемой генерации вполне отвечает современным требованиям и не препятствует выходу на рынок ВИЭ новым независимым игрокам.

Высокую степень централизации и активную роль государства в сфере реализации крупных энергетических проектов, по мнению автора, следует отнести не к недостаткам, а скорее к особенностям энергетической политики Азербайджана. И в углеводородном, и в безуглеродном сегментах национального ТЭК высокая степень присутствия государства объясняется ключевыми аспектами энергетической стратегии, взявшей за основу теорию «прорывного развития» за счёт реализации масштабных энергетических мегапроектов с привлечением иностранных инвестиций и новейших технологий.

Ввиду стратегического значения нефтегазового комплекса в экономике страны основное внимание в процессе эксплуатации месторождений уделяется наращиванию добычи углеводородов при повышении коэффициента извлекаемости энергоресурсов, учитывая исчерпаемость нефтегазовых запасов и высокую степень выработки ряда месторождений.

Подобная ситуация наблюдается и в секторе возобновляемой энергетики. У руководства страны есть план, который реализуется. Государство посредством перераспределения нефтегазовых доходов и привлечения ПИИ реализует те проекты, которые не под силу «поднять» частному бизнесу. Возможно, со временем, по мере формирования пула успешно функционирующих крупных

зелёных электростанций, ситуация изменится. Однако сейчас дело обстоит не только и не столько в сокращении CO₂, сколько в занятии ниши ведущего экспортера чистой энергии в регионе, позиционировании страны как ведущего крупного игрока в сфере возобновляемых источников. Всё делается централизованно в соответствии с разработанным планом, в котором государство играет координирующую роль.

Заключение

Энергетический сектор Азербайджана переживает значительные трансформации, включающие ускоренное развитие возобновляемой энергетики, что формирует ядро «постнефтяной» политики страны. Этот процесс нельзя объяснить исключительно энергетическим переходом с углеводородов на возобновляемые источники энергии (ВИЭ), поскольку полноценного перехода пока не наблюдается. Азербайджан не планирует сворачивать свои нефтегазовые проекты, замещая их ветровыми и солнечными электростанциями.

Концепция устойчивого энергетического развития, разработанная автором, демонстрирует возможные пути дальнейшего развития энергетического комплекса Азербайджана. В рамках этой концепции как национальная нефтегазовая отрасль, так и сектор возобновляемой энергетики рассматриваются как равнозначные для экономики страны, требуя при этом различных подходов к управлению. Важно, чтобы руководство страны осуществляло сбалансированное развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК), избегая односторонних решений в пользу какого-либо из энергетических ресурсов под давлением политических мотивов или в погоне за краткосрочной выгодой.

Азербайджан демонстрирует уникальный феномен: зелёная энергетика и ископаемое топливо не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга в общей энергосистеме.

Анализ показывает, что структура энергобаланса страны должна формироваться исходя из целесообразности и ресурсной обеспеченности. Развитие нефтяных и, в особенности, газовых проектов позволяет Азербайджану не только удовлетворять внутреннее потребление, но и значительно наращивать экспортный потенциал. Это открывает возможности для расширения поставок углеводородов на европейский рынок в условиях изменения экспортных энергопотоков и диверсификации поставок.

Сокращение выбросов в углеводородном сегменте генерации Азербайджана должно быть обеспечено за счёт применения мер по улавливанию, хранению и полезному использованию углерода (CCUS). Углеродные выбросы рассматриваются как ценное сырьё, которое можно повторно использовать. В этом контексте приоритетным направлением является использование природного газа как наиболее климатически нейтрального ископаемого топлива.

Развитие гидроэнергетики в Азербайджане, обеспечивая значительную долю базовой генерации, сталкивается с вызовами, связанными с выбросами. Эти выбросы могут быть выше, чем у тепловых электростанций на природном газе с улавливанием CO₂. Для минимизации климатического воздействия гидроэнергетики необходимо внедрять меры операционной декарбонизации в производстве бетона и регулярно очищать дно водохранилищ.

Возобновляемая энергетика в Азербайджане не только способствует климатической нейтральности, но и укрепляет геополитическое влияние страны. Реализация крупных энергетических проектов позволяет Азербайджану стать экспортёром зелёной электроэнергии и инициатором модернизации трансграничной энергетической инфраструктуры.

Таким образом, нефтегазовые и зелёные энергетические проекты способствуют укреплению позиции Азербайджана в международном сотрудничестве в рамках Большого Евразийского партнёрства, а также укрепляют связи с внешними рынками.

Об авторе:

Алиев Руслан Аллахверди оглы – кандидат экономических наук, руководитель Комиссии по устойчивому развитию и экологии РАС ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса. 125009, г. Москва, ул. Тверская, д. 16, офис 701 Б. E-mail: torgpredaz@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 620.9:621.311(479.24):327
Received: February 15, 2024
Accepted: June 06, 2024

Towards Sustainable Energy Development: Integrating Traditional and Renewable Energy in Azerbaijan's Energy Policy

 R.A. Aliev
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-41-72](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-41-72)

Commission on Sustainable Development and Ecology, United Nations Association of Russia

Abstract: The article examines the formation of Azerbaijan's energy policy and the multi-vector development of its fuel and energy complex. In the context of global transformations and changes in energy flow structures, the author emphasizes the balanced development of both hydrocarbon and carbon-free segments of energy. The proposed concept of sustainable energy development envisages the harmonious coexistence of traditional and renewable energy, enhancing Azerbaijan's economic stability and geopolitical influence. The significant role of the oil and gas sector, demonstrated by successful projects and substantial foreign investments, is reinforced by the active development of renewable energy sources. Azerbaijan implements large-scale projects in wind and solar energy, as well as initiatives for the production of «green» hydrogen, which contributes not only to the reduction of emissions but also to the expansion of the country's export potential. The article highlights the importance of balanced FEC development, focusing on emission minimization through the application of carbon capture and utilization (CCUS) technologies, as well as the need for infrastructure modernization to improve energy efficiency. Azerbaijan demonstrates a unique case where traditional and renewable energy do not compete but complement each other, strengthening its positions in international cooperation and within the framework of the Greater Eurasian Partnership.

Keywords: sustainable energy development, oil and gas industry, renewable energy, hydrocarbon exports, energy infrastructure, cross-border energy supply, geopolitical influence

About the author:

Ruslan A. Aliev – Ph.D. in Economics. Head of the Commission for Sustainable Development and Ecology, UN Association of Russia. Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the 2nd class. 125009, Russian Federation, Moscow, Tverskaya street, 16, 701 B.
E-mail: torgpredaz@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Abilov S., Hajiyev B. 2022. The European Union–Azerbaijan High-Level Transport Dialogue: A Timely Reaction to the Structural Changes? *Journal of Eurasian Studies*. 13(1). P. 32–41. DOI: 10.1177/18793665211054516
- Ahmadov A. K. 2019. How Oil Autocracies Learn to Stop Worrying: Central Eurasia in 2008 Global Financial Crisis. *Post-Soviet Affairs*. 35(2). P. 161–180. DOI: 10.1080/1060586X.2018.1554943
- Azimov A. 2021. European Energy Policy and the EU-Azerbaijan Energy Cooperation, *Journal of Comparative Politics*. 14(1). P. 71–90. (accessed 19.04.2024)
- Chepeliev M., Liverani A., Nair A., Van der Mensbrugge D. 2024. Azerbaijan: Pathways for Decarbonization in a Global Context. *Climate Policy*. Vol. 3. P. 1–16. DOI: 10.1080/14693062.2024.2330378
- Ciarreta A., Nasirov Sh. 2012. Development Trends in the Azerbaijan Oil and Gas Sector: Achievements and Challenges. *Energy Policy*. Vol. 40. P. 282–292. DOI: 10.1016/j.enpol.2011.10.002
- Das G., Ginting E., Hampel A., Horridge M. 2022. Key Binding Constraints, Structural Reform, and Growth Potential of Azerbaijan Via Economic Diversification: A Computable General Equilibrium Policy Impact Analysis. *Journal of Eurasian Studies*. 13(2). P. 119–144. DOI: 10.1177/18793665221096688

- Dinçer M. 2023. The Role of Azerbaijan as the EU's Energy Supplier: a Secondary Alternative Partner in Natural Gas. *European Politics and Society*. Vol. 10. P. 2288867. DOI: 10.1080/23745118.2023.2288867
- Felver T. B. 2020. How Can Azerbaijan Meet its Paris Agreement Commitments: Assessing the Effectiveness of Climate Change-Related Energy Policy Options Using LEAP Modeling. *Heliyon*. 6(8). P. 4697. DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e04697
- Flegel T. 2016. *Foreign Actors' Influence on Azerbaijan's Energy Policy. Decisions under Complex Uncertainty*, Springer Fachmedien, Wiesbaden. DOI: 10.1007/978-3-658-11404-6
- Gulaliyev M.G., Mustafayev E.R. and Mehdiyeva G.Y. 2020. Assessment of Solar Energy Potential and its Ecological-Economic Efficiency: Azerbaijan Case. *Sustainability*. 12(3). P. 1116. DOI: 10.3390/su12031116
- Guliev F. 2023. Renewable Energy Targets and Policies in Traditional Oil-Producing Countries: A Comparison of Azerbaijan and Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*. 15(1). P. 110–124. DOI: 10.1177/18793665231177720
- Garbanov S., Nugent J. B., Mikayilov J. 2017. Management of Oil Revenues: Has That of Azerbaijan Been Prudent? *Economies*. 5(2). P. 19–29. DOI: 10.3390/economies5020019
- Hasanov J., Mukhtarov Sh., Suleymanov E. 2023. The Role of Renewable Energy and Total Factor Productivity in Reducing CO₂ Emissions in Azerbaijan. Fresh Insights from a New Theoretical Framework Coupled with Autometrics. *Energy Strategy Review*. Vol. 47. P. 101079. DOI: 10.1016/j.esr.2023.101079
- Hamidova L., Huseynov A., Samadova E. 2022. Challenges in Implementing Renewable Energy Sources in Azerbaijan. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 12(6). P. 441–446. DOI: 10.32479/ijeep.13636
- Hasanov F., Mammadov F., Al-Musehel N. 2018. The Effects of Fiscal Policy on Non-Oil Economic Growth. *Economies*. 6(2). P. 27. DOI: 10.3390/economies6020027
- Mukhtarov Sh., Humbatova S., Hajiyev N., Aliyev S. 2020. The Financial Development-Renewable Energy Consumption Nexus in the Case of Azerbaijan. *Energies*. 13(23). P. 6265. DOI: 10.3390/en13236265
- Nasibov V. 2018. Sustainability and Efficiency of Azerbaijan Energy Performance and the Potentials of Their Improvement. *IFAC-PapersOnLine*. 51(30). P. 575–579. DOI: 10.1177/18793665211054516
- Nuriev M., Nuriev A., Mammadov J. 2023. Renewable Energy Transition Task Solution for the Oil Countries Using Scenario-Driven Fuzzy Multiple-Criteria Decision-Making Models: The Case of Azerbaijan. *Energies*. 16(24). P. 8068. DOI: 10.3390/en16248068
- Pehl M., Arvesen A., Humpenöder F., Popp A., Hertwich E., Luderer G. 2017. Understanding Future Emissions from Low-Carbon Power Systems by Integration of Life-Cycle Assessment and Integrated Energy Modelling. *Nature Energy*. 2(12). P. 939–945. DOI: 10.1038/s41560-017-0032-9
- Proskuryakova L., Ermolenko G. 2022. Decarbonization Prospects in the Commonwealth of Independent States. *Energies*. 15(6). P. 1987. DOI: 10.3390/en15061987. Available at: <https://www.mdpi.com/1996-1073/15/6/1987> (accessed 01.04.2024)
- Soued C., Harrison J. A., Mercier-Blais S., Prairie Y. T. 2022. Reservoir CO₂ and CH₄ Emissions and Their Climate Impact over the Period 1900–2060. *Nature Geoscience*. Vol. 15. P. 700–705. DOI: 10.1038/s41561-022-01004-2. URL: <https://www.nature.com/articles/s41561-022-01004-2#citeas> (accessed 18.02.2024)
- Viladili N., Suleymanov E., Bulut C., Mahmudlu C. 2017. Transition to Renewable Energy and Sustainable Energy Development in Azerbaijan. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 80. P. 1153–1161. DOI: 10.1016/j.rser.2017.05.168

Zalov N., Aliyev T., Guliev I. 2023. Integration of Renewable Energy Sources to Power Grid in Azerbaijan: A Review. 2023 *IEEE 17th International Conference on Application of Information and Communication Technologies (AICT)*. DOI: 10.1109/AICT59525.2023.10313196. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/10313196> (accessed 17.04.2024).

Abdullaev N.N. 2021. Pravovaya osnova sotrudnichestva mezhdu Azerbaidzhanskoj Respublikoj i ES v energeticheskoj sfere [The Legal Basis for Cooperation Between the Republic of Azerbaijan and the EU in the Energy Sector]. *Mezhdunarodnoe pravo*. №3. P. 1–14. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.3.35859 (In Russian).

Aliiev R.A. 2023. Vodnaya bezopasnost' v kontekste ustoychivogo upravleniya transgranichnymi vodnymi resursami v Kaspijskom regione [Water Security in the Context of Sustainable Management of Transboundary Water Resources in the Caspian Region]. *MGIMO Review of International Relations*. 16(5). P. 71–98. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-77-104 (In Russian).

Makarenko D.V., Parshina S.L., Snezhko A.A. 2015. Vliyanie gidroelektrostantsiy na okruzhayushchuyu sredyu [Impact of Hydroelectric Power Stations on the Environment] *Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavтики*. №2. P. 181–182. (In Russian).

Seidov M. 2013. Neftyanaya strategiya Azerbaidzhana kak vazhnyy faktor regional'nogo razvitiya i diplomatii [Azerbaijan's Oil Strategy as an Important Factor of Regional Development and Diplomacy]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*. №2. P. 54–56. (In Russian).

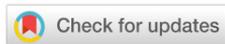
Список литературы на русском языке:

Абдуллаев Н.Н. 2021. Правовая основа сотрудничества между Азербайджанской Республикой и ЕС в энергетической сфере. *Международное право*. №3. С. 1–14. DOI: 10.25136/2644-5514.2021.3.35859

Алиев Р.А. 2023. Водная безопасность в контексте устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в Каспийском регионе. *Вестник МГИМО-Университета*. 16(5). С. 71–98. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-77-104

Макаренко Д.В. 2015. Влияние гидроэлектростанций на окружающую среду. *Актуальные проблемы авиации и космонавтики*. №2. С. 181–182.

Сеидов М. 2013. Нефтяная стратегия Азербайджана как важный фактор регионального развития и дипломатии. *Самарский научный вестник*. №2. С. 54–56.

Евразийское пространство в китайских официальных и академических дискуссиях

И.Е. Денисов, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Настоящее исследование анализирует современные тенденции в китайских академических дискуссиях по вопросам Евразии, которые всё больше сосредоточены на переосмыслении пространственных аспектов китайской внешней политики. Анализируя широкий спектр мнений китайских учёных, статья выявляет сложности в формировании уникального китайского взгляда на евразийское пространство. Авторы опираются на ряд современных и активно цитируемых работ китайских исследователей, в которых Евразия рассматривается как самостоятельная тема. Отходя от более консервативного официального дискурса, который до сих пор ассоциирует Евразию преимущественно с постсоветским пространством, и не стремится активно выдвигать собственную евразийскую повестку, китайские учёные используют различные теоретические рамки для исследования Евразии, предлагают новые подходы и идеи для оценки истории региона и сегодняшней ситуации. Вопреки ожиданиям, инициатива «Один пояс, один путь» не привела к разработке официальной китайской концепции Евразии. Тем не менее интенсивные и разнонаправленные дискуссии в академической среде свидетельствуют о поиске новых путей взаимодействия в евразийском регионе, особенно в условиях усиливающейся глобальной неопределённости.

Ключевые слова: Китай, Евразия, внешняя политика КНР, пространственные концепты, евразийский порядок, евразийское пространство, академические дискуссии, «Один пояс, один путь», постсоветское пространство

Пространственный фактор является «точкой сборки» для разных идентичностей Китая в XXI в. – развивающаяся страна и часть глобального Юга, лидер инфраструктурных проектов на евразийском (евроазиатском) пространстве, промышленно развитая страна, равный партнёр в торговле и обмене технологиями со странами коллективного Запада, или, наоборот, страна, защищающая свою территорию от влияния западных ценностей, либо страна, дающая пример успешной «незападной» модели развития и т. д.

УДК: 327(510+4/5):32(510):316.77

Поступила в редакцию: 10.03.2024 г.

Принята к публикации: 15.06.2024 г.

В целом, пространственные концепты стали важной частью идеологии «китайской мечты» и «великого возрождения китайской нации». Заявления китайского руководства о приближении страны к центру мировой арены, хотя и звучат как общая политическая метафора, неизбежно связаны с вопросами практического характера. Как видят в Пекине своё место на мировой карте и не столько географической, сколько на карте распределения центров силы в мире? Как современная «Срединная империя» позиционирует себя по отношению к другим мировым игрокам? К какому макрорегиону относит себя Китай? Какие пространственные инструменты задействованы в инициативах «Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП)» и «Морской Шёлковый путь XXI в.», и действительно ли эти инициативы являются шагом к «евразийскому веку» Китая?

Растущее значение Евразии в мировой политике подчёркивается многими исследователями в КНР. Как отмечает профессор Шанхайского университета международных отношений Ян Чэн, сейчас наступает «момент Евразии», впервые в истории появилась возможность не рассматривать Евразию как отдельный коллективный символ, используемый внешними силами (Yang 2015). Однако с точки зрения практической политики «евразийский момент» пока существует лишь как очень общий идеал в построениях китайских аналитиков, в то время как конкретные черты желательного для Китая евразийского порядка, пути его построения или даже границы евразийского пространства являются предметом дискуссий.

Подходы Китая к макрорегиону стали предметом рассмотрения во многочисленных работах отечественных и зарубежных учёных, при этом бум академических публикаций произошёл после выдвижения Си Цзиньпином инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), в которой многие увидели путь к установлению китайского евразийского порядка (Callahan 2016; Harper 2019). Предметом подробного анализа стали планы России и Китая по сопряжению ЕАЭС и ЭПШП (Макаров, Соколова 2016; Бородачёв, Пятачкова 2018; Лукин 2020). Тем не менее, несмотря на успехи двух стран в экономическом сотрудничестве, их концептуальные подходы к Евразии существенно различаются (Novikov, Vocharova 2024).

Можно отметить, что ОПОП скорее стал зонтичной геоэкономической инициативой Пекина, чем концептуальной новацией, фундаментальным переосмыслением евразийского пространства. Китаю не удалось «изменить взаимосвязь между сушей и морем», заменив Тихий океан центральной ролью Евразии, как предсказывали некоторые исследователи (Baik 2019). Впрочем, такой цели Китай и не ставил, и глобальный разворот инициативы, которая очень быстро охватила не только АТР, но и Латинскую Америку и Африку, это только подтверждает.

В целом, важно понимать, что китайское видение Евразии является предметом дискуссий. Впрочем, это касается в целом определения параметров политики «возрождения китайской нации» в глобальном аспекте. Увеличение

материальной мощи Китая ведёт к тому, что дэнсяопиновский подход «скрывать свои возможности, держаться в тени» ставится под сомнение (Stevens 2014). Западные исследователи склонны акцентировать «агрессивность» и «напористость» Китая (Scobell, Harold 2013; Mastro 2014; Miura 2023), ожидая быстрое приведение концептуальных основ и его практической политики в соответствие с новыми (качественно иными, по сравнению со временем Дэн Сяопина) материальными возможностями. Видимо, западные эксперты в данном случае склонны подсознательно подходить к планам Пекина со своей меркой («как бы поступили мы на его месте»). На самом деле, несмотря на возросшую мощь, Китай лишь постепенно освобождается от ограничений дэнсяопиновского подхода «скрывать свои возможности, держаться в тени». В китайском руководстве постепенно складывается консенсус, что его политика не может не меняться, отражением этого становится новое понимание периода «стратегических возможностей» (Адамова, Денисов 2022). Однако вызревают эти изменения постепенно, они не являются механическим и немедленным приведением политики в соответствие с материальными возможностями (хотя «проба сил» Китаем случается в разных регионах мира).

Как справедливо отмечает И. Бусыгина с соавторами, несмотря на обширную литературу, освещающую разнообразные аспекты деятельности КНР в Евразии, до сих пор отсутствует комплексное исследование, которое бы полностью раскрывало китайскую стратегию лидерства в этом регионе (Бусыгина и др. 2020: 118). На наш взгляд, этот верный тезис требует уточнения. Указанный пробел в литературе связан с тем, что евразийская стратегия Китая все ещё находится в стадии разработки, её ключевые элементы и направления пока не определены окончательно. Текущее состояние китайских дискуссий — это постоянно меняющаяся и дополняющаяся мозаика, элементы которой ещё не сложились в окончательную картину и не всегда следуют официальной линии, более сдержанной и консервативной. Между тем систематизированный анализ конкретных примеров «отклонений» может выявить общие закономерности грядущей стратегии. Это то накопление аномалий, которое, согласно Т. Куну (1996), приводит к формированию новой парадигмы. В контексте предмета данной статьи даже кажущиеся незначительными элементы складывающегося «пазла» китайской стратегии в Евразии могут стать ключом к пониманию её будущего развития.

В качестве основного метода исследования выбран критический дискурс-анализ (КДА), разработанный Норманом Фэркло (Fairclough 2013). Этот подход помогает рассмотреть, каким образом язык и текст влияют на социальные и политические процессы, и как они отражают и формируют стратегические намерения Китая в отношении Евразии. КДА позволяет выявить скрытые политические установки и понять, как формируются и изменяются концепции в процессе академических и политических дискуссий.

КДА включает несколько ключевых этапов. Во-первых, мы анализируем дискурсивные практики, используемые в официальных и академических текстах. Это включает изучение частоты и контекста использования ключевых терминов, таких как «Евразия». Во-вторых, проводится лексико-грамматический анализ, чтобы выявить, как через язык конструируется определённая реальность. Наконец, результаты интерпретируются в контексте политических и идеологических целей, что позволяет выявить скрытые смыслы и властные отношения.

Исследование построено на контрасте – мы начинаем с официального дискурса, который не только достаточно консервативен, но и малоинформативен, и скорее «скрывает свои возможности», чем выдвигает новаторские геополитические концепции. Однако дальнейший анализ академических публикаций показывает, что текущий момент глобальных потрясений лишь актуализировал дискуссии о Евразии. Отходя от более консервативного официального взгляда, который до сих пор ассоциирует Евразию преимущественно с постсоветским пространством и не стремится активно выдвигать собственную евразийскую повестку, китайские учёные используют различные теоретические рамки для исследования Евразии, предлагают новые подходы и идеи для оценки истории региона и сегодняшней ситуации, и главное – будущего Китая на Евразийском континенте. Для анализа мы отобрали ряд современных и активно цитируемых работ китайских исследователей, в которых Евразия рассматривается как самостоятельная тема. Мы намеренно сохраняем мозаичный характер дискуссии, не ограничиваемся кратким пересказом статей, а стараемся воспроизвести искания китайских коллег в максимальной полноте, насколько это позволяют рамки академической статьи.

Почему «Пояс и путь» не стал основой для китайской концепции Евразии?

Выдвижение инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) означало новое качество внешней открытости и нарастающее желание Китая оказывать влияние на региональные и глобальные процессы, хотя ОПОП не следует рассматривать исключительно как китайский детальный план переустройства Евразии (или какого-то другого мегарегиона).

В официальных документах китайские власти сознательно задают очень широкие рамки интерпретации ОПОП, в том числе и географические. Для инициаторов это, разумеется, имеет положительные моменты: есть возможность гибко адаптировать инициативу к конкретным регионам и странам, при необходимости добавляя конкретику или отказываясь от уже взятых обязательств. Такой подход был бы нелогичным, если у Пекина изначально были бы чёткие проектные рамки – как по срокам и этапам, так и по содержательной стороне строительства «Пояса и пути».

Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете в сентябре 2013 г.¹ было стартом инициативы строительства Экономического пояса Шёлкового пути. В речи несколько раз употреблялись слова «Евразия», «евразийский». Однако в контексте тогдашнего визита в Казахстан под этим подразумевался не Евроазиатский континент, а постсоветское пространство или даже политико-географическая совокупность Российской Федерации и Центральной Азии, то есть Евразия в «узком» понимании территориально-департаментального МИД КНР, который готовил визит председателя в Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Это ясно из следующего фрагмента: «В связи с динамичным развитием отношений Китая со странами Евразии за последние более чем 20 лет древний Шёлковый путь обрёл новую силу и новый облик. Взаимовыгодное сотрудничество Китая с евразийскими странами выходит на всё новую историческую высоту»². Здесь выражение «последние более чем 20 лет» несомненно означает постсоветский период. Далее в своём выступлении в Назарбаев-университете, говоря о необходимости развития многостороннего сотрудничества в регионе, Си Цзиньпин отметил, что «государства - члены и страны-наблюдатели ЕвразЭС и ШОС расположены на обширных территориях Евразии, Южной и Западной Азии». Перечисление через запятую Евразии наряду с двумя азиатскими субрегионами означает, что и в данном случае речь шла о территории бывшего Советского Союза, а китайская инициатива изначально не имела широких евразийских (евроазиатских) амбиций.

Уточнение концепции пришлось ждать довольно долго, и не только в плане определения географических границ «Пояса и Пути», но и в плане наполнения её конкретным содержанием. Лишь в марте 2015 г. миру был представлен первый концептуальный документ – «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI в.». «Совместное строительство “Одного пояса и одного пути” призвано объединить и связать Азию, Европу, Африку и омывающие их океаны, а также создать и укрепить партнёрские отношения между странами, находящимися вдоль “Одного пояса и одного пути”», – так в документе определяется главное содержание инициативы³. Географические рамки проекта обозначены предельно широко и размыто, поскольку сказано, что он охватывает не только первоначально обозначенный «узкий евразийский регион». При этом в документе перечислены три основных маршрута Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПП), сухопутной части инициативы «Пояса и Пути»:

¹ Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя. КНР Си Цзиньпина в Назарбаев-университете. 2013. *Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан*. 16.09.2013 URL:http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 01.03.2024).

² Там же.

³ Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века. 2015. *Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики*. https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/201504/t20150415_766831.html (дата обращения: 01.03.2024).

1) из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); 2) из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу, Средиземному морю; 3) из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану.

Став новацией в китайской внешнеполитической стратегии, инициатива ЭПШП в то же время весьма осторожно формулировала суть участия Китая в развитии евразийского региона на многосторонней основе. Определённую роль в столь сдержанных формулировках сыграло и намерение с помощью публикации первого официального разъяснения инициативы 2013 г. собрать отклики представителей правительственных и экспертных кругов стран, расположенных по основным маршрутам ЭПШП, чтобы затем скорректировать планы и эффективно управлять возможными рисками.

Само понятие маршрутов в этом и последующих официальных документах является скорее некоей условностью, отсылающей к «бренду» Шёлкового пути, и в полном смысле эти маршруты не являются транспортно-логистическими путями, впрочем, как и сам проект не сводится только к инфраструктурной или транспортной составляющей. Не является инициатива и концепцией широкого пространственного развития в том смысле, что Китай не намерен распространять своё влияние «вширь», либо создавать некое «пространство развития» под своим лидерством.

Продвижение китайских интересов в Евразии по-прежнему строится преимущественно на двусторонней основе, то есть можно сказать является «точечным», а не сетевым и не пространственным. Даже провозглашая общность интересов ЕАЭС и ЭПШП и подтверждая возможность их согласования, китайские эксперты неизбежно обращают внимание на то, что в отличие от евразийской интеграционной инициативы (в китайском представлении — закрытой), инициатива Си Цзиньпина является открытой и инклюзивной.

Со временем «пространственная» составляющая ОПОП размывалась всё больше. Не успев стать евразийской инициативой, «Пояс и Путь» очень быстро превратилась в глобальный проект. Это стало ясным ещё в 2017 г. во время проведения I Форума международного сотрудничества в рамках инициативы. К Форуму был подготовлен позиционный политический документ «Совместное строительство “Одного пояса, одного пути”»: идея, практика и вклад Китая» (опубликован от имени Канцелярии руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути»)⁴. Анализ документа показывает, что китайское руководство стало отходить от «шёлковой символики» (а значит узкого регионального понимания инициативы). В частности,

⁴ Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. 2017. Портал «Один пояс, один путь». 26.05.2017. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> (дата обращения: 01.03.2024).

в документе отмечалось, что инициатива по совместному строительству «Одного пояса, одного пути» лишь использует историческую символику «древнего Шёлкового пути», но включает в себя содержание новой эпохи. Из этого содержания китайское руководство выделяет то, что на китайском политическом языке называется «китайским планом» (*Чжунго фан'ань*) – то есть китайскую повестку реформирования мировой экономической системы и системы глобального управления. Как отмечается в документе, это отражает ответственность Китая в качестве крупнейшей в мире развивающейся страны и второй экономики в мире по объёму ВВП, чьи усилия направлены на обеспечение равноправного, справедливого и рационального развития.

Не исключено, что такое глобальное позиционирование инициативы не будет окончательным, и на качелях «глобальный – региональный» баланс вновь сдвинется к более глубокой проработке евразийской повестки, к созданию вариантов регионального управления, скорее всего в партнёрстве с другими крупными и средними игроками. К этому Пекин могут подтолкнуть и нынешнее нарастание противоречий с США, и осознание китайской элитой затратности и уязвимости для Китая глобальных амбиций в условиях нынешней международной неопределённости.

Однако для создания «китайского плана» для Евразии недостаточно одной политической воли. Чтобы он эффективно работал, необходимо преодолеть фрагментацию и узость евразийской повестки при принятии решений в китайских государственных органах. Сейчас на официальном уровне эта повестка все ещё несёт черты 1990-х, когда в сознании китайского политического класса, трансформация Евразии стала прочно связываться с крахом СССР и образованием на постсоветском пространстве новых независимых государств. Кроме того, распад СССР произошёл в чувствительный период, когда Пекин был особенно уязвим – во время осложнения отношений с Западом, после событий на площади Тяньаньмэнь. Хотя ситуация с тех пор изменилась радикально, следы этой психологической травмы, когда китайское руководство столкнулось с хаотической, политически неопределённой ситуацией на своей самой протяжённой границе, чувствуется до сих пор.

Термин «Евразия» в официально-деловом обороте КНР

Любое государство при создании и модернизации структуры госаппарата исходит из определённого плана, который базируется как на выделении приоритетных внутриполитических и внешнеполитических задач, так и на специфической для данного исторического этапа модели структурирования внутреннего и внешнего пространства. Наблюдение за организацией современного китайского госаппарата показывает, что сам термин «Евразия», а также Евразия как объект анализа и объект политики продолжают использоваться в качестве синонима политико-географического пространства, возникшего после распада

Советского Союза, а не в значении континента Евразии или цивилизационной общности Европы и Азии. На это, в частности, обращают внимание китайские исследователи Гуань Гуйхай и Дай Вэйцзин (2018). Наши наблюдения за функционированием партийного и государственного аппарата КНР подтверждают актуальность и устойчивость этой тенденции.

Шестое управление Отдела международных связей ЦК КПК отвечает за связи с политическими партиями Восточной Европы, Балтийского региона и Содружества Независимых Государств и аналитическую деятельность на этом направлении. При этом отдельно в структуре отдела выделены следующие управления, территориально относящиеся к Евразии в широком смысле слова: Первое управление (Южная Азия, Юго-Восточная Азия), Второе управление (Северо-Восточная Азия, Индокитайский регион); Третье управление (Западная Азия и Северная Африка). К Западной Азии в Китае традиционно относят Иран, Палестину, Сирию, Ирак, Иорданию, Израиль, Ливан, Йемен, Саудовскую Аравию, Объединённые Арабские Эмираты, Оман, Кувейт, Катар, Бахрейн, Турцию и Кипр; Четвёртое управление (Северная Америка, Океания, Северная Европа, Великобритания, Ирландия, Мальта). Восьмое управление (Западная Европа).

Данная структура не воспроизводится полностью в центральных правительственных органах КНР, однако общим остаётся как выделение постсоветского пространства в отдельный объект (иногда без Прибалтики), так и функциональное разграничение территории бывшего СССР и «остальной» Европы и Азии, в основе которого лежит признание определённой исторической общности региона и его сохраняющейся ориентации на Россию, а также учёт Китаем особых российских интересов на постсоветском пространстве.

После распада СССР и образования на постсоветском пространстве новых государств в 1992 г. Департамент СССР и стран Восточной Европы Министерства иностранных дел КНР был переименован в Департамент Евразии (欧亚司 / *Оуясы*). Любопытно, что термин «Евразия» присутствует лишь в китайском названии этого территориального подразделения МИДа. Официальное название на английском языке – The Department of European-Central Asian Affairs, на русском – Департамент стран Европы и Центральной Азии, на французском – Département des Affaires d'Europe-Asie centrale. Круг «евразийских» стран (на китайском дипломатическом языке) сохраняется с 2004 г., когда восточноевропейские и прибалтийские государства были переданы в ведение Департамента стран Европы.

В настоящее время в сферу ответственности Департамента Евразии входят такие страны, имеющие дипломатические отношения с КНР, как Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан. Стоит отметить, что кавказский регион в целом относится к компетенции департамента, включая дипломатически не признанные Китаем Абхазию и Южную Осетию

В функционал Департамента Евразии входит и работа Китая в таких многосторонних структурах, как Шанхайская организация сотрудничества, Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Центрально-Азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС). В то же время участие Китая в более широких по региональному охвату организациях курируются другими подразделениями Министерства, причём часто функциональными, а не территориальными.

Так, например, за Форум «Азия – Европа» отвечает Департамент международных организаций и конференций (он же курирует ооновскую повестку), что подчёркивает большую политическую составляющую этого формата. Для сравнения инициативу «Один пояс, один путь», в том числе проведение Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», по линии МИДа курирует Департамент по международным экономическим делам, что, видимо, определяется преимущественно геоэкономическим, а не геополитическим характером инициативы.

Аналогичный Департамент Евразии создан в 2014 г. в Министерстве коммерции КНР. В его компетенцию входит развитие внешнеэкономических связей с постсоветскими странами (как и в МИДе, прибалтийские государства исключены), экономическое сотрудничество в рамках ШОС, продвижение инициативы «Один пояс, один путь», а также взаимодействие Китая с Евразийским экономическим союзом.

В Министерстве образования Отдел Евразии занимается образовательными обменов с Российской Федерацией и другими государствами СНГ.

Примечательно, что при огромных усилиях центральных властей по выстраиванию чётко работающей управленческой вертикали и оптимизации функций местных правительств, они по-прежнему имеют относительную свободу в выстраивании внешних связей. Подразделения с функционалом «узкой» евразийской (постсоветской) повестки, как правило, чаще встречаются в провинциях и автономных районах, непосредственно граничащих или близко расположенных к России и другим странам постсоветского пространства, или имеющих тесные связи с этими странами. В то же время, чем дальше на юг Китая, тем реже встречаются департаменты/отделы/управления Евразии, тем чаще функционально обязанности по связям со странами широкого евразийского пространства распределяются между структурными подразделениями, ориентированными на Европу или на Азию.

Ряд многосторонних форматов, включающих определение «евразийский», ориентирован на постсоветское пространство. В 2011 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе было создано Управление по делам международных ярмарок, которое регулярно организует в Урумчи Китайско-Евразийскую ярмарку (последний вариант официального названия на русском языке ЭКСПО «Китай – Евразия»). Основные клиенты выставки – компании из России

и Центральной Азии. С 2005 г. каждые два года в г. Сиань проходит Евразийский экономический форум, ориентированный в основном на страны шосовского пространства.

Ещё пример узкого понимания «Евразии» – название и тематика научного журнала «Евразийская экономика» (прежнее название «Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы»), издаваемого Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук. В целом же, в академической среде дискуссии о сути понятия Евразии идут достаточно активно, имеются попытки преодолеть консервативное восприятие евразийского региона как исключительно постсоветского.

Китайские академические дискуссии о Евразии

Углубление и конкретизация китайских представлений о евразийском регионе (пространстве) проявляется прежде всего в выдвигании китайскими авторами оригинальных идей и концепций, которые не являются лишь «улучшенной копией» зарубежных подходов. Примечательно, что к привычной для евразийской геополитики категории «пространства» в китайских построениях о прошлом и будущем Евразии, как правило, добавляется категории «времени». В этом, во-первых, видится освобождение от прежнего узкого и статичного взгляда (*Евразия – это постсоветский регион, родившийся в результате распада СССР, где сейчас доминирует Россия*). Во-вторых, добавление координаты времени является попыткой включения концепции Евразии в более широкий исторический (а иногда и культурно-цивилизационный) контекст.

«Евразийский феномен» или Россия-центричное пространство. Китай стремится понимать и осмысливать евразийский регион, преодолевая тот путь, которые прошли в своё время западные державы, но используя для этого новую логику и практику, предлагая новые способы классификации и толкования того, что китайский учёный Ху Цзянь назвал «евразийским феноменом» (欧亚现象) (Hu 2022). «Евразийский феномен не сводится исключительно к географической области Советского Союза — России, а охватывает весь Евразийский континент, существуя здесь на протяжении тысячелетий», — отмечает китайский исследователь (Hu 2022: 14–15). Автор указывает, что раньше академический интерес в Китае к Евразии был в значительной степени сосредоточен вокруг российской перспективы, анализировались в основном геополитические аспекты, связанные с российской политикой — от времён царской эпохи до СССР и настоящего времени. Как пишет учёный, «евразийский феномен» на стыке Европы и Азии — это явление более широкого масштаба, которое охватывает богатый мозаичный комплекс культур, этносов и религий, простирающийся за пределы России.

Другие исследователи, в частности Ло Ифу и Сюй Сюцзюнь подчёркивают, что «фактически это географический регион, сосредоточенный вокруг России, и его пространственные границы, структура интересов и характер управления изменяются в соответствии с изменениями в руководящей роли России в этом регионе» (Луо, Ху 2022: 105).

Примечательно, что китайские исследователи, склонные к восприятию Евразии как самостоятельного феномена, одновременно оказываются вынуждены ради учёта очевидных различий народов и стран на этом пространстве выделять различные субрегионы. Те же китайские исследователи, которые видят регион более Россия-центричным, воспринимают его более целостно, им не столь важно выделение субрегионов.

Однако для обоих этих подходов характерно подчёркивание конфликтного потенциала в Евразии. Ху Цзянь (2022), рассматривая рост турбулентности на евразийском пространстве в связи с украинским кризисом, пользуется «имперской» и «постимперской» парадигмами. В частности, он отмечает, что Россия сохраняет свою приверженность евразийскому имперскому менталитету, в то время как Украина пытается избавиться от страха «постимперского синдрома» в национальном сознании. Одновременно автор указывает, что военный конфликт между Россией и Грузией в 2008 г. невозможно объяснить лишь как наследие Холодной войны. Исторические корни противоречий и национальные амбиции Грузии также играют важную роль, и, как и в случае с кризисом на Украине, Ху Цзянь видит в событиях в Южной Осетии манифестацию «постимперского синдрома» (Ну 2022: 19).

Евразийский порядок: единство региона или фрагментация? В целом можно отметить, что китайские исследователи в последнее время, особенно на фоне обострения отношений России и Запада, все чаще говорят о «евразийском порядке», пытаясь проанализировать сложившуюся в регионе систему безопасности, с разных позиций оценивая динамику разворачивающихся в Евразии конфликтов. Профессор Ланьчжоуского университета Цзэн Сянхун (2019) применяет к ситуации в регионе «модель матрёшки», разработанную в своё время Рут Дейермонд для описания сложных отношений сотрудничества-соперничества глобальных и региональных игроков в Центральной Азии (Deyermond 2009).

«Модель матрёшки» подразумевает взаимодействие множества акторов — как государственных, так и негосударственных — на трех уровнях: национальном, региональном и глобальном, создавая сложную систему взаимосвязей и взаимовлияний. В центре анализа Цзэн Сянхуна — роль России и США как ключевых держав, определяющих региональный порядок в Евразии. Россия, обладая традиционным влиянием в регионе, признана академическим сообществом как региональный гегемон, в то время как США выступают как глобальная держава, стремящаяся расширить своё влияние. Цзэн специально подчёркивает,

что, несмотря на некоторые мнения об ослаблении России и снижении её роли в регионе, она по-прежнему остаётся значимой силой, формирующей евразийский порядок. Китайский учёный подробно рассматривает динамику взаимодействия между Россией и США, особенно на втором уровне «матрёшки», где Евразия становится ареной их регионального соперничества. При этом Центральная Азия выделяется относительной стабильностью по сравнению с более напряжёнными подрегионами Кавказа и восточного фланга Евразии, где западные силы активно конкурируют с Россией. Исходя из исторических связей и текущих интересов, евразийский регион, состоявший из бывших республик СССР, является сферой влияния и приоритетной областью интересов России. Цзэн Сяохун делает вывод, что в Евразии Россия становится государством статус-кво, а США – ревизионистской державой.

Конкуренция между Западом и Россией на глобальном и региональном уровнях обеспечила фон для возникновения кризиса на Украине. Когда обе стороны предоставляют существенную поддержку конкурирующим или противостоящим национальным акторам, появляется соревнование между двумя противоборствующими державами – Россией и США.

В связи с кризисом на Украине евразийский порядок стал явно антагонистичным, что привело к нарушению устойчивости «модели матрёшки». Когда внутри стран кавказского субрегиона или на Украине происходят события, влияющие на их развитие или касающиеся суверенитета и территориальной целостности, Запад и Россия активно вмешиваются и переносят свою глобальную конкуренцию на взаимодействие на региональном и национальном уровнях. По оценке Цзэн Сяохуна, это не только придаёт взаимодействию в регионе характер игры с нулевой суммой, но и приводит к формированию двухполюсной модели поведения в регионе и делает уязвимым обычно относительно устойчивый режим «матрёшки».

В Центральной Азии, — считает китайский учёный, — негосударственные акторы, которые часто стоят за «цветными революциями», либо слабы, либо их цели расфокусированы, и им не хватает способности объединиться с западными странами для вызова России. Хотя государства региона и могут рассматривать западные страны как противовес политике Москвы, они обычно отказываются идти по чёткому прозападному пути, в отличие от Грузии и Украины. В такой обстановке, даже если в этом субрегионе Евразии и возникают кризисы, центральноазиатские страны обычно приходят к согласию с Россией. Таким образом, несмотря на некоторые трудности или даже кризисы, а также поддержку протестных движений со стороны Запада, «модель матрёшки» в Центральной Азии сохраняет базовую стабильность благодаря отсутствию условий для продолжительной конфронтации между двумя глобальными державами.

Другие китайские учёные, давая общую характеристику механизма управления в Евразии, делают вывод о его малой эффективности и недостаточной институциональной основе. Как подчёркивает Гу Вэй (2023), разнообразные

формы конкуренции и сотрудничества между четырьмя сторонами (Китай, США, Россия и ЕС) оказывают множественное воздействие на порядок в Евразии, изменяют структуру сил в регионе, усиливают конкуренцию между региональными институтами, усугубляют поляризацию и фрагментацию региона. При этом для Китая первоочередной задачей является сохранение стабильности в Евразии, полагает этот исследователь.

Констатируя невозможность сотрудничества по управлению Евразией между США и ЕС, с одной стороны, и Россией, с другой, Ло Ифу и Сюй Сюэцзюнь (2022) отмечают, что взаимодействие между Китаем и Россией им представляется более реальной возможностью для прорыва в сложившейся ситуации по управлению евразийским регионом. По мнению учёных, с момента окончания Холодной войны в связи с уменьшением относительной региональной мощи России евразийское пространство постепенно фрагментируется и сокращается, паттерны взаимных интересов становятся более дифференцированными и сложными.

Тезис этих авторов о «сокращении» или «фрагментации» евразийского пространства разделяется многими китайскими учёными, которые по-прежнему видят основным фактором, формирующим регион, центристские тенденции, имеющие корни в истории СССР. Расставание с советским прошлым или снижение роли России как политикоформирующего центра рассматривается ими как конец евразийского региона. В статье «Евразия не может закончиться» китайский русист Ян Чэн (2022) оспаривает эту точку зрения. Прежде всего, автор отмечает, что как бывшая империя и супердержава времён Холодной войны, Россия обладает почти врождённой одержимостью геостратегическим пространством и всеми сопутствующими геополитическими концепциями. По оценке Ян Чэна, на протяжении большей части истории Россия считала себя «Евразией» в синонимичном смысле, стремясь построить «концентрические круги» безопасности с центром в России. Распад СССР и постсоветский транзит привёл лишь к реформированию пространственных отношений в евразийском регионе, но не снизил его значимость. Учёный уверен, что Москва не будет «воссоздавать СССР». Более вероятно, что страны Евразии, используя такие драйверы, как сотрудничество в рамках инициативы «Пояс и путь» и развитие ЕАЭС, смогут избавиться от судьбы периферийной зоны глобализации и получат новые возможности для роста. В конечном итоге это приведёт к появлению «евразийского момента», привлекающего внимание многих внешних сил и стимулирующего их взаимное соперничество (Yang 2022: 15).

Евразия в системе пространственно-временных координат. Оригинальная трактовка развития представлений о регионе с точки зрения пространства и времени предложена профессором Юань Цзянем (2023) из Центрального университета национальностей (г. Пекин). По мнению Юань Цзяня, критически важным направлением для китайских специалистов по Евразии и другим

регионам должен стать переход от «размышления о времени» к «размышлению о пространстве».

Для того чтобы верно понять, что пространство в данном случае — это не только геополитическое, но и когнитивное пространство, следует учесть, что Юань Цзянь не скрывает, что он заимствовал данный образ из первого тома классической работы американского синоведа Джозефа Ричмонда Левенсона (1920–1969) «Конфуцианский Китай и его современная судьба» (1968). В этом, к слову, мы видим типичный для китайской социальной науки и политической практики приём («чжун сюэ вэй ти, си сюэ вэй юн» – использовать китайское учение в качестве фундамента, а западное учение – для утилитарного применения). Примечательно, что в работе Дж. Левенсона не обсуждались никакие идеи регионализма или принципы пространственной политики. Трансформация «соображений времени» в «соображения пространства» относилась к тому, что считалось «критерием истины» среди соперничающих школ общественной мысли в традиционном Китае. Система координат «время – пространство» лишь служит выражением того, как критерий истинности знания изменился после широкого западного проникновения в Поднебесную в XIX в., особенно в результате опиумных войн.

До широкого прихода в Китай западных идей критерий «победы» в общественной дискуссии той или иной школы конфуцианской мысли состоял в представлении доказательств идеального соответствия традиции. Интеллектуальные дебаты часто сосредотачивались на доказательстве своей ортодоксальности, прямой связи с древней мудростью, при этом предпочтение безусловно отдавалось старому перед новым. В трактовке Левенсона это означало, что акцент делался на временном аспекте — то есть на том, насколько тесно и органично идея или школа мысли связаны с прошлым. Что же произошло после опиумных войн, и в чём виделся качественный скачок? Западные идеи, технологии и культура представляли собой резко отличающуюся альтернативу существующей китайской интеллектуальной традиции. Новая реальность была настолько убедительной (скорее даже – пугающей), что заставила китайские школы мысли пересмотреть свои споры и претензии друг к другу. Фокус сместился с аргументации о том, какое направление более тесно связано с древностью (время), на разрешение споров в рамках новой пространственной реальности — иностранного влияния, проникающего в китайское общество (пространство). Иными словами, для китайских интеллектуалов их миссия заключалась уже не только в доказательстве верности устойчивым национальным традициям, но и в решении проблемы влияния «иных» (западных) идей на китайское общество и культуру.

Вместо того чтобы сосредотачиваться только на исторической подлинности идей (время), интеллектуалам приходилось иметь дело с осязаемым присутствием другой цивилизации и её идей в собственном культурном и географическом контексте (пространство). Этот сдвиг к пространственным соображениям

отражает новый вызов: необходимость реагировать на глубокие и всеобъемлющие последствия открытости внешнему миру, искать выход из замкнутых национальных рамок, в которых определение истинности знания мыслилось лишь на основе исторического прецедента и лишь на собственной культурно-философской почве.

Таким образом, «время» и «пространство» использовались Дж. Левенсоном как метафоры, и именно в этом качестве были заимствованы китайским учёным при анализе евразийского пространства. Юань Цзянь таким довольно сложным интеллектуальным приёмом, видимо, попытался подчеркнуть, что сегодня вызовы перед китайской интеллектуальной элитой по глубине сравнимы с периодом внешнего открытия Китая в XIX в., хотя последствия нынешних бурных перемен диаметрально противоположны. Согласно официальной идеологии КПК, сейчас как раз происходит обратный процесс – не потеря Китаем «самости», а наоборот – великое возрождение китайской нации, которое должно вернуть стране место, потерянное в период «столетнего унижения». Призыв в анализе Евразии перейти к «размышлениям о пространстве» как раз встраивается в этот контекст, ориентируя исследователей на пересмотр традиционных взглядов на евразийскую проблематику.

Подводя итог своим рассуждениям об изучении Евразии, Юань Цзянь констатирует изменения пространственных характеристик современного мира, подчёркивая, что китайское понимание внешней среды теперь не ограничивается «плоскостью». «В мире, – отмечает китайский учёный, – существуют различные “выступы” и “впадины”, способные повлиять на перспективу и глубину нашего понимания, что позволяет осознать несбалансированность и особенности, существующие внутри наших знаний о внешнем мире» (Yuan 2023: 49). В этом высказывании заметна не только полемика с глобалистским тезисом о «плоском мире» Томаса Фридмана, но и обеспокоенность тем, что китайские регионоведческие исследования отстают от темпов и растущих сложностей развития мировой системы. Выход видится в более смелом вторжении исследователей в «пространство» идей, отходе от консервативных схем, «переваривании» и критическом анализе евразийских концепций, проистекающих из разнообразных политических, философских и культурных традиций. Юань Цзянь подчёркивает активную роль Китая в этом процессе познания пространства (в отличие от пассивной роли непосредственно после опиумных войн). Сверхзадача видится в том, чтобы предложить некий целостный взгляд на Евразию, соответствующий интересам незападного мира. Как пишет Юань Цзянь, формируемая концепция «не будет подражать американскому или советскому стилю, а будет открытой, инклюзивной и устойчивой, олицетворяющей восточную мудрость, а также общие надежды и стремления третьего мира» (Yuan 2023: 56).

Взгляд на Евразию через призму истории. Заслуживающим внимания серьёзным исследованием, в котором сделана попытка рассмотреть вопрос о Евразии в более широком историческом контексте, является статья научного

сотрудника Шанхайской академии международных исследований Фэн Шуая «Евразийское пространство в мировой истории: истоки, формирование и упадок» (2019). Фэн Шуай начинает с ряда методических замечаний, подчёркивая, что любые изменения во власти и влиянии ключевых политических акторов всегда отражаются в пространственном измерении. С этой точки зрения, полагает он, история человечества — это история эволюции пространств. Учёный отмечает, что евразийское пространство как региональное отражение власти России формировало Россию и было сформировано Россией. Попутно Фэн Шуай делает интересное наблюдение о том, что неопределённость содержания и широкий спектр интерпретаций делают концепт Евразии полезным в политической практике, но в то же время приводят к многочисленным проблемам в более строгих научных исследованиях. «Когда мы говорим о “евразийском пространстве” или “евразийском порядке”, нам часто нужно сохранять некоторую неопределённость в отношении географического охвата, чтобы обсуждение могло проходить гладко. Однако такая неопределённость также объективно может ослабить строгость аргументации. Это противоречие также заставило многих исследователей избегать обсуждения данной темы», — справедливо констатирует учёный (Feng 2019: 31).

Эволюцию евразийского пространства автор прослеживает с периода Золотой Орды. Монгольское завоевание привело к значительному переустройству регионального политического ландшафта. Впервые в истории человечества широкие территории Евразийского континента были системно интегрированы в одну политическую структуру. Процесс объединения русских земель вокруг Москвы и свержение монгольского ига способствовали формированию единого Российского государства. За этим последовал период активного территориального расширения и централизации власти, что в итоге привело к созданию на пространствах Евразии мощной Российской империи. Как образно замечает автор, если период Монгольской империи стал эпохой, в которой евразийское пространство сформировало Россию, то ей на смену пришла эпоха, в которой Россия формировала евразийское пространство.

Несмотря на мощь этой политической структуры, каждое столкновение с морским порядком показывало относительную слабость евразийского пространства. В начале XX в., отмечает Фэн Шуай, конструкция континентальной империи, лежащей в основе евразийского пространства, уже находилась в заключительной стадии своего политического жизненного цикла.

Дальнейшая трансформация Евразии в изложении китайского учёного выглядит следующим образом. В 1917 г. Российская империя развалилась, и созданное под её руководством евразийское пространство столкнулось с первым кризисом с момента своего образования. Подъём мирового национализма XX в. полностью разрушил политическую и моральную легитимность империи, на которой держалась система основных институтов евразийского пространства. Когда в 1918 г. началась Гражданская война в России, мало кто верил,

что большевики смогут сохранить существующее евразийское пространство. С начала 1920-х гг. новому советскому режиму пришлось решить множество проблем для обеспечения стабильности евразийского пространства, среди которых ключевым было то, как после распада Российской империи определить новое содержание евразийского порядка. В реальной политической структуре нового советского режима не был сохранен топоним «Россия» в имени государства, который имел чётко выраженный этнический характер, использовался сотни лет, вместо этого была создана специальная структура «Союз Советских Социалистических Республик». В идеальном случае СССР не имел определённых границ, его пространство могло бесконечно расширяться вместе с распространением социалистического строя. Победа СССР во Второй мировой войне привела к тому, что евразийское пространство, долгое время являвшееся одним из «отраслевых филиалов» современной мировой системы, впервые самостоятельно предложило региональную теорию порядка с глобальным влиянием. При этом континентальный порядок впервые приобрёл потенциал стать мировым порядком. С 40-х гг. XX в., границы евразийского пространства получили самое крупномасштабное расширение в истории. Это, по мнению Фэн Шуая, заключалось не только в присоединении прибалтийских государств, но и в том, что страны Восточной Европы и некоторые азиатские страны стали следовать политической и экономической модели СССР. Более того, многие новые независимые государства в Азии и Африке, исходя из желания следовать примеру СССР, активно выбирали советский порядок, фактически становясь частью евразийского пространства. Однако с углублением Холодной войны стали проявляться внутренние противоречия в плановой экономической системе. По мере развёртывания новой технологической революции во второй половине XX в. экономика Советского Союза быстро отстала в конкурентной борьбе. Само существование единой формальной структуры пространства становилось всё более трудным. Когда центробежные силы, наконец, превысили возможности советской власти, евразийское пространство наконец развалилось.

Здесь любопытен тезис о том, что некоторое время (период великой дружбы 1950-х гг.) Китай был частью евразийского пространства точно так же, как он был частью Евразии в период монгольской колонизации. Как замечает Фэн Шуай, фактически, процесс распада евразийского пространства начался ещё в 1960-е гг. в связи с противоречиями между Китаем и СССР по вопросам развития социалистического лагеря, при этом после 1960-х гг. восточные внешние области евразийского пространства стали менее стабильными. Результаты конкуренции с морским порядком показали, что порядок в евразийском пространстве, основанный на модели СССР, имеет серьёзные внутренние проблемы. Выявилось, что он не только не в состоянии стать мировым порядком, но и не может обеспечить долгосрочную стабильность в евразийском пространстве. В этом Фэн Шуай видит второй кризис евразийского пространства, первым было крушение Российской империи. Последствия второго кризиса более

глубоки, поскольку после распада Советского Союза ядро евразийского пространства на протяжении веков находилось в едином политическом субъекте, впервые разделилось на несколько государств. На западной границе евразийского пространства после Холодной войны прибалтийские страны и страны Восточной Европы полностью пересмотрели свою региональную идентичность, чтобы интегрироваться в западноевропейское пространство, основанное на Европейском союзе. На восточной границе евразийского пространства, помимо смены идентичности Китая, Вьетнам и другие страны ЮВА скорректировали свои идентичности, став важными участниками быстро интегрирующегося азиатско-тихоокеанского пространства.

Фэн Шуай видит в пространственной трансформации одну из главных причин эскалации конфликтов. Из-за слишком быстрого темпа изменений в региональном пространстве возникли серьёзные противоречия на периферийных зонах пересечения двух пространств. Вооружённые конфликты в Грузии и на востоке Украины, с его точки зрения, фактически вызваны изменениями в пространственной структуре. Это, как считает китайский автор, является частью более общей глобальной тенденции: конкуренция между региональными порядками в мире становится более острой, и приобретение преимуществ в пространстве через конкуренцию порядков становится важным способом расширения политического влияния.

В то время как механизмы, обеспечивавшие частичное сохранение евразийского пространства после распада СССР, постепенно перестали работать, окно времени для реконструкции евразийского пространства становится всё более узким, полагает Фэн Шуай.

Пессимистично автор оценивает перспективу сохранения государств Центральной Азии в российской орбите. Процесс национального строительства в регионе делает дальнейшее существование евразийского пространства рискованным. Независимо от того, ускорится ли процесс внутренней интеграции, образуется ли внутренний региональный порядок или государства ЦА выберут другой путь внешнего развития, изменение региональной идентичности будет означать отделение стран Центральной Азии от евразийского пространства, то есть произойдёт потеря одной из ключевых частей Евразии. Фактически, по мнению Фэн Шуая, это региональное пространство лишится смысла.

На сегодняшний день второй кризис евразийского пространства продолжается, и Россия пока не нашла эффективного решения проблемы. Фэн Шуай также полагает, что, если в евразийском пространстве не будет обеспечен рациональный и эффективный порядок, поддерживающий его ядро, через несколько десятилетий мы можем столкнуться с новым системным пересмотром пространства на евразийском континенте. Уже сейчас, как отмечает автор, в условиях длительного отсутствия новой архитектуры Евразии, другие региональные пространства оказывают давление на евразийское пространство, и его периферийные области продолжают сокращаться.

Фактически у России, по мнению китайского исследователя, есть только два возможных сценария: (1) консервативный, который заключается в том, чтобы максимально замедлить скорость действия всех негативных факторов, усилив стабильность ядерных областей Евразийского пространства, чтобы дать время на поиск более разумного пространственного порядка и институтов; (2) реформаторский, который состоит в том, чтобы полностью пересмотреть взгляды на евразийское пространство, попытаться привлечь больше внешних порядков и элементов, стимулировать участие евразийского пространства в более широком процессе интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это переопределяет российскую идентичность и интересы в сложном процессе реконструкции пространства и потребует системных реформ.

Наиболее интересным является последний раздел статьи, посвящённый позиционированию Китая в отношении Евразии. Представляется, что широкий и основательный исторический экскурс был необходим автору именно для того, чтобы сделать вывод, а собственно, что значит евразийское пространство для Китая. Прежде всего, Фэн Шуай повторяет трактовку монгольского периода, в течение которого Китай (не добровольно, что подчёркивается специально) находился на восточном фланге евразийского пространства. Здесь важны два принципиальных момента, отмеченные автором: во-первых, положительная роль Китая в формировании и развитии торговой сети внутри евразийского пространства (что является явной отсылкой к современной инициативе «Пояса и пути»), и, во-вторых, в соответствии с тезисом официальной историографии о непрерывном существовании и устойчивости китайской цивилизации, Фэн Шуай пишет, что краткий период вхождения в евразийское пространство не изменил характеристики и траекторию развития самого Китая. Дальнейшее развитие Поднебесной связано уже с установлением стабильного порядка в Восточной Азии. Нашлись «добрые слова» и для последней маньчжурской династии Цин. В период Российской империи Китай, уже находящийся в составе китайской династии Цин, стал основной силой, препятствующей восточному расширению Евразийского пространства, пишет Фэн Шуай. Любопытно, что в качестве примера этой тенденции автор называет «возвращение Синьцзяна» на фоне «аннексии Россией в XIX в. среднеазиатских ханств». Ликвидация Якуббека и эффективный контроль над областью к востоку от Или не только «защитила суверенитет и территориальную целостность страны», но и определило «границы между евразийским пространством и восточноазиатским пространством, что имело глубокое влияние на будущую траекторию азиатской истории» (Feng 2019: 66).

Вхождение Китая в евразийское пространство во время периода китайско-советской дружбы автор не считает навязанным, отмечая, что континентальный порядок, представленный советской моделью, в тот момент считался быстрым способом превращения страны в современное государство. Между тем со временем взгляды на региональный порядок и политические интересы Москвы

и Пекина стали несовместимыми. В результате Китай перестал быть связанным рамками евразийского порядка и начал искать собственный путь развития. Автор считает, что этот политический выбор Пекина ухудшил положение континентального порядка в соревновании двух лагерей Холодной войны, что фактически ускорило процесс разложения евразийского пространства.

Большую часть истории Китай был важным внешним фактором в развитии евразийского пространства, его влияние иногда проявлялось в ограничении расширения евразийского пространства, а иногда — в формировании внутреннего порядка евразийского пространства. При этом ключевой чертой китайской политики стал прагматизм. Как отмечает Фэн Шуай, после вхождения в современную международную систему Китай постоянно искал наиболее подходящий порядок, который соответствовал бы его стремлению к модернизации и был бы выгоден для развития страны, занимая открытую и прагматичную позицию по отношению ко всем возможным региональным порядкам (Feng 2019: 68). Что касается современного периода, то, как и многие китайские авторы, Фэн Шуай считает, что Китай больше не является частью евразийского пространства, однако экономические, политические и культурные связи Китая со странами региона становятся более активными. Как полагают многие китайские эксперты, вовлечённость Китая в регион станет одним из важных факторов, влияющих на будущие изменения в Евразии. При этом значение региона для внешней политики КНР заключается в том, что это «ключевое пространство для геополитической конкуренции и геоэкономической игры в XXI в., это зона ожесточённой борьбы между основными международными силами, а также важный стержень стабильности мирового порядка» (He 2023: 102).

Поиск собственного взгляда на Евразию. Аналогично сменяющим друг друга императорским династиям, каждая из которой в начале правления писала исторические хроники предшественников, новый китайский взгляд на Евразию начинается с создания обновлённой «концептуальной хроники» региона и переоценке старых взглядов на пространство, в результате чего в идеале и должна быть задана идеологически правильная система координат, соответствующая интересам Китая в «новую эпоху». Процесс этот не завершён, однако, судя по активности дискуссий, вопрос о позиционировании Китая в Евразии, становится одним из ключевых в современной китайской науке о международных отношениях. Как подчёркивает Юань Цзянь, в новом контексте региональных исследований необходимо более явно представить субъектность и оригинальность Китая (Yuan 2023: 55). Жэнь Цзяньтао (2023), в свою очередь, призывает использовать «Китай как метод» для анализа глобальных трансформаций, при этом данная точка отсчёта не выглядит националистической, поскольку сам Китай — это часть меняющейся мировой системы. Из-за западоцентризма эта перспектива в своё время была упущена, теперь в эпоху «перемен, невиданных за

столетие» данный крен необходимо выправить, пытаться найти в меняющемся контексте «неизменное в изменчивом» во взаимодействии Китая с миром (Ren 2023: 97).

Состоящее из двух иероглифов китайское слово «Евразия» («Оу-Я») является калькой с европейских языков, при этом на первом месте (как и в оригинале) стоит Европа (иероглиф 欧 «Оу»), а на втором – Азия (иероглиф 亚 «Я»). Заметным явлением последнего времени стало то обстоятельство, что сначала в академических публикациях, а потом и в официальном политическом дискурсе появился «зеркальный» термин («Я-Оу»), в котором на первое место поставлена Азия. В результате получается не Евро-Азиатский континент, а Азиатско-Европейский.

Оба термина часто используются параллельно, но вызывает интерес, что термин с акцентом на первенство Азии начинает всё чаще встречаться в речах и статьях китайских руководителей. Например, 4 ноября 2014 г. на заседании Руководящей рабочей группы ЦК КПК по финансам и экономике Си Цзиньпин при обсуждении ОПОП говорил о Евро-Азиатском континенте⁵. Однако менее чем через пять лет, 26 апреля 2019 г., в выступлении на церемонии открытия II Форума международного сотрудничества в рамках «Пояса и пути» китайский лидер отметил: «От Азиатско-Европейского континента до Африки, Америки и Океании, совместное строительство “Пояса и пути” открыло новое пространство для роста мировой экономики, создало новую платформу для международной торговли и инвестиционной деятельности, расширило новую практическую деятельность по совершенствованию глобального экономического управления, внесло новый вклад в увеличение благосостояния народов различных стран»⁶.

Термин «Я-Оу» широко используется китайскими диппредставительствами, особенно в странах Евросоюза. Вероятно, это в какой-то степени отражает стремление Пекина, особенно в отношениях с ЕС, выступить с полностью самостоятельной, отличной от российской евразийской, повесткой, вне концептуальных рамок российской идеи «Большой Евразии». Ещё одним объяснением может быть желание придать больший вес Азии, которая вместе с Китаем является локомотивом мирового экономического роста. Такое объяснение можно услышать в академической среде. Как отмечает Вань Цинсун (2016), в настоящее время китайские учёные склонны использовать термин «Азия-Европа», чтобы подчеркнуть растущее положение азиатского региона среди цивилизаций мира. Возможно, в выборе зеркального термина содержится стремление избавиться-

⁵ Xi Jinping: Accelerate the construction of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. [习近平：加快推进丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路建设]. 2014. *Zhongguo gongchandang xinwenwang*. 07.11.2014 URL:<http://cpc.people.com.cn/n/2014/1107/c64094-25990858.html> (accessed 05.03.2024). (In Chinese).

⁶ Xi Jinping's Keynote Speech at the Opening Ceremony of the Second Belt and Road Forum for International Cooperation (Full Text) [习近平在第二届“一带一路”国际合作高峰论坛开幕式上的主旨演讲 (全文)]. 2019. *Xinhua*. 26.04.2019. URL:http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-04/26/c_11244201UR87.htm (accessed 05.03.2024). (In Chinese).

ся от «колониального» или «ориенталистского» привкуса в термине Евразия. В любом случае подобные терминологические новации должны внимательно отслеживаться, поскольку они отражают сложный процесс самоидентификации растущего Китая, формирования собственного взгляда на Евразию.

Заключение

Как правило, внимание исследователей сосредоточено непосредственно на феномене «подъёма» – будь то экономический, военный, либо рост возможностей китайской «мягкой силы» и т. д. Между тем у такого анализа, даже самого добросовестного, имеются и неизбежные слабости – вектор роста «китайской мощи» в сознании исследователей нередко отрывается от самоидентификации самого Китая, от того центра, откуда проецируется возросшая сила (а это существенно влияет на характеристики самой силы). И, помимо этого, происходит разрыв с пространством, в котором действует Китай.

Подобно трансферам глобальной власти минувших эпох, Китай «растёт» не только в рамках национальных границ, но этот рост, безусловно, не повторяет в деталях экспансию прежних претендентов на мировое лидерство, поскольку происходит в совершенно новых условиях международной среды, и ориентируется на иную исторически-цивилизационную основу, которая в решающей степени определяет китайский взгляд на мир. Китай не заимствует и сложившиеся у других мировых игроков пространственные концепты.

В Китае закладываются фундаментальные основы для трансформации его политики. И важной частью этого процесса является формирование самостоятельной системы взглядов на эволюцию миропорядка, собственных концептуальных подходов к глобальным и региональным проблемам. Это в полной мере относится и к евразийскому направлению китайской политической и академической мысли.

Действуя всё более активно на пространствах Евразии и реализуя многочисленные инфраструктурные проекты, Китай опровергает расхожее представление о наличии стратегических расчётов на десятилетия вперёд, проявляет неуверенность в объяснении своих планов и своего поведения – и для себя, и особенно для мира. Заметны неопределённость и туманность концепций, стремление избежать конкретных ответов, спрятавшись за чрезвычайно общие формулировки вроде «сообщества единой судьбы». Последний концепт, как и Поднебесная (*Тянься*), в традиционной китайской интерпретации включает всё, при том, что аналитически такую формулу препарировать практически невозможно.

Политика КНР в Евразии пока не получила целостного и подробного объяснения в официальных документах. Вопрос – считает ли себя Китай евроазиатской страной – далеко не праздный, но он, по крайней мере на официальном

уровне, чёткого ответа пока не получил. Такой ответ сложен и с цивилизационной точки зрения, да и в целом идентификация Китая как чего-то особенного, находящегося в центре, имеет глубокие исторические корни, и поведение Китая в современном мире продолжает определяться двойной идентичностью «национального государства» в чётко определённых границах на Евразийском континенте и «государства-цивилизации», которое границ не имеет.

Китай своим нынешним поведением опровергает и деление на морские и континентальные державы. За пределы этой консервативной рамки традиционной геополитики Китай выходит, с одной стороны, развивая масштабные континентальные проекты, с другой, – демонстрируя свои амбиции в Мировом океане. С этой точки зрения Китай мыслит себя как самостоятельный игрок, для которого необязательно прямо и открыто выражать своё отношение к такому «узкому» с точки зрения идеологии Поднебесной понятию «Евразия», корни которого кроются как раз в подходах и концепциях традиционной геополитики.

Как следует из нашего анализа, активное изучение особенностей формирования евразийского порядка и его потенциального влияния на международное положение Китая отражает стремление страны к переопределению своей роли и идентичности на глобальной арене. Процесс этот безусловно далёк от завершения, но может ускориться, поскольку Китаю приходится искать ответ на «невиданные за столетие перемены». Авторы настоящей статьи приходят к выводу, что текущие академические дебаты в Китае, характеризующиеся значительным разнообразием мнений, в перспективе могут послужить основой для разработки китайской концепции евразийского пространства.

Об авторах:

Игорь Евгеньевич Денисов – старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Иван Алексеевич Сафранчук – ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: i.safanchuk@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025-04-04.

UDC: 327(510+4/5):32(510):316.77
Received: March 10, 2024
Accepted: June 15, 2024

The Eurasian Space in Chinese Official and Academic Discourses

 I.E. Denisov, I.A. Safranchuk
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-73-99](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-73-99)

MGIMO University, Russia

Abstract: The «Belt and Road Initiative» (BRI), proposed by China, marked a new phase in its external openness and growing desire to influence regional and global processes. However, BRI should not be viewed solely as a Chinese blueprint for restructuring Eurasia. The broad interpretative and geographical scope set by Chinese authorities allows flexibility in adapting the initiative to specific regions and countries, which is strategic for modifying or withdrawing commitments as needed. This paper examines why BRI has not become the foundation for a Chinese concept of Eurasia despite its significant impact on regional geopolitics.

Our analysis begins with a critical examination of President Xi Jinping's speech at Nazarbayev University in 2013, identifying the nuanced usage of «Eurasia» that primarily refers to the post-Soviet space rather than the entire Eurasian continent. We delve into the subsequent official documents, noting the delay and ambiguity in defining the geographical and conceptual boundaries of BRI. The 2015 document, "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road," illustrates the initiative's extensive and vague geographical scope, indicating that China did not initially aim for a broad Eurasian strategy.

By employing Critical Discourse Analysis (CDA), we uncover how China's official rhetoric strategically frames BRI. The analysis reveals that Chinese discourse emphasizes bilateral rather than multilateral engagements within Eurasia, reflecting a «point-to-point» rather than a networked approach. This strategic ambiguity allows China to navigate its relationships with key regional players, notably Russia and the Central Asian states, without committing to a comprehensive Eurasian integration framework.

The findings highlight the cautious and adaptive nature of China's engagement with Eurasia. The shift from a regional to a global scope in BRI discourse underscores China's pragmatic approach in balancing its regional ambitions with global aspirations.

Keywords: China, Eurasia, PRC foreign policy, spatial concepts, Eurasian order, Eurasian space, academic discussions, "Belt and Road", post-Soviet space

About the authors:

Igor E. Denisov – Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Ivan A. Safranchuk – Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The research is funded by MGIMO University, Institute for International Studies Project № 2025-04-04.

References:

- Baik J. 2019. "One Belt One Road" and the Geopolitics of Empire. *InterAsia Cultural Studies*. 20(3). P. 358–376. DOI: 10.1080/14649373.2019.1649013
- Callahan W. 2016. China's Belt and Road Initiative and the New Eurasian Order. *Policy Brief. Norwegian Institute for International Affairs*. №22. 4 p.
- Deyermund R. 2009. Matrioshka hegemony? Multi-levelled Hegemonic Competition and Security in Post-Soviet Central Asia. *Review of International Studies*. 35(1). P. 151–173. DOI: 10.1017/S0260210509008365
- Harper T. 2019. China's Eurasia: The Belt and Road Initiative and the Creation of a New Eurasian Power. *The Chinese Journal of Global Governance*. 5(2). P. 99–121. DOI: 10.1163/23525207-12340039
- Fairclough N. 2013. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Routledge. 608 p. DOI: 10.4324/9781315834368
- Kuhn T.S. 1996. *The Structure of Scientific Revolutions*. 3rd ed. Chicago and London: The University of Chicago Press. 212 p.
- Levenson J. 1968. *Confucian China and its Modern Fate A TRILOGY. Volume one: The Problem of Intellectual Continuity*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 218 p.
- Mastro O. 2014. Why Chinese Assertiveness is Here to Stay. *The Washington Quarterly* 37(4). P. 151–170. DOI: 10.1080/0163660X.2014.1002161
- Miura K. 2023. Strongman Politics and China's Foreign Policy Actors: Maritime Assertiveness under Xi Jinping. *International Affairs*. 99(5). P. 2101–2118. DOI:10.1093/ia/iiaad178
- Novikov D., Bocharova A. 2024. Eurasia in Russian and Chinese Political Expertise: A Comparative Analysis. *Journal of Eurasian Studies*. 15(1). P. 55–69. DOI: 10.1177/18793665231163888
- Scobell A., Harold S. W. 2013. An "Assertive" China? Insights from Interviews. *Asian Security*. 9(2). P. 111–131. DOI: 10.1080/14799855.2013.795549
- Stevens F. 2014. What Happened to Deng's Maxim "Tao Guang Yang Hui"? *Atlantisch Perspectief*. 38(2). P. 24–28.
- Yang C. 2015. The Eurasian Moment in Global Politics: A Comparative Analysis of Great Power Strategies for Regional Integration. In Dutkiewicz P. and Sakwa R. (eds.). *Eurasian Integration – The View from Within*. P. 274–289. Abingdon and New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315738154
- Feng S. 2019. Eurasian Space in World History—Origins, Construction and Decay [世界历史中的欧亚空间—源起、建构与衰朽]. *Russian Studies*. 219(5). P. 28–72. (In Chinese).
- Gu W. 2023. Differentiated Competition and Cooperation between China, the US, Russia and the EU in Eurasia and Its Impact [中美俄欧在欧亚地区的差异化竞合及其影响]. *Academic Journal of Russian Studies*. 13(2). P. 37–59. (In Chinese).
- He Z. 2023. The Adjustment of EU's Regional View in the Context of the Ukraine Crisis and Its Impact on the Eurasian Order [乌克兰危机背景下欧盟区域观调整及对欧亚秩序的影响]. *Russian, Central Asian & East European Studies*. №2. P. 102–121, 157. DOI: 10.20018/j.cnki.ree-cas.2023.02.006 (In Chinese).

Hu J. 2022. Time and Space of the "Eurasian Phenomenon" ["欧亚现象"的时间与空间]. *Journal of Sichuan University (Philosophy and Social Science Edition)*. №4. P. 14–24. (In Chinese).

Luo Y., Xu X. 2022. Eurasia in the Post-Cold War Era: Interest Restructuring and Governance Challenges ["后冷战"时代欧亚大陆空间：利益重组与治理挑战]. *Area Studies and Global Development*. №6. P. 85–106, 157–158. (In Chinese).

Ren J. 2023. Change of Coordinates: A Compound Understanding of "Great Changes Unseen in a Century" [变动坐标：“百年未有之大变局”的复式理解]. *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*. 31(2). P. 97–111. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2023.02.007 (In Chinese).

Wan Q. 2016. The Eurasian Moment in Great Power Politics: The Evolution and Implications of "Eurasia" Perception from a Geopolitical Economic Perspective [大国政治的欧亚时刻——地缘政治经济视域下“欧亚”认知的演进及其寓意]. *Russian Studies*. 197(1). P. 3–52. (In Chinese).

Yang C. 2022. "Eurasia" Will Not Come to an End ["欧亚"不会走向终结]. *World Affairs*. №14. P. 13–15. (In Chinese).

Yuan J. 2023. "Thinking Space" and the Boundary Zone of Civilizations. A Humanistic – Frontier Perspective in Regional and Country Studies ["思考空间"与文明交界带——区域国别研究的人文—边疆视角]. *Thinking*. 49(2). P. 49–56. (In Chinese).

Zeng X. 2019. The Matrioshka Order in Eurasia: Regional Differentiation and Its Influences [欧亚秩序的套娃模式:地区分化及其影响]. *World Economics and Politics*. №5. P. 22–52, 156–157. (In Chinese).

Adamova D.L., Denisov I.E. 2022. Period strategicheskikh vozmozhnostei: opyt kitaiskogo forsaita i perspektivy vneshnei politiki Pekina ["Period of Strategic Opportunities": the Chinese Foresight Experience and Beijing's Foreign Policy Perspectives]. *Orientalistica*. 5(4). P. 839–856. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856 (In Russian).

Bordachev T.V., Pyatachkova A.S. 2018. Kontseptsiya Bol'shoi Evrazii v povorote Rossii na Vostok [The Concept of Greater Eurasia in the Turn of Russia to the East]. *International Organisations Research Journal*. 13(3). P. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02 (In Russian).

Busygina I. et al. 2020. Modeli regional'nogo liderstva v Evrazii: k novoi issledovatel'skoi povestke. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [Models of Regional Leadership in Eurasia: To the New Research Agenda]. *World Economy and International Relations*. 64(11). P. 114–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123 (In Russian).

Guan G., Dai V. 2018. "Evraziya" v osmyslenii kitaiskikh politikov i uchenykh ["Eurasia" in the Understanding of Chinese Politicians and Scholars]. *The Great Game: Politics, Business, and Security in Central Asia*. №3–4. P. 42–48. (In Russian).

Lukin A.V. 2020. Rossiya i Kitai v Bol'shoi Evrazii [Russia and China in Greater Eurasia]. *Polis. Political Studies*. №5. P. 46–59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04 (In Russian).

Makarov I.A., Sokolova A.K. 2016. Sopryazhenie evraziiskoi integratsii i Ekonomicheskogo poiasa Shelkovogo puti: vozmozhnosti dlya Rossii [Coordination of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia]. *International Organisations Research Journal*. 11(2). P. 40–57. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Адамова Д.Л., Денисов И.Е. 2022. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина. *Ориенталистика*. 5(4). С. 839–856. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856

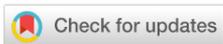
Бордачёв Т.В., Пятачкова А.С. 2018. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток. *Вестник международных организаций*. 13(3). С. 33–51. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-03-02

Бусыгина И. и др. 2020. Модели регионального лидерства в Евразии: к новой исследовательской повестке. *Мировая экономика и международные отношения*. 64(11). С. 114–123. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-11-114-123

Гуань Г., Дай В. 2018. «Евразия» в осмыслении китайских политиков и учёных. *Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии*. №3–4. С. 42–48.

Лукин А.В. 2020. Россия и Китай в Большой Евразии. *Полис. Политические исследования*. №5. С. 46–59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04

Макаров И.А., Соколова А.К. 2016. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шёлкового пути: возможности для России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 11(2). С. 40–57. DOI: 10.17323/1996-7845-2016-02-40

«Дипломатическая география» Си Цзиньпина: о чём говорит статистика зарубежных визитов китайского лидера

И.Ю. Зуенко, А.С. Осокин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье поставлена цель определить внешнеполитические приоритеты современного Китая посредством анализа зарубежных визитов председателя КНР Си Цзиньпина. Рассматривая динамику и содержание зарубежных визитов национального лидера, авторы делают выводы об эволюции векторов внешней политики государства. Особенно продуктивным этот подход представляется для Китая, где визит лидера страны – это действие, заслуживающее особого внимания в силу исторически сложившихся причин. Си Цзиньпин в течение первого десятилетия нахождения в должности главы КНР значительно изменил подходы к дипломатии национального лидера посредством зарубежных визитов. Если для первого срока (2013–2018 гг.) была в целом характерна та же модель «выездной активности», что и у его предшественников начиная с рубежа 1980–1990-х гг., то для второго срока (2018–2023 гг.), даже с поправкой на вынужденную паузу, вызванную пандемией коронавируса, характерно возвращение к более традиционной модели китайской дипломатии, которая исходит из чувства самодостаточности и предполагает сокращение числа зарубежных поездок. Данный вывод подкрепляется сравнением как двух сроков правления Си Цзиньпина, так и дипломатии национального лидера посредством зарубежных визитов при Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.). В связи с переизбранием Си Цзиньпина на третий срок как главы КНР, данное исследование позволяет установить текущие приоритеты внешней политики Китая. Авторы отмечают, что в 2018–2023 гг. лидер КНР стал чаще посещать страны Юго-Восточной Азии (особенно Индонезию и Вьетнам) в ущерб дипломатической активности на западноевропейском направлении; при этом Россия и США по-прежнему остаются главными странами для внешней политики КНР. В качестве данных для исследования были использованы материалы Министерства иностранных дел КНР, Администрации Президента Российской Федерации, а также данные исследовательских проектов China Vitae и China Power.

Ключевые слова: Китай, Россия, Си Цзиньпин, международные отношения, дипломатия национального лидера, зарубежный визит

УДК: 327(510)

Поступила в редакцию: 06.03.2024

Принята к публикации: 03.06.2024

Существуют различные подходы к выделению приоритетных направлений внешней политики того или иного государства. Одним из них является анализ внешнеполитической активности сквозь призму анализа контактов между руководством стран. Грубо говоря, с кем руководитель государства встречается чаще всего, то направление и является, с большой долей вероятности, важным для его страны (как минимум, в конкретный период времени).

О значимости данного критерия в глобальной академической дискуссии высказывались такие авторы, как Фолькер Нитш (Nitsch 2005), Мэтт Мэлис, Алестер Смит (Malis, Smith 2001), Лисбет Агестан, Эльза Хедлинг (Aggestam, Hedling 2020) и другие. В целом же, подъём интереса к влиянию личных визитов глав государств за рубеж в академической литературе можно датировать 1970–80 гг., что, на наш взгляд, во многом связано с влиянием, которое оказал на международные отношения визит президента США Р. Никсона в КНР в 1972 г. (Newmann 2022: 20–22).

Безусловно, при анализе этого фактора есть нюансы, которые исследователь должен учитывать, опасаясь далеко идущих, но вырванных из контекста выводов. Самыми очевидными видятся два: во-первых, частота встреч между лидерами государств и, соответственно, обоюдных визитов может быть определена общим членством в межгосударственных объединениях (тут уместен пример России и Беларуси, количество встреч между главами которых столь велико, что с трудом может быть посчитано досконально точно)¹; и напротив, страна может иметь краеугольное значение для другого государства, но наличие сложностей в отношениях препятствует совершению обоюдных визитов (например, Президент России В.В. Путин за период своего президентства посетил Украину 21 раз – по этому показателю она занимает третье место в «дипломатической географии» российского лидера, но последний рабочий визит в эту страну состоялся в июле 2013 г.², и после визиты туда уже не осуществлялись). Кроме того, в целом ряде государств (например, Германии) функции главы государства поделены между реальным лидером и номинальным главой³.

Однако не будет преувеличением утверждать, что анализ активности, связанной с зарубежными визитами (назовём её «дипломатическая география»), является одним из важных способов установить интерес к развитию контактов с той или иной страной. Этот подход может быть применён и к современному

¹ Достаточно отметить лишь тот факт, что президент Беларуси А.Г. Лукашенко в 2000–2020 гг. посещал Россию по различным поводам 106 раз. Хронология визитов Александра Лукашенко в Россию. ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/10758581> (дата обращения: 23.04.2024).

² 27–28 июля 2013 г. Владимир Путин посетил с рабочим визитом Киев для участия в мероприятиях, посвящённых празднованию 1025-летия Крещения Руси. Сайт президента России. <http://kremlin.ru/events/president/trips/18965>, дата обращения: 23.04.2024). Статистика визитов Президента России высчитана по материалам официального сайта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips> (дата обращения: 23.12.2023)

³ Аналогичная ситуация была и в КНР в 1959–1993 гг., когда политик, являющийся де-факто лидером Китая, не занимал номинальную должность главы государства (в 1959–1968 гг. Лю Шаоци в качестве председателя КНР, в 1975–1978 гг. Чжу Дэ и в 1978–1983 гг. Е Цзяньин в качестве председателей Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, в 1983–1988 гг. Ли Сяньнянь и в 1988–1993 гг. Ян Шанкунь в качестве председателей КНР).

Китаю, где зарубежным визитам национального лидера традиционно придают особое значение (Custer 2018: 23). Более того, анализ «дипломатической географии» Си Цзиньпина позволит получить дополнительные данные для анализа места России и стран постсоветского пространства в списке приоритетов китайского руководства, сравнить их с положением других стран мира. Учитывая важность отношений с Китаем для современной России, актуальность данной задачи очевидна.

Вопрос комплексного анализа представительской активности китайских руководителей до сих пор не ставился в отечественной науке, хотя существует ряд исследований, обращавшихся к предпосылкам и результатам отдельных зарубежных визитов китайского лидера (см., например, Олейников 2017; Асмолов 2020). Анализ зарубежной литературы показывает, что эксперты и учёные уже обращались к тематике, однако имеющиеся работы (Lin 2017; Yu 2022; Yu, Stone 2022; China Power Team 2021) охватывают более широкий хронологический и проблемный диапазон, не концентрируясь именно на роли Си Цзиньпина, возглавляющего Китай с 2012–2013 гг.⁴ Более того, учитывая, что в октябре 2022 г. Си Цзиньпин был переизбран на третий срок в качестве генсека ЦК КПК, а в марте 2023 г. – на третий срок в качестве председателя КНР, и после «паузы», связанной с пандемией коронавирусной инфекции нового типа (Covid-19) возобновил свою «выездную» деятельность, то уместным и своевременным представляется появление исследования, нацеленного на анализ именно «дипломатической географии» Си Цзиньпина. Эту нишу призвана заполнить наша статья.

Главной целью работы является установление приоритетов внешней политики Китая в период правления Си Цзиньпина (с 2013 г.) на основе анализа статистики государственных и официальных визитов китайского лидера. Для достижения этой цели нами поставлены следующие задачи: охарактеризовать традиции «дипломатической географии» в китайской политической культуре, обратившись к прецедентам и тенденциям в прошлом; проанализировать выездную активность предшественников Си Цзиньпина в 1990–2010-х гг.; предложить периодизацию активности Си Цзиньпина в 2013–2023 гг. и наложить её на хронологию основных событий во внешних связях КНР; произвести анализ государственных, официальных и рабочих визитов Си Цзиньпина по цели и стране посещения. На основании этого предполагается выделить – по степени приоритета в глазах КНР – несколько групп стран с особым упором на место в данном списке России и других постсоветских стран.

⁴ В октябре 2012 г. Си Цзиньпин был избран в качестве генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК), а в марте 2013 г. – в качестве председателя КНР. Таким образом, хотя реально он получил рычаги управления Китае ещё осенью 2012 г., формальным главой государства стал только полгода спустя. Учитывая этот момент, мы всё же считаем необходимым анализировать представительскую активность Си Цзиньпина в качестве главы КНР именно с марта 2013 г.

В качестве источниковой базы исследования использованы данные по государственным и официальным визитам, размещённые на сайте МИД КНР⁵, а также базах данных, собранных в рамках исследовательских проектов *China Vitae*⁶ и *China Power*⁷.

Следует дополнительно подчеркнуть, что данное исследование фокусируется только на представительской деятельности Си Цзиньпина, причём именно в качестве главы государства. Данные о его международной активности до занятия этого поста важны, и они также будут затронуты, но в количественном анализе они не учитываются. При этом визиты нами не делятся по степени важности или содержательного наполнения – исходя из поставленных задач, важен только сам факт визита. Встречи с главами иностранных государств, проведённые на территории Китая или в третьих странах на международных форумных площадках, в анализ включены не будут. Также вне фокуса нашего внимания остаётся представительская деятельность других видных китайских руководителей (премьеров Госсовета, министров иностранных дел, членов Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК). Все эти вопросы, лежащие вне поля зрения данного исследования, составляют проблемное поле будущей работы по анализу внешней политики КНР на современном этапе.

«Дипломатическая география» с китайской спецификой

В китайской политической традиции понятие зарубежных визитов главы государства отсутствовало, что объясняется несколькими факторами. Во-первых, в традиционной китаецентричной системе представлений о мировом устройстве китайский правитель (*Тяньцзы*, т. е. «Сын Неба», 天子) управлял не Китаем, а всей Поднебесной (*Тянься* 天下), то есть всем миром⁸. При таком раскладе он попросту не имел равных себе по рангу партнёров, поэтому не имел стимула выезжать за пределы своей державы для того, чтобы вести с кем-либо переговоры. Во-вторых, правители других государств, формально воспринимавшихся китайцами как данники и вассалы, сами с готовностью направляли посольства ко двору китайского императора (как правило, это было сопряжено с торговыми миссиями и было экономически выгодно), что в ещё большей степени укрепляло китайских правителей в убеждении о том, что не они должны быть инициаторами внешних сношений (подробнее – см.: Корсун 2022: 34–51).

⁵ Данные могут быть найдены в разделе «Важные новости». *Сайт МИД КНР*. URL: <https://www.mfa.gov.cn/zyxw/> (accessed 23.04.2024).

⁶ Могут быть найдены в разделе «Поездки Си Цзиньпина». *Chinavitae*. URL: https://www.chinavitae.com/biography/Xi_Jinping/travel (accessed 23.04.2024). Внимание: база данных не обновляется с сентября 2021 г.

⁷ *China Power*. URL: <https://chinapower.csis.org/data/chinese-high-level-diplomatic-activity-2014-2020/> (accessed 23.04.2024)

⁸ Монгольские, маньчжурские и другие завоеватели Китая, таким образом, захватывали положение не властителя Китая, а властителя всей Поднебесной и в этом качестве воспринимались китайским населением, что и предопределило лёгкость, с которой иноземные династии встраивались в череду китайских династических циклов.

Столкновение с передовыми в военном и технологическом плане европейскими державами в середине XIX в. вынудило Китай сменить парадигму отношений с иностранцами, но и после поражений в опиумных войнах императорский двор стремился сохранить лицо в глазах своих подданных и лавировать между традициями и требованиями времени. Так, созданное в 1861 г. ведомство *Цзунли ямэнь* («Общая канцелярия» 总理衙门), фактически выполнявшее функции МИД, отвечало за сношение только с европейскими державами, тогда как отношения с соседями, которые по-прежнему воспринимались в Пекине как данники, продолжали курировать Ведомство церемоний и *Лифаньюань* (理藩院) – ведомство по делам фань (藩), т. е. «приграничных варваров», вассалов. Первая постоянная дипломатическая миссия Китая открылась лишь в 1877 г. – в Лондоне. Однако вплоть до падения империи в 1911 г. китайские правители за рубеж не выезжали.

Изменение в поведении лидеров Китая связано с тем, что в XX в. уже они оказались в положении тех, кто искал поддержку за рубежом. Именно в таком контексте можно рассматривать визит в Москву осенью 1923 г. делегации, приехавшей от имени лидера южнокитайского правительства Сунь Ятсена⁹. Фактически возглавлявший эту делегацию 36-летний офицер Чан Кайши вскоре после этого визита резко пошёл вверх по карьерной лестнице (Юркевич 2012: 88) и в конечном итоге возглавил объединённый в результате гражданской войны Китай. Таким образом, к моменту прихода к власти он уже имел опыт зарубежных визитов, причём опыт – судя по его дальнейшей карьере – положительный, что и предопределило открытость к представительской деятельности за рубежом Чан Кайши – первого из китайских лидеров в этом контексте. С зарубежным визитом связано и одно из основных достижений Чан Кайши в качестве правителя Китая – участие в Каирской конференции 1943 г., по итогу которой Китай выступил в статусе равноправного союзника Великобритании и США¹⁰ и достиг договорённостей о возвращении себе всех территорий, ранее захваченных Японией путём агрессии.

Следующий лидер Китая – Мао Цзэдун – выезжал за рубеж только два раза, и оба – в СССР (в 1949–1950¹¹ и в 1957 г.). Вскоре после разрыва с КПСС китайский лидер отказался от идеи поездок за рубеж¹², а Пекин на высшем уровне представляли другие китайские руководители – прежде всего, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай, его заместитель Дэн Сяопин и т. д.

⁹ На тот момент Китай фактически был разделён на несколько региональных правительств, в то время как в официальные власти Китайской Республики контролировали лишь Пекин (столицу государства) и незначительные территории вблизи него.

¹⁰ Сразу после Каирской конференции были отменены дискриминационные законы относительно китайских мигрантов в США, а также были ликвидированы права территориальности западных держав в китайских городах.

¹¹ Длительность поездки (6 декабря 1949 – 17 февраля 1950 гг.) была предопределена тем, что Мао Цзэдун передвигался на поезде и, помимо Москвы, посетил ещё несколько советских городов.

¹² К тому же с 27 апреля 1959 г. Мао Цзэдун не являлся председателем КНР, то есть формальным главой государства, поэтому был свободен от соответствующих представительских обязанностей.

«Наследник» Мао Цзэдуна – Хуа Гофэн, занимавший высшие посты в партии и правительстве в 1976–81 гг.¹³, напротив, за рубеж ездил довольно активно, что, как и у его предшественников, было определено необходимостью получения зарубежной поддержки. В мае 1978 г. он посетил Пхеньян¹⁴, открыв новую эпоху в представительской активности китайских лидеров: с тех пор она стала регулярной, и наибольший период отказа от зарубежных поездок пришёлся только на пандемию коронавируса (январь 2020 – сентябрь 2022 гг.).

В период 1978–1993 гг. анализ динамики зарубежных визитов китайских лидеров затруднён тем обстоятельством, что у власти фактически находилось «коллективное руководство», а позиция главы государства (с 1983 г. это председатель КНР) носила номинальный характер. В 1993 г. во многом под впечатлением от «тяньаньмэньского кризиса» 1989 г. и распада социалистического лагеря¹⁵ был достигнут негласный внутриэлитный консенсус о корректировке заложенной Дэн Сяопином системы «коллективного руководства» – а именно было решено, что лидер партии (генеральный секретарь ЦК КПК) будет одновременно являться и главой государства (председателем КНР). В том году сессия ВСНП избрала новым председателем КНР Цзян Цзэминя¹⁶ – данный пост он занимал в течение десять лет. Следующие десять лет (2003–2013 гг.) председателем КНР являлся Ху Цзиньтао.

И Цзян, и Ху воплощали принципы «открытости» (开放), заложенные в 1980-е гг. Дэн Сяопином и его соратниками: оба уделяли большое внимание зарубежным визитам и совершали их чаще, чем кто-либо из предшественников. При этом они старались поддерживать баланс между основными зарубежными партнёрами: например, Цзян Цзэминь, хорошо владевший и русским, и английским языками, за период нахождения на посту председателя КНР пять раз посетил США (1993, 1995, 1997, 2000, 2002 гг.)¹⁷ и шесть раз Россию (1994, 1995, 1997, 1998, 2001, 2002 гг.)¹⁸. Эти страны стали лидерами списка «дипломатической географии» Цзян Цзэминя. По три визита Цзян осуществил в Японию, Малайзию и Казахстан, а всего Цзян осуществил 99 зарубежных визитов, посетив 72 страны (рекорд для китайских лидеров¹⁹).

Ху Цзиньтао за свои десять лет правления установил рекорд по числу поездок в США – семь (2005, 2006, 2008, 2009, 2010, 2011 гг. – дважды), что в значительной степени объяснялось активностью китайского лидера в работе международных

¹³ С декабря 1978 г. власть Хуа Гофэна была номинальной, так как усилилось влияние Дэн Сяопина.

¹⁴ Также в 1978 г. Хуа Гофэн посетил Румынию, Югославию и Иран. Chinese Leader Hua Agrees to Visit U.S. Next Year. *Washington Post*. 29.08.1979. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1979/08/29/chinese-leader-hua-agrees-to-visit-us-next-year/cc116980-a7a5-428a-ba8f-729c6be9fff6/> (accessed 23.04.2024)

¹⁵ Подробнее см. (Зуенко 2021; Зуенко 2023).

¹⁶ Генеральным секретарём ЦК КПК он являлся с 24 июня 1989 г.

¹⁷ Visits by Foreign Leaders of China. Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/departmenthistory/visits/china> (accessed 23.04.2024)

¹⁸ Хроника встреч глав государств Китайской Народной Республики и Российской Федерации. *China.org.cn* URL: <http://russian.china.org.cn/russian/52942.htm> (accessed 23.04.2024)

¹⁹ Вычислено по материалам официального сайта МИД КНР.

организаций, поскольку из этих семи визитов только один (2011 г.) являлся государственным²⁰. При этом в России он был ещё больше – десять раз (2003, 2005 – дважды, 2006, 2007 – дважды, 2009, 2010, 2011, 2012 гг.), причём визиты 2003, 2009 и 2011 гг. имели статус государственных²¹. Казахстан разделил с США второе место в списке «дипломатической географии» Ху Цзиньтао (по семь раз), а Франция и Южная Корея – третье место (по четыре раза). Всего же Ху Цзиньтао посетил 69 стран, осуществив 109 зарубежных визитов – он рекордсмен среди китайских лидеров именно по этому показателю (Таблица 1).

Таблица 1. Приоритеты «дипломатической географии» лидеров КНР в 1993–2013 гг.
Table 1. Priorities of “diplomatic geography” of Chinese leaders in 1993–2013

	1-е место	2-е место	3-е место
Цзян Цзэминь (1993–2003)	Россия (6 визитов)	США (5 визитов)	Казахстан, Япония, Малайзия (3 визита)
Ху Цзиньтао (2003–2013)	Россия (10 визитов)	США, Казахстан (7 визитов)	Франция, Южная Корея (4 визита)

Источник: Составлено по материалам официального сайта МИД КНР

Си Цзиньпин до своего прихода к власти воспринимался как руководитель того же склада, что и его предшественники. Он также является выпускником технического вуза, активно двигался по карьерной лестнице в период экономических реформ и, как считалось, был подвержен тем же идеям открытости внешнему миру. Хорошо известно, что в 1985 г. 31-летний Си Цзиньпин (на тот момент секретарь парткомитета уезда Чжэндин в провинции Хэбэй) осуществил ознакомительную поездку в США, посетив штаты Калифорния и Айова. Существует мнение, что Си Цзиньпин хорошо говорит по-английски, хотя, в отличие от Цзян Цзэминя, он не показывает свои навыки на публике. С избранием на должность заместителя председателя КНР в 2008 г. значительно возросла «выездная» активность Си Цзиньпина: свой первый зарубежный визит в новом качестве он осуществил 17 июня 2008 г., отправившись в Пхеньян. С тех пор и вплоть до избрания генсеком ЦК КПК в 2012 г. Си посетил страны (даются в порядке посещения): Монголия, Саудовская Аравия, Катар, Йемен, Фиджи, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Бразилия, Мальта, Бельгия, Германия, Болгария, Венгрия, Румыния, Япония, Южная Корея, Мьянма, Камбоджа, Россия²², Беларусь, Финляндия, Швеция, Лаос, Новая Зеландия, Австралия, Сингапур,

²⁰ Visits by Foreign Leaders of China. *Office of the Historian*. URL: <https://history.state.gov/departmenthistory/visits/china> (accessed 23.04.2024)

²¹ Вычислено по материалам официального сайта Президента России.

²² Первая поездка Си Цзиньпина в Россию состоялась в период с 20 по 24 марта 2010 г. и включала в себя посещение Владивостока, Санкт-Петербурга и Москвы, в т. ч. встречи с Президентом России Д.А. Медведевым и премьер-министром России В.В. Путиным. Примечательно, что в Россию Си Цзиньпин въехал наземным транспортом через погранпереход «Суйфэньхэ – Пограничный», желая посмотреть своими глазами, как выглядит российско-китайское трансграничное сотрудничество на практике (свидетельство А.В. Евтушенко, преподавателя кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского, тайского и кхмерского языков МГИМО МИД России, работавшей в качестве переводчика принимающей стороны в ходе визита Си Цзиньпина во Владивосток).

Южная Африка, Ангола, Ботсвана, Испания, Италия, Куба, Уругвай, Чили, Вьетнам, Таиланд, США, Ирландия, Турция²³ – итого 41 страна, то есть результат, вполне сравнимый с тем, который показывали его предшественники за пятилетний срок в качестве председателя КНР.

Обращают на себя внимание три обстоятельства. Во-первых, визиты Си Цзиньпина уже носили характер ознакомительных с прицелом на его избрание национальным лидером – об этом можно судить как по повестке программы, так и по статусу принимающих лиц (практически во всех странах он встречался с главами государств). Во-вторых, его активность значительно возросла в 2009–2012 гг., однако в период между избранием генеральным секретарём ЦК КПК и председателем КНР он уже никаких зарубежных поездок не предпринимал. В-третьих, за единичными исключениями Си Цзиньпин ездил за рубеж в формате турне по нескольким странам, стараясь сделать как можно больший географический охват и при этом никоим образом не обозначить свои дипломатические приоритеты.

Таким образом, к моменту избрания на пост главы государства можно было ожидать, что в целом Си Цзиньпин продолжит модель поведения, сложившуюся в годы проведения политики реформ и открытости и характеризующуюся довольно высокой выездной активностью.

При этом для традиционной китайской политической культуры было характерно скорее обратное представление о представительской активности. Китай обращался к практике поездок лидеров за рубеж в моменты, когда он остро нуждался в поддержке. По мере усиления государства количество таких поездок сокращалось, либо соответствующие функции передавались от национального лидера его соратникам. Представляется, что подобная позиция зиждилась на убеждении, что именно Китай должен быть центром притяжения дипломатической активности, в то время как слишком частые зарубежные визиты девальвируют значимость прибытия китайского лидера в глазах международных партнёров.

Периодизация выездной активности Си Цзиньпина в качестве председателя КНР

С точки зрения своей выездной активности Си Цзиньпин начал как типичный руководитель эпохи «реформ и открытости», но ближе к концу первого десятилетия нахождения у власти скорректировал свою активность в сторону более традиционной модели. Так, разница между первым (2013–2018 гг.) и вторым сроками (2018–2023 гг.) нахождения Си Цзиньпина в должности председателя КНР видна невооружённым глазом (Рисунок 1).

²³ По материалам сайта проекта China Vitae.

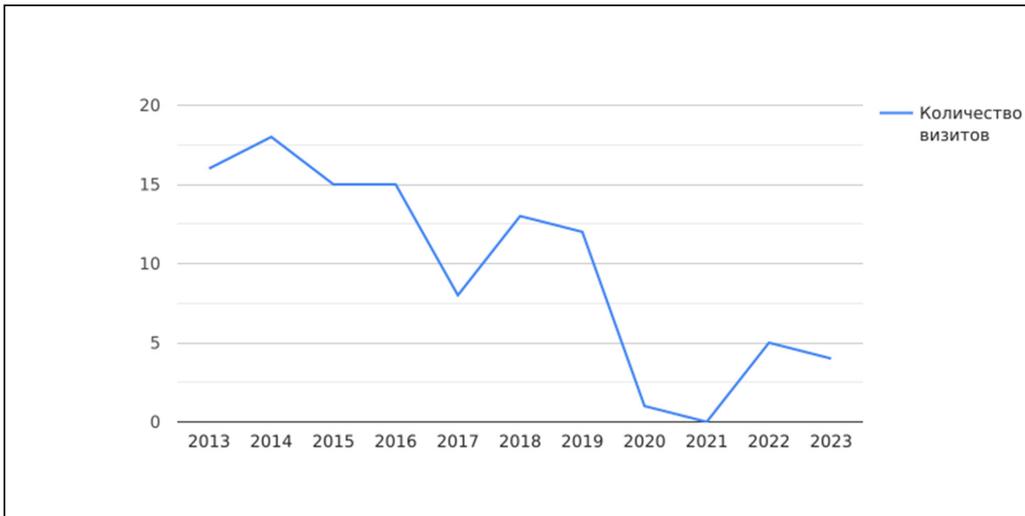

Рисунок 1. Выездная активность Си Цзиньпина, 2018–2023 гг.

Figure 1. Xi Jinping's travel activity, 2018–2023

Источник: высчитано по материалам официального сайта МИД КНР.

Видно, что старт второго срока (2018 г.) был ознаменован новым пиком активности (12 зарубежных визитов), но он уже значительно уступал пику, связанному с началом руководства КНР в 2013–2014 гг. (16 и 18 визитов соответственно). Падение в рамках первого срока, обусловленное подготовкой к съезду КПК (2017 г., 8 визитов), всё равно выше, чем количество визитов в год следующего партийного съезда (2022 г., 5 визитов).

Безусловно, среди причин, повлиявших на сокращение числа поездок в ходе второго срока, есть и объективные: пандемия Covid-19, жёсткие антиковидные меры в самом Китае и среди ряда его соседей, а также наступивший системный кризис в отношениях Китая и Запада. Однако и после пандемии резкого увеличения количества зарубежных визитов не произошло. Особенно это заметно по 2023 г., когда, несмотря на снятие всех антиковидных ограничений и восстановление поездок китайцев за рубеж, Си Цзиньпин осуществил всего четыре зарубежных визита, причём лишь два из них (в Россию и Вьетнам) имели характер государственных, тогда как ещё два (в США и ЮАР) были связаны с участием КНР в деятельности международных организаций (АТЭС и БРИКС соответственно).

Заметно и то, что сокращение числа зарубежных поездок совпало с переориентацией Си Цзиньпина на страны Азии: количество визитов в них выросло с 40,7 в первый срок до 53,1% во второй срок. В то же время, если условно исключить из числа европейских стран Россию, то результат будет ещё более выпуклым. Характерно, что с осени 2019 г. и вплоть до визита в Европу (Франция, Сербия, Венгрия) в марте 2024 г. уже по ходу своего третьего срока в качестве национального лидера Си Цзиньпин ни разу не был в Европе (кроме России).

В то время как, например, Президент России В.В. Путин за тот же период дважды посещал Европу – в 2020 г. Германию и в 2021 г. Швейцарию. (Подробнее об этой тенденции см. Рисунки 2 и 3).

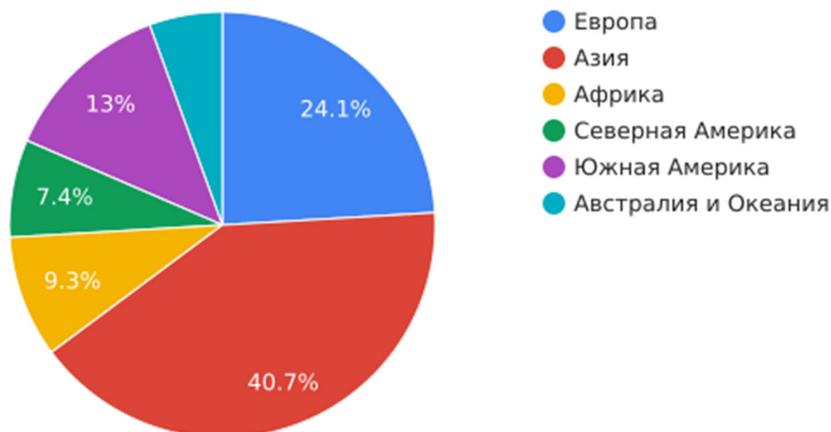

Рисунок 2. Количество визитов в ходе первого срока Си Цзиньпина на посту председателя КНР (2013–2018 гг.) по континентам

Figure 2. Number of visits during Xi Jinping's first term as President of the People's Republic of China (2013–2018) by continent

Источник: высчитано по материалам официального сайта МИД КНР

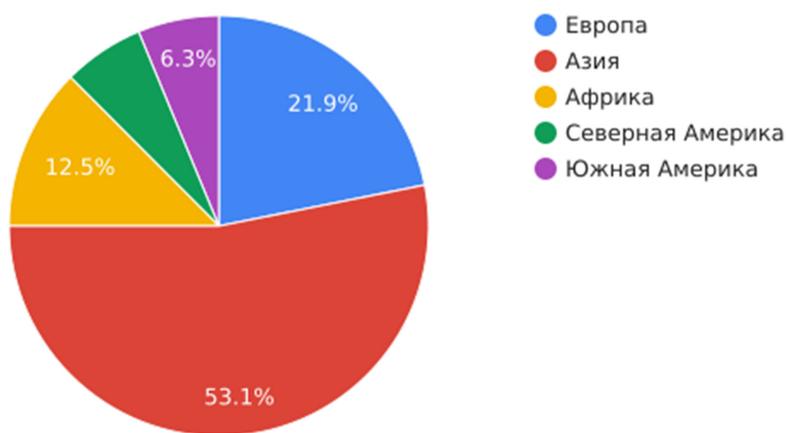

Рисунок 3. Количество визитов в ходе второго срока Си Цзиньпина на посту председателя КНР (2018–2023 гг.) по континентам

Figure 3. Number of visits during Xi Jinping's second term as President of the People's Republic of China (2018–2023) by continent

Источник: высчитано по материалам официального сайта МИД КНР

Как видно из представленных выше графиков, период между 2018 и 2020 гг. стал переломным в дипломатической активности лидера Китая. Начало системного противостояния с США и пандемия коронавируса сопровождалась

изменением внешнеполитической риторики Пекина. В речи Си Цзиньпина с 2017 г. часто звучит политический термин «невиданные за столетия изменения» (百年未有之大变局), появляется образ бури и шторма (大风大浪、直面风浪、惊涛骇浪²⁴), причём применительно именно к международной обстановке. Можно констатировать, что фактически закончился «период важных стратегических возможностей» (重要战略机遇期)²⁵, который был очерчен ещё на XVI съезде КПК в 2002 г. и должен был продолжаться около двадцати лет. Как минимум интерпретация этого периода была подвержена коренному пересмотру, и, как отмечают Д.Л. Адамова и И.Е. Денисов, «фундаментальная новизна оценок «стратегических возможностей» после прихода к власти Си Цзиньпина заключается не столько в количественных показателях активности, сколько в изменении самого взгляда на себя и на мир, в качественном сдвиге стратегического мышления» (Адамова 2022). Сейчас уже сам Китай становится самодостаточной страной со своими интересами и пониманием того, что он представляет для других стран больший интерес, чем сами эти страны для него. Китай всё больше обращается вовнутрь, а в качестве приоритетов развития на первый план выходит достаточно общее и при этом многогранное понятие «безопасности» (Адамова 2022: 846).

Если же рассматривать «дипломатическую географию» китайского лидера сквозь призму выделения приоритетов внешней политики, то, безусловно, одно направление выделяется особо – это Россия.

В 2013 и в 2023 гг. Россия становилась первой страной, куда Си Цзиньпин наносил государственный визит. Россия также лидирует по числу визитов вообще (на начало 2024 г. – девять раз). Если включать встречи на международных площадках, то количество встреч В.В. Путина и Си Цзиньпина достигло сорока трёх²⁶.

Подобное положение можно объяснить как важностью, которую Россия и Китай представляют друг для друга, так и личным моментом, связанным со схожестью взглядов двух лидеров на современный мировой порядок, их персональную дружбу, о которой часто говорят Путин и Си Цзиньпин (при этом отметим, что для Ху Цзиньтао Россия также была основным приоритетом – десять поездок).

Анализируя географию визитов Си Цзиньпина, также можно констатировать, что особое место во внешней политике КНР занимает Центральная Азия. За первое десятилетие нахождения у власти председатель КНР посетил все страны Центральной Азии, при этом в Казахстан было совершено четыре визита,

²⁴ Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. Посольство КНР в России. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zgxw/202210/t20221026_10792071.htm (дата обращения: 02.04.2024). См. также: Денисов 2022.

²⁵ В переводах на русский язык слово «важных» чаще всего опускается.

²⁶ См. также Зуенко И.Ю. Какое символическое значение имело посещение Путиным Харбина. *Профиль*. URL: <https://profile.ru/abroad/kakoe-simvolicheskoe-znachenie-imelo-poseshhenie-putinyim-harbina-1514585/> (дата обращения: 23.04.2024).

в Узбекистан три визита, в Киргизию и Таджикистан – по два визита. Казахстан в 2022 г. стал первой страной, которую посетил Си Цзиньпин после пандемии коронавируса²⁷. Также следует заметить, что именно в Астане в сентябре 2013 г. Си Цзиньпин озвучил инициативу «Экономического пояса Шёлкового пути», которая впоследствии стала стержневой частью инициативы «Пояса и пути».

Не умаляя значимости Центральной Азии для внешней политики КНР, следует всё же отметить, что частые визиты китайских лидеров в этот регион во многом обусловлены тем, что здесь регулярно проводятся саммиты Шанхайской организации сотрудничества, которые требуют участия первого лица государства. И в целом активность на центральноазиатском направлении не является какой-то персональной особенностью Си Цзиньпина – ту же самую статистику в течение своего десятилетия нахождения у власти показал и его предшественник Ху Цзиньтао (Таблица 2).

Таблица 2. Визиты в страны Центральной Азии китайских лидеров, 2003–2023 гг.
Table 2. Visits to Central Asian countries by Chinese leaders, 2003–2023.

	Ху Цзиньтао (2003–2013)	Си Цзиньпин (2013–2023)
Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан)	13	12

Источник: составлено авторами.

Кроме этого, особым регионом для КНР и Си Цзиньпина является Юго-Восточная Азия. Во-первых, в настоящий момент страны АСЕАН являются главным торговым партнером КНР, опережая даже США и Евросоюз. Во-вторых, между Китаем и странами ЮВА прослеживаются тесные исторические и культурные связи. В странах региона присутствует значительная китайская диаспора. В-третьих, необходимость противостояния США в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии также подталкивает Китай к еще большему углублению отношений со своими южными соседями.

За первое десятилетие своего нахождения у власти Си Цзиньпин смог побывать во всех странах АСЕАН, в том числе, например, в Мьянме, Камбодже и Брунее. Наибольшее значение уделялось Индонезии (три визита), что связано также с тем, что Индонезия в 2022 г. проводила саммит G20 и стала местом встречи китайского лидера с президентом США Байденом. Отметим также тот факт, что именно в Индонезии (в Джакарте) в октябре 2013 г. Си Цзиньпин представил общественности инициативу «Морского шёлкового пути XXI в.», который стал второй частью инициативы «Пояса и пути».

²⁷ При этом следует отметить, что Си Цзиньпин посетил Казахстан по пути следования в Самарканд (Узбекистан) на Саммит ШОС.

Также три визита было совершено и во Вьетнам – страну, которая имеет схожий с КНР партократический режим, а также является главным торговым партнёром Китая среди всех стран АСЕАН.

Сравнение со статистикой визитов в ЮВА предыдущего лидера чётко показывает возрастание значимости этого региона в глазах китайского руководства (Таблица 3).

Таблица 3. Визиты в страны Юго-Восточной Азии китайских лидеров, 2003–2023 гг.
Table 3. Visits to Southeast Asian countries by Chinese leaders, 2003–2023.

	Ху Цзиньтао	Си Цзиньпин
Юго-Восточная Азия (страны АСЕАН)	10	15

Источник: высчитано по материалам официального сайта МИД КНР.

Среди западных стран явным приоритетом «дипломатической географии» Си Цзиньпина являются США. Америка остаётся важнейшей страной для Китая не только в экономическом, но и в политическом плане. Несмотря на «войну тарифов», обострение «тайваньского вопроса» и попытки Вашингтона замедлить технологическое развитие Китая, обе стороны периодически делают шаги в сторону нормализации отношений²⁸, а в плане торговли продолжают оставаться друг для друга главными партнёрами среди отдельных стран. Отметим, что при Ху Цзиньтао также только Россия была страной, куда было совершено больше визитов, чем в США (Таблица 1).

Таким образом, продолжая ту же модель, что была нами использована в Таблице 1, список главных выездных приоритетов Си Цзиньпина за первое десятилетие его нахождения у власти была представлена в Таблице 4.

Таблица 4. Приоритеты «дипломатической географии» Си Цзиньпина в 2013–2023 гг.
Table 4. Priorities of Xi Jinping's "diplomatic geography" in 2013–2023

1-е место	2-е место	3-е место
Россия (9 визитов)	США (5 визитов)	Казахстан, Южная Африка (4 визита)

Источник: высчитано по материалам официального сайта МИД КНР.

Заключение

Как мы видим, за годы правления Си Цзиньпина в большей степени изменилась интенсивность выездной активности национального лидера, нежели её «географические приоритеты». Причём изменения в интенсивности чётко

²⁸ Последний пример – уже упомянутая выше встреча в Сан-Франциско в ноябре 2023 г. Подробнее см.: Встреча Си и Байдена: удалось ли свернуть с пути, ведущего в пропасть? *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vstrecha-si-i-bajdena/> (дата обращения: 02.04.2024).

фиксируются вторым сроком Си Цзиньпина, что связано как с объективными обстоятельствами (пандемия Covid-19) и усилившимся противостоянием с США и странами Запада, так и внутренними тенденциями к националистической по своей сути переоценке положения Китая на мировой арене.

Говоря о «дипломатической географии» Си Цзиньпина, следует также отметить, что незначительность изменений в ней была продиктована не только преемственностью внешнеполитических приоритетов с предыдущим периодом, но и тем объективным обстоятельством, что значительное число поездок в одни и те же страны обусловлено общим участием в одних и тех же международных организациях. До известной степени это объясняет наличие среди наиболее «горячих» направлений выездной активности китайского лидера России (ШОС, БРИКС, G20), США (АТЭС, G20), Южной Африки (БРИКС, Форум сотрудничества «Китай – Африка», G20²⁹), Казахстана (ШОС).

Как и многие другие страны мира, в плане «дипломатической географии» Китай предпочитает, прежде всего, развивать отношения со своими соседями – в этой связи Россия, Центральная Азия и Юго-Восточная Азия имеют особое значение. В то же самое время сокращение числа визитов в Южную Корею и Японию (только по одной поездке, тогда как у Ху Цзиньтао было четыре визита в Южную Корею и три визита в Японию) явственно свидетельствуют об охлаждении отношений Пекина и азиатских союзников Вашингтона.

Говоря же о регионе, который при Си Цзиньпине действительно обрёл особое значение, следует назвать Юго-Восточную Азию – прежде всего, это касается Индонезии и Вьетнама, которые ранее в числе наиболее посещаемых стран мира не значились.

Россия же на карте выездной активности китайских лидеров занимает главное место, и это уже можно назвать традиционным – так было и при Цзян Цзэмине, и при Ху Цзиньтао. Среди постсоветских стран значительное внимание уделяется только центральноазиатским странам (прежде всего, Казахстану). Среди всех остальных республик бывшего Советского Союза фиксируется только один единственный визит в Беларусь – 10–11 мая 2015 г. по пути следования через Астану в Москву. Заметим, что ранее Си посещал Беларусь и в статусе заместителя председателя КНР. Что касается Украины, Молдовы, стран Балтии и Южного Кавказа, то здесь Си Цзиньпин пока не бывал.

Об авторах:

Иван Юрьевич Зуенко – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Центра Китая, Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России. 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

²⁹ ЮАР является членом «Большой двадцатки», но ранее не проводила саммиты этой организации на своей территории.

Александр Сергеевич Осокин – магистрант Факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России, консультант МОО «Общества российско-китайской дружбы». 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д.76. E-mail: a.osokin@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Благодарности:

Работа подготовлена в рамках исследовательского проекта Института международных исследований МГИМО МИД России №2025–04–01–А «Трансформация внешней политики Китая при Си Цзиньпине: новые подходы и новые идеологемы».

UDC: 327(510)
Received: March 6, 2024
Accepted: June 3, 2024

Diplomatic Geography of Xi Jinping: What the Statistics of the Chinese Leader's Foreign Visits Reveal

 I.Y. Zuenko, A.S. Osokin
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-100-116](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-100-116)

MGIMO University

Abstract: This article seeks to delineate the foreign policy priorities of the People's Republic of China (PRC) by analyzing the international visits of Chinese President Xi Jinping. It posits that the evolution of a state's foreign policy can be traced through the foreign engagements of its leaders. This is particularly pertinent for China, where presidential visits are historically significant. The article offers an overview of China's traditional diplomacy and the foreign policy activities of Xi Jinping's predecessors. It concludes that Xi Jinping continues to undertake foreign visits in alignment with the «openness» policy, similar to his predecessors. Through a detailed analysis of the frequency and destinations of Xi Jinping's international visits over his two terms, the authors present a periodization of his foreign policy priorities. A comparative analysis is conducted on the visit frequencies of Xi Jinping and his predecessor, Hu Jintao, with adjustments for the impact of the COVID-19 pandemic. With Xi Jinping's re-election for a third term in 2023, this study provides insights into the nature and priorities of China's foreign policy for his current term and potential developments in the ongoing five-year political cycle. The findings indicate that from 2018 to 2023, Xi Jinping increased his visits to Southeast Asian countries, particularly Indonesia and Vietnam, while maintaining a consistent focus on Russia and the United States, akin to the approach under Jiang Zemin. The enduring partnership with Russia, spanning over two decades, corroborates the assertion that Sino-Russian relations are at their strongest in the history of bilateral ties. Data for this study were sourced from the Ministry of Foreign Affairs of China, the Administration of the President of the Russian Federation, and materials from the Chinavivae and China Power research projects.

Keywords: China, Russia, Xi Jinping, international relations, national leader diplomacy, foreign policy, international trip

About the authors:

Ivan Yu. Zuenko – PhD (Cand. of Sciences, History), Associate Professor of the Department of Oriental Studies, Senior Researcher at the Center for China, East Asia and the SCO at the Institute of International Studies, MGIMO University. Vernadsky Avenue, 76, Moscow, 119454. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru

Alexander S. Osokin – Master's Student at the Faculty of International Economic Relations, MGIMO University; consultant of the Interregional Public Organization of the Russian-Chinese Friendship Society. Vernadsky Avenue, 76, Moscow, 119454. E-mail: a.osokin@my.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The article was prepared within the project «Transformation of Chinese foreign policy in Xi Jinping era: new approaches and new ideologemes» supported by the grant from MGIMO University Institute of International Studies № 2025–04–01–A.

References:

Aggestam L., Hedling E. 2020. Leaderisation in Foreign Policy: Performing the Role of EU High Representative. *European Security*. 29(3). P. 301–319. DOI: 10.1080/09662839.2020.1798411

Lin F., Yan W., Wang X. 2017. The Impact of Africa–China's Diplomatic Visits on Bilateral Trade. *Scottish Journal of Political Economy*. 64(3). P. 310–326. DOI: 10.1111/sjpe.12128

Malis M., Smith A. 2021. State Visits and Leader Survival. *American Journal of Political Science*. 65(1). P. 241–256. DOI: 10.1111/ajps.12520

Newmann W.W. 2022. *Isolation and Engagement: Presidential Decision Making on China from Kennedy to Nixon*. University of Michigan Press. 488 p.

Yu W. 2022. Leader Visits and UN Security Council Membership. *International Studies Quarterly*. №66. DOI: 10.1093/isq/sqac064

Adamova D.L. Denisov I.E. 2022. Period strategicheskikh vozmozhnostei: opyt kitaiskogo forsaĭta i perspektivy vneshnei politiki Pekina [Strategic Opportunities Period: China's Foresight Experience and Beijing's Foreign Policy Prospects]. *Orientalistika*. № 4. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856 (In Russian)

Asmolov K.V. 2020. Nachalo novogo etapa kitaĭsko-severokoreĭskikh otnosheniĭ (2018–2020 gg.) [The Beginning of a New Stage in Sino-North Korean Relations (2018–2020)]. *Kitaĭ v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremennost'*. №25. P. 243–261. (In Russian)

Zuenko I.Yu. 2021. Kitaĭ i sobytiya 1991 g. v Sovetskom Soiuze (k 100-letiyu Kommunisticheskoi partii Kitaia i 30-letiyu raspada SSSR) [China and the Events of 1991 in the Soviet Union (to the 100th Anniversary of the Communist Party of China and the 30th Anniversary of the USSR Collapse)]. *Mezhdunarodnaya analitika*. 12(1). P. 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111 (In Russian)

Zuenko I.Yu. 2023. Sistemobrazuyushchii krizis: politicheskie posledstviya sobytiĭ na ploshchadi Tyan'an'men' v 1989 godu [System-Forming Crisis: Political Consequences of the Events on Tiananmen Square in 1989]. *Sravnitel'naya politika*. 13(1–2). P. 171–185. DOI: 10.24833/2221-3279-2022-1-2-13-171-185 (In Russian)

Korsun V.A. 2022. *Imperiya laviruyet, ili Kak Kitai vklyuchali v sem'yu natsii* [The Empire Maneuvers, or How China Was Included in the Family of Nations]. Moscow: MGIMO-Universitet Publ. House. 316 p. (In Russian)

Oleinikov I.V. Chugunova N.E. 2017. Franko-kitaiskoe partnĕrstvo: itogi gosudarstvennogo vizita predsedatelya KNR Si Tszin'pina vo Frantsiyu v 2014 g. [Franco-Chinese Partnership: Results of the State Visit of the President of the PRC Xi Jinping to France in 2014]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. №21. P. 49–55. (In Russian)

Yurkevich A.G. 2012. «Delegatsiya doktora Sun' Yatsena» v Moskve i shans generala Chan Kaishi [The “Delegation of Dr. Sun Yat-sen” in Moscow and General Chiang Kai-shek's Chance]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. №5. P. 87–101. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Адамова Д.Л., Денисов И.Е. 2022. Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина. *Ориенталистика*. №4. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-839-856

Асмолов К.В. 2020. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018–2020 гг.). *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. №25. С. 243–261.

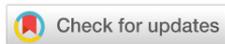
Зуенко И.Ю. 2021. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР). *Международная аналитика*. 12(1). С. 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111

Зуенко И.Ю. 2023. Системообразующий кризис: политические последствия событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. *Сравнительная политика*. 13(1–2). С. 171–185. DOI: 10.24833/2221-3279-2022-1-2-13-171-185

Корсун В.А. 2022. *Империя лавирует, или Как Китай включали в семью наций*. Москва: Издательство МГИМО-Университета. 316 с.

Олейников И.В., Чугунова. Н.Е. 2017. Франко-китайское партнĕрство: итоги государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина во Францию в 2014 г. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. №21. С. 49–55.

Юркевич А.Г. 2012. «Делегация доктора Сунь Ятсена» в Москве и шанс генерала Чан Кайши. *Проблемы Дальнего Востока*. №5. С. 87–101.

Биополитические стратегии противодействия пандемии COVID-19 в медиадискурсах России, Германии и Франции

Н.К. Радина¹, Ю.В. Балакина², К.В. Банников³

¹ ННГУ им. Н.И. Лобачевского

^{2,3} НИУ ВШЭ Нижний Новгород

Цель исследования заключается в сравнительном анализе представления событий пандемии COVID-19 в медиадискурсе России, Франции и Германии. Работа включала три этапа: сопоставление акторов биополитики, анализ идеологием биополитики, а также изучение сфер реализации биополитики. Теоретико-методологической основой данного исследования послужили теория биополитики М. Фуко, модель пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского, а также концепция (ин)секьюритизации Д. Биго. В качестве материала для исследования выступили тексты о пандемии COVID-19 четырёх «волн» (январь 2020 – март 2022), извлечённые по ключевым словам «пандемия», «сovid», «коронавирус» из архивов «Российской газеты», «Коммерсанта», «Новой газеты», Le Figaro, Le Monde, Le Parisien, Süddeutsche Zeitung, Die Zeit, Die Tageszeitung. Авторы ставят гипотезу о том, что ориентация на сохранение населения в условиях пандемии и неопределённости сближает стратегии действий различных государств, отражённые в медиадискурсе. Согласно второй гипотезе, пропагандистские ориентации различных медиа одной страны во время пандемии могут значительно различаться, а трансляция биополитических программ правительств в медиадискурсе негосударственных СМИ может быть представлена локально и фрагментарно. Авторы приходят к выводу, что в дискурсе изучаемых СМИ государственная власть (в лице её акторов) выступает в качестве ключевого субъекта биополитики, частный капитал остаётся в тени, а гражданское общество представлено только в немецком медиадискурсе в лице политических партий. Кроме того, все изучаемые СМИ в той или иной мере приняли участие в биополитической пропаганде вакцинации, которую проводили правительства России, Германии и Франции. В-третьих, в контексте инсекьюритизации общественной жизни основной фокус медиа касался преимущественно социальных отношений, экономики, здравоохранения и образования. В меньшей степени представлена проблематизация небезопасности в области биовласти или экзистенциальной сфере (как борьба жизни со смертью). В целом, сравнительный анализ СМИ трёх стран показывает, что медиадискурс, обладая рядом общих характеристик, имеет страновые и культурные особенности в медиаконструировании «картины мира пандемии».

УДК 32.019.5:316.77:614.4

Поступила в редакцию: 07.08.2023

Принята к публикации: 15.03.2024

Ключевые слова: биополитика, пропаганда, безопасность, массмедиа, инсекьюритизация, пандемия, Россия, Германия, Франция

«Рождение биополитики» – одна из ключевых книг известного французского философа М. Фуко, посвященная объяснению, каким образом осуществляется управление населением («человеческим капиталом») в контексте отношений власти (Фуко 2010). В то же время «рождение биополитики» (или существование биополитики) возможно определить по особым «знакам» не только на страницах философских трактатов. Так, пандемия COVID-19, вслед за глобализацией объединившая государства, как лакмусовый индикатор проявила биополитические интересы правительств: биополитика стала видимой для общества практической технологией власти. Примечательно, что биополитические программы правительств в разных странах оказались близкими, и в ключевых позициях (социальная изоляция, вакцинация и т. п.) фактически идентичными.

Теоретическое поле биополитики включает в себя различные направления и теории, объединяя три сферы (Радина 2017). В сфере биополитики как науки о биологических основах политического и социального (1) исследуются генетические причины политических предпочтений, генетическая предрасположенность доминирования, роль эмоций и невербального поведения в политическом выборе и т. п. Биополитика как особая властная практика (2), или приватизация властью человеческого капитала (по Фуко), претендует на управление не только отдельным человеком во всей его целостности (с хорошей генетикой, образованного, с сохранным психическим здоровьем и позитивно воспитанного), но и на управление населением, включая проблемы демографии, здравоохранения, образования, миграции и т. д. Третья сфера реализации биополитики – биополитика как пересечение современных биологических и политических проблем (3) – формируется на основе необходимости власти отвечать на вызовы со стороны современной науки, биомедицинских технологий, включая проблемы биологического оружия и биологического терроризма.

Выбор фукольдианской концептуализации биополитики продуктивен, если в фокусе исследовательского анализа оказываются действия государства (или государств) в условиях биологических угроз населению, какими, например, являются пандемии. Сравнивая «технологии власти», которые используют разные правительства для сохранения населения, возможно идентифицировать и охарактеризовать способ, благодаря которому воплощаются на практике «невидимые техники» управления обществом, представленные Фуко.

Удобной площадкой для анализа биополитических действий со стороны государства является пространство массмедийной коммуникации, в котором проявляется правительственная биовласть. Факт, что у власти – коммуникативный

код (Луман 2001), помогает через анализ массмедийных коммуникаций, например, во время такой биологической угрозы обществу как пандемия, реконструировать биополитическую концепцию правительства, отраженную в СМИ.

Цель данной статьи – представить сравнительный анализ, как медиа трёх стран – России, Франции и Германии – описывали события, происходящие во время пандемии COVID-19. В качестве основы для сопоставления были выбраны акторы биополитики (кто именно, с точки зрения медиа, осуществляет правительственную биополитику), идеологемы биополитики (насколько СМИ поддерживают биополитические программы правительства и участвуют в биополитической пропаганде), а также сферы реализации биополитики (какие сферы существования общества преимущественно захватывает биополитика, с точки зрения СМИ).

Методология и методы исследования

В качестве теоретико-методологических основ данного исследования используется теория биополитики М. Фуко, через призму которой определены ведущие субъекты биополитики – государственная власть и бизнес. В современных политологических исследованиях в качестве третьего субъекта биополитики обсуждается гражданское общество (активисты, НКО и т. д.) (Christiaens 2021; Sotiris 2020 и др.), не попавшее в зону проблематизации биовласти М. Фуко. Однако данное исследование концентрируется на государственных акторах, воплощающих субъектность главного «суверена»: именно правительственные фигуры трёх стран, которые СМИ принимали за ключевых акторов биополитики, будут проанализированы в сравнительном контексте.

Следующая теория, которая в совокупности с биополитикой М. Фуко формирует замысел данного исследования, – модель пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского (Herman, Chomsky 1988), согласно которой все без исключения медиа являются трансляторами пропаганды, поскольку предлагают определённые мировоззренческие установки в публичном поле с использованием различных инструментов убеждения для достижения эффекта принятия содержания пропагандистской идеи. Э. Херман и Н. Хомский разъясняют, что создание продукта массмедиа (как пропагандистского продукта) осуществляется при помощи специальных фильтров – производных от экономических и политических факторов. В данном исследовании предполагается выяснить, на каком этапе развития пандемии COVID-19 изучаемые СМИ примкнули к биополитической пропаганде своих правительств в отношении вакцинации.

Третья теория, которая также используется в тесной связке с биополитикой М. Фуко, – концепция (ин)секьюритизации Д. Биго (Парижская школа исследований безопасности), где инсекьюритизация понимается как способность управлять небезопасностью (Гайдаев 2022). Анализ медийного дискурса позволяет выявить те отражённые в медийном дискурсе сферы жизни общества,

которые наиболее часто обсуждаются в контексте пандемии и безопасности, включены в медийном дискурсе в наиболее контролируемые зоны социального регулирования.

Материалами исследования выступили тексты о пандемии COVID-19 четырёх «волн» (первая волна: январь 2020 – июнь 2020; вторая волна: июль 2020 – февраль 2021; третья волна: март 2021 – октябрь 2021; четвёртая волна – ноябрь 2021 – март 2022), извлечённые по ключевым словам «пандемия», «covid», «коронавирус» из архивов СМИ, а именно:

- СМИ России: «Российская газета»¹ (19471 текст, 7.97 млн слов); «Коммерсантъ» (1482 текста, 1.07 млн слов), «Новая газета» (705 текстов, 0.9 млн слов);
- СМИ Франции: Le Figaro (29584 текста, 10.84 млн слов); Le Monde (22446 текстов, 13.04 млн слов); Le Parisien (6402 текста, 10.42 млн слов);
- СМИ Германии: Süddeutsche zeitung (38887 текстов, 14.50 млн слов), Die Zeit (10078 текстов, 7.40 млн слов), Die Tageszeitung (5550 текстов, 1.48 млн слов).

Среди российских СМИ «Российская газета» является государственной (остальные – негосударственные), среди немецких и французских массмедиа все являются негосударственными. Выбор СМИ был обусловлен интеграцией разных точек зрения, поэтому в исследовательские материалы были включены российское государственное СМИ (наряду с негосударственными), а подбор СМИ Германии и Франции также объединил медиа, представляющие разные социально-политические позиции. Кроме того, «Российская газета» и «Коммерсантъ» входят в топ-5 самых читаемых газет в России², Le Figaro и Le Monde – топ-5 французских газет³, а Die Zeit и Süddeutsche Zeitung – в немецкий топ-5⁴.

Тексты о пандемии данных медиа на основе ключевых слов («пандемия», «covid») при помощи программного обеспечения BootCat, TreeTagger, AntConc и методов компьютерной лингвистики (лемматизация, анализ частотности) были идентифицированы, извлечены из архивов и обработаны. Для сравнительного анализа использовалась мера относительной частотности лексем (коэффициент ipm: instances per million words), показывающая, насколько

¹ 5 сентября 2022 г. Басманный суд Москвы на основании иска Роскомнадзора аннулировал у «Новой газеты» лицензию СМИ в России. Басманный суд лишил лицензии «Новую газету». РБК. 05 сентября 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/09/2022/6315b3df9a79472ca8c00281>. (дата обращения: 24.04.2024). Эмпирика исследования включает материалы СМИ до лишения лицензии.

² Топ-10 СМИ. Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/> (дата обращения: 12.04.2024)

³ Ranking of national daily newspapers in paid outreach in France in 2022, by daily circulation volume. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/784974/paid-circulation-volume-national-dailies-by-publication-france/> (accessed 12.04.2024)

⁴ Top newspapers in Germany. 2019 Newspaper Web Ranking. 4 International Medias Newspapers. URL: <https://www.4imn.com/de/> (accessed 12.04.2024)

частотным в тексте является то или иное словоупотребление на миллион слов⁵ (Michel, Shen, Aiden et al. 2011). Ранее в исследованиях было доказано, что при помощи компьютерной лексикографии возможно изучать феномены культуры на материале оцифрованных текстов (Ladle et al. 2016; Michel, Shen, Aiden et al. 2011; Бонч-Осмоловская 2018 и др.).

В качестве основной исследовательской гипотезы выступило предположение, что ориентация на сохранение населения в условиях пандемии и неопределённости сближает стратегии действий различных государств, отражённые в медиадискурсе. Также мы предположили, что пропагандистские ориентации различных медиа одной страны во время пандемии могут значительно различаться, а трансляция биополитических программ правительств в медиадискурсе негосударственных СМИ может быть представлена локально и фрагментарно.

Описание результатов: акторы биополитики в медиадискурсе пандемии COVID-19 в России, Германии и Франции

В данном исследовании используется понимание биополитики, согласно М. Фуко, как технологии власти в управлении человеческим капиталом. В этом контексте субъектами биополитики выступают государственная власть и/или частный капитал (например, фармкомпании), однако в современных исследованиях высказывается предположение, что гражданское общество также может быть субъектом биополитики (Харкевич, Касаткин 2011; Christiaens 2021; Sotiris 2020). Акторы биополитики (например, представители государственной власти, бизнеса, религиозные группы), реализуя интересы основных субъектов (государства, бизнеса и гражданского общества), воплощают в жизнь конкретные интенции биополитики.

Исследуемые российские СМИ представляют различные общественные сферы. «Российская газета» – официальный печатный орган Правительства Российской Федерации, владелец «Коммерсантъ» (издательский дом «Коммерсантъ») – российский предприниматель, миллиардер Алишер Усманов, «Новой газетой»^{*} владеет и управляет коллектив издания (контрольный пакет издания принадлежит коллективу).

Все материалы исследуемых медиа, опубликованные во время пандемии COVID-19 и так или иначе касающиеся пандемии, активно используют в своих текстах обращения к персонам, репрезентирующим власть, лидерство, доминирование:

⁵ Чтобы убедиться, что лексема является действительно частотной для данного текста, необходимо сравнить показатели *ipm* лексемы в тексте со значениями *ipm* в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (Ляшевская, Шаров 2009). В данном исследовании использовались значения, превышающие *ipm* в НКРЯ.

^{*} Признана иноагентом.

- в «Российской газете», например – «глава» (ipm 1094), «министр» (ipm 565), «руководитель» (ipm 395) и др. в первую волну; «Минздрав» (ipm 339), «губернатор» (ipm 276), «мэр» (ipm 215), «министерство» (ipm 285), «Роспотребнадзор» (ipm 243) и др. во вторую волну; «Мишустин» (ipm 128), «Собянин» (ipm 126) и др. в третью волну; «премьер» (ipm 295) – в четвертую волну;
- в «Коммерсанте», например – «глава» (ipm 1026), «директор» (ipm 774), «министр» (ipm 465) и др. в первую волну; «губернатор» (ipm 624), «мэр» (ipm 347), «министр» (ipm 284), «Минздрав» (ipm 278) и др. во вторую волну; «Минздрав» (ipm 470) и др. в третью волну; «директор» (ipm 737) – в четвертую волну;
- в «Новой газете», например, «глава» (ipm 572), «депутат» (ipm 382) и др. во вторую волну; «губернатор» (ipm 550), «чиновник» (ipm 381) – в третью волну.

Медиа не являются субъектами биополитики, однако используются как инструменты публичной коммуникации и влияния теми, кто представляет биовласть (и является субъектом). Ожидаемо, что и «Российская газета», и «Коммерсантъ», представляющие «классических субъектов биополитики» (государство и частный капитал), тщательно и детально прорабатывают поле акторов, репрезентирующих власть в медиадискурсе. В то же время в негосударственной «Новой газете» поле медийного нарратива размечается иначе (иначе репрезентируется власть), что сказывается на частотности упоминаний представителей «машины власти» – от «директора» до «президента». В качестве общих и наиболее частотных акторов в медийном дискурсе биополитики для изучаемых СМИ были идентифицированы лексемы «государство», «власть», «правительство», «президент», «Путин»:

- в «Российской газете», например, (согласно «волнам пандемии») – «государство» (ipm 615 / ipm 604 / ipm 648/-), «власть» (ipm 1026 / ipm 774/ ipm 712 / ipm 530), «правительство» (ipm 902 / ipm 855 / ipm 848 / ipm 391), «президент» (ipm 823 / ipm 885 / ipm 848 / ipm 392), «Путин» (-/ipm 407/ ipm 443 / ipm 372);
- в «Коммерсанте», например, (согласно «волнам пандемии») – «государство» (ipm 778 / ipm 655/ ipm 603/ ipm 350), «власть» (ipm 1222/ ipm 1000/ ipm 1013/ ipm 1019), «правительство» (ipm 922/ ipm 932/ ipm 530/ ipm 694), «президент» (1830/ ipm 1411/ ipm 1213/ ipm 794), «Путин» (ipm 735/ ipm 450/ ipm 460/ ipm 400);
- в «Новой газете», например, (согласно «волнам пандемии») – «государство» (ipm 561/ ipm 559/ ipm 494), «власть» (ipm 1046/ ipm 1287/ ipm 969/ ipm 1057), «правительство» (ipm 346/ ipm 513), «президент» (ipm 682/ ipm 821/ ipm 400/ ipm 1385), «Путин» (ipm 2242).

В медийном дискурсе российских СМИ акторы, представляющие «частный капитал» (бизнес как возможный субъект биополитики) оказались не столь популярны, как акторы, представляющие государственную власть. В ситуации пандемии

СМИ искали поддержки и информации у представителей государственной власти, разъясняли позицию правительства в условиях нового биологического кризиса. При этом стратегии включения акторов государственной власти как субъекта биополитики в разных СМИ оказались различны (см. рисунок 1).

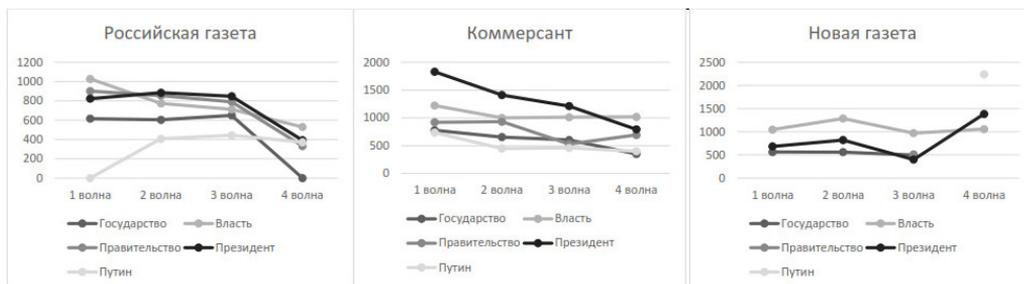

Рисунок 1. Акторы биополитики в российском медиадискурсе

Figure 1. Actors of biopolitics in Russian media discourse

Источник: составлено авторами.

Так, в «Российской газете» первоначальный запрос на истории с участием акторов биополитики от правительства от первой к четвёртой волне пандемии ослабел, частотность использования лексем о государственной власти снизилась, однако возросла потребность в персонификации ведущего актора – президента (лексема «Путин» со второй волны практически не снизила своих значений). «Коммерсантъ» на протяжении всех волн пандемии примерно равнозначно обращался к правительственным фигурам для создания иерархии ответственных лиц в медийном дискурсе пандемии за исключением роли «президента»: к четвёртой волне персонификация президента («Путин») в ситуации борьбы с пандемией сохраняется, но в целом частотность лексемы снижается. «Новая газета» напротив конструировала медийный дискурс вокруг общих дискуссий о государственной власти («государство», «власть», «правительство»), а к четвёртой волне активизировала роль президента в дискурсе пандемии. Необходимо отметить, что «Новая газета» в принципе формирует несколько иной словарь для описания акторов, реализующих субъектность государства в практике биовласти: если для «Коммерсанта» и «Российской газеты» список акторов в большей степени репрезентирует «машину управления» (от «директора» до «Рособрнадзора»), то в «Новой газете» чаще используется обобщенное понимание («власть») и расставление необходимых акцентов («чиновник», «депутат» – указание на разные ветви власти).

Немецкие СМИ, участвующие в исследовании, принадлежат частному капиталу, а также общественным группам: Süddeutsche Zeitung – часть холдинга Southwest German Media Holding GmbH; Zeit – часть крупного издательского дома «Zeit-Verlag Gerd Bucerius GmbH & Co. KG» (семья Хольцбринков); Tageszeitung – кооператив, управляемый самими сотрудниками.

В исследуемых немецких СМИ в дискурсе всех изданий в качестве лексем, представляющих биополитический субъект «государство», встречаются: Regierung «правительство», Staat «государство», Behörde «власть», Bundesregierung «федеральное правительство», Landesregierung «правительство земли», Landratsamt «районная администрация», Gesundheitsamt «департамент здравоохранения (земельный)», Gesundheitsministerium «Министерство здравоохранения», Bundestag «федеральный парламент», Polizei «полиция»; а также должности: Ministerpräsident «глава земельного правительства» (все три издания), Bürgermeister «мэр» («Süddeutsche Zeitung»), Gesundheitsminister «министр здравоохранения» («Tageszeitung»). Более подробно это выглядит следующим образом.

- Süddeutsche Zeitung (согласно «волнам пандемии») – Regierung (ipm 910/ ipm 589/ ipm 1434/ ipm 1041); Staat (ipm 644/ ipm 410/ ipm 789/ ipm 788); Behörde (ipm 489/ ipm 410/ ipm 935/ ipm 1106); Gesundheitsamt (ipm 276/ ipm 445/ ipm 850/ ipm 1399); Ministerpräsident (ipm 578/ ipm 637/ ipm 841/ ipm 1012); Polizei (ipm 953/853/1408/2878);
- Zeit (согласно «волнам пандемии») – Regierung (ipm 3098/ ipm 2500/ ipm 2731); Staat (ipm 2595/ ipm 1708/ ipm 1963); Behörde (ipm 1640/ ipm 1535/ ipm 1842); Gesundheitsamt (ipm 1967/ ipm 1480/ ipm 2022); Ministerpräsident (ipm 1981/ ipm 989/ ipm 371); Polizei (ipm 1428/1046/1654);
- Tageszeitung (согласно «волнам пандемии») – Regierung (ipm 5042/ ipm 2283); Staat (ipm 2299/ ipm 1427); Behörde (ipm 580/ ipm 1128); Gesundheitsamt (ipm 240/ ipm 898); Ministerpräsident (ipm 288/ ipm 797); Polizei «полиция» (ipm 1699/1898).

Бизнес как биополитический субъект представлен точно только в издании Süddeutsche Zeitung: Geschäftsführer «коммерческий директор» (ipm 318) – в первую волну и Biontech (немецкая биотехнологическая компания) (ipm 399) – во вторую волну.

В немецких изданиях развернуто представлены акторы третьего субъекта биополитики – гражданского общества, главным образом, в лице политических партий. Немецкие СМИ, включая в дискурс инициативы политиков, обязательно указывают на их принадлежность к определенной партии, артикулируя связку «гражданское общество – партия – политик». Политики, выражая определенное мнение, представляют не себя лично, а партию, за которой стоят избиратели (гражданское общество). В целом, это отражает специфику немецкой политики, которая не персонализирована, как, скажем, во Франции (Захарова 2020), а где любое политическое действие, в первую очередь, связано с партией, а потом уже с политиком.

В дискурсе упоминаются следующие политические партии.

- Süddeutsche Zeitung: CDU «Христианско-демократический союз» (ipm 639/831/1045/1072), CSU «Христианско-социальный союз» (ipm

431/506/1419/978) на протяжении всех волн; SPD «Социал-демократическая партия» (ipm 2022) в третью волну и FDP «Свободная демократическая партия» (ipm 861) в четвёртую волну;

- Zeit: CDU «Христианско-демократический союз» (ipm 2285/1958/2037) и SPD «Социал-демократическая партия» (ipm 1542/1651/2037) на протяжении всех волн; FDP «Свободная демократическая партия» (ipm 912/1653) в третью и четвёртую волну;
- Tageszeitung: CDU «Христианско-демократический союз» (ipm 1186/1073) – в третью и четвёртую волну; SPD «Социал-демократическая партия» (ipm 1995) и FDP «Свободная демократическая партия» (ipm 824) – в четвёртую волну.

В целом стратегии описания биоласти, представленные разными акторами, в негосударственных немецких СМИ оказались различны (см. рисунок 2).

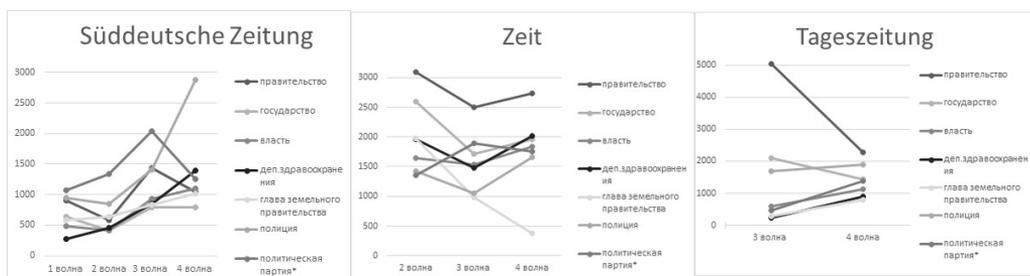

Рисунок 2. Акторы биополитики в немецком медиадискурсе

Figure 2. Actors of biopolitics in German media discourse

Источник: составлено авторами.

Необходимо отметить представленность в дискурсе всех изданий государственной власти федерального и земельного уровней и отметить различные стратегии их включения. В *Süddeutsche Zeitung* на протяжении первых трёх волн доминируют представители гражданского общества, в то же время растёт количество обращений к земельным властям, особенно к земельному департаменту здравоохранения (*Gesundheitsamt*), что означает усиление контроля «на местах», а также наблюдается рост включённости исполнительной власти в лице полиции. Это представляется логичным ввиду того, что газета в первую очередь нацелена на южные земли Германии. В дискурсе издания *Zeit* о субъектах био-политики доминирует государство в общем федеративном понимании («правительство», «государство», «департамент здравоохранения»), в то время как количество обращений к властям земли к концу пандемии заметно снижается. Политические партии упоминаются на протяжении всего рассматриваемого периода. В дискурсе издания *Tageszeitung* можно выделить две тенденции. Первая – явное преобладание общих дискуссий о влиянии государственной власти на пандемию («правительство», «государство») вначале и последующий спад

наряду с ростом обращений к земельным властям («департамент здравоохранения (земельный)», «глава земельного правительства»). Политические партии в этом издании представлены меньше всего по сравнению с *Süddeutsche Zeitung* и *Zeit*. Одновременно с этим отметим, что в дискурсе всех трёх изданий фигурируют канцлер (Ангела Меркель, а затем Олаф Шольц) и министр здравоохранения (Йенс Шпан, а затем Карл Лаутербах). Интересно отметить, что Маркус Зёдер – председатель Христианско-социального союза и премьер Баварии – включён в дискурс только *Süddeutsche Zeitung* так же, как и партия (CSU), которую он возглавляет (Söder ipm 421/423/907/-).

Таким образом, в дискурсе немецких негосударственных СМИ доминирует государство как субъект биополитики в лице как федеральной, так и земельной власти (общие понятия и конкретные должности), обосновывается необходимость внедрения мер контроля на уровне страны в целом и на местах, а также обеспечения соблюдения мер и контроля за режимами (посредством полиции). В качестве акторов биополитики предстают политические партии, представляющие гражданское общество. Частный капитал в медийном дискурсе о пандемии немецких СМИ занимает незначительное место.

Все три изучаемые французские СМИ имеют национальный охват, принадлежат частным лицам, но получают финансирование и от правительства Франции⁶. *Le Figaro* – консервативное ежедневное французское издание, принадлежит семье Дассо, транслирует мнения, созвучные официальным позициям французского правительства. *Le Parisien* – либеральная ежедневная газета, принадлежит группе LVMH (владелец Бернар Арно) с 2015 г. *Le Monde* – центристская газета с уклоном в либерализм, принадлежит группе «Монд», контролируемой Ксавье Ньелем, Матье Пигассом, Даньеелем Кретински, Мэдисоном Коксом с 2019 г.⁷

Наиболее частотными акторами биополитики выступили следующие лексемы:

- в *Le Figaro* – gouvernement / правительство (ipm 2029 / ipm 3769 / ipm 3930 / ipm 2265); autorité / власть (ipm 1437 / ipm 2188 / ipm 2207 / ipm 1235); président / президент (ipm 2002 / ipm 3679 / ipm 3098 / ipm 1616); Macron / “Макрон” (ipm 416 / ipm 762 / ipm 968 / ipm 463);
- в *Le Monde* – président / президент (ipm 4428 / ipm 6491 / ipm 3768 / ipm 1469); gouvernement / правительство (ipm 4280; ipm 5066; ipm 3588; ipm 1619); pouvoir / власть (ipm 1596 / ipm 1935 / ipm 1434 / ipm 3774); autorité / власть (ipm 2207 / ipm 2295 / ipm 1810 / ipm 663);

⁶ Aides à la presse : classement des titres de presse aidés. *data.gouv.fr* URL: <https://www.data.gouv.fr/fr/datasets/aides-a-la-presse-classement-des-titres-de-presse-aides/> (accessed 15.05.2024)

⁷ Médias français, qui possède quoi. *Le Monde diplomatique*. Available at: <https://www.monde-diplomatique.fr/cartes/PPA> (accessed 15.05.2024)

- в Le Parisien – président / президент (ipm 3321 / ipm 3799 / ipm 2598 / ipm 885); gouvernement / правительство (ipm 3035 / ipm 4257 / ipm 3708 / ipm 1836); autorité / власть (ipm 2048 / ipm 3021 / ipm 2414 / ipm 1072); Macron / Макрон (ipm 1264 / ipm 1198 / ipm 1189 / ipm 349).

Бизнес как актор во французских СМИ частично представлен через лексему «groupe», которая может в том числе означать группу компаний, а также через лексемы, обозначающие руководителей этих компаний, например, редко встречающееся pdg (président directeur général / генеральный директор), а также через общие со сферой политики directeur (директор) и chef (глава). Бизнес как актор биополитики, представляющий частный капитал, в медийном дискурсе уходит на второй план. Среди видимых акторов – представители государственной власти (рисунок 3).

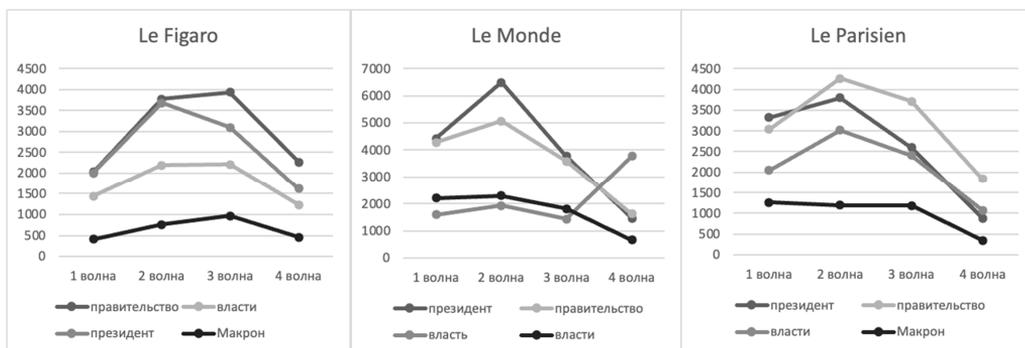

Рисунок 3. Акторы биополитики во французском медиадискурсе.

Figure 3. Actors of biopolitics in French media discourse.

Источник: составлено авторами.

Так, в издании Le Monde прослеживается резкий рост обращения к актору président / президент во время второй волны, когда упоминания местных властей, выражаемые в языке через autorité, стабильно снижаются, в то время как количество упоминаний более абстрактного понятие pouvoir / власть растёт к четвёртой волне. В издании Le Figaro активизируются обращения к акторам власти во время второй и третьей волн пандемии, хотя лексема président, гипероним для руководителей комитетов, подразделений и президентов стран мира, встречается реже уже в период третьей волны, уступая конкретному антропониму «Macron». В Le Parisien словоформа «Macron» употребляется одинаково часто во время первых трёх волн, но к четвёртой волне наблюдается значительный спад. Прослеживается рост в период второй волны у остальных акторов власти. В четвёртую волну Le Parisien меньше других изданий освещает акторов политики, что указывает на смену повестки, пандемия начинает рассматриваться как факт прошлого.

Описание результатов: идеологемы биополитики в медиадискурсе пандемии COVID-19 в России, Германии и Франции

Согласно модели пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского, в данном исследовании под пропагандой понимается редакционная позиция СМИ, обусловленная экономическими и политическими факторами. Характеристиками медийной пропаганды являются коммуникация в публичном пространстве при трансляции мировоззренческих установок коммуникатора (субъекта пропаганды) с использованием приёмов убеждения для достижения эффекта пропаганды (принятия транслируемых установок читателями медиа) (Радина 2023).

Во время пандемии COVID-19 необходимость сохранения населения (реализация задач государственной биополитики) требовала через вакцинацию сформировать коллективный иммунитет к новой инфекции. Вакцинирование населения достигалось разными способами, включая активную пропаганду вакцинации в СМИ. Включение в государственную пропаганду в данном исследовании представлено посредством анализа ключевой биополитической идеологемы пандемии – «вакцинация».

Согласно исследованиям, в начале 2020 г. СМИ вслед за обществом искали ответ на вопрос об особенностях новой пандемии COVID-19 и эпидемиологических угрозах (Радина 2021). Артикулированная ставка на вакцину от коронавируса сформировалась во время второй волны пандемии (июль 2020 – февраль 2021), когда вакцина была ещё не готова и проходила необходимые проверки. Во время третьей волны пандемии именно вакцинация (и создание коллективного иммунитета) была предложена населению правительствами разных стран как единственный управляемый выход из кризиса. Недоверие к вакцине в обществе, и, как следствие, отказ от вакцинации были встречены различными действиями (ответными мерами, запретами и т. п.) со стороны правительств, однако в первую очередь сопровождалась активной пропагандой вакцинации. К этой пропаганде со стороны государственных массмедиа присоединились и негосударственные СМИ.

В данном исследовании «вакцинация» изучалась как контекстуальная идеологема медиадискурса, следовательно, имело значение её активное употребление в журналистских текстах (Lylo 2017). Это означает, что для каждой части текстовых баз изучаемых СМИ (тексты каждого СМИ, разделённые на волны) были вычислены частотности (показатели *ipm*) для лексем «вакцина» и «вакцинация».

Проанализируем стратегии включения массмедиа в правительственные пропагандистские кампании по продвижению вакцинации в условиях пандемии (см. рисунок 4).

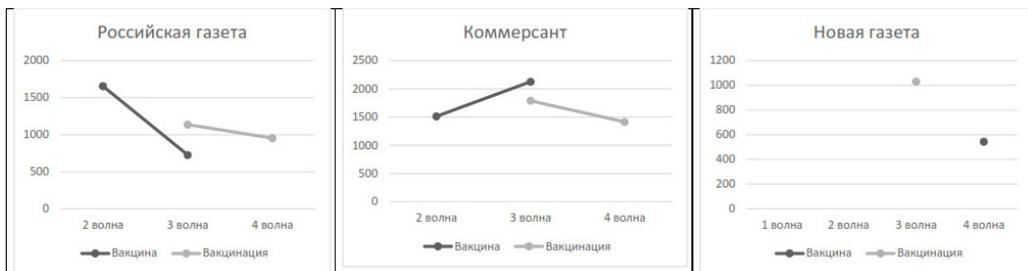

Рисунок 4. Идеологемы биополитики в российском медиадискурсе.

Figure 4. Ideologemes of biopolitics in Russian media discourse.

Источник: составлено авторами

Дискуссии о вакцинации начинаются в СМИ во вторую волну пандемии: сначала обсуждается создание вакцины. Третья волна в медиатекстах посвящена обсуждению спасительной вакцинации с некоторым снижением частотности к четвёртой волне. Примечательно, что негосударственный «Коммерсант» не уступает государственной «Российской газете» в продвижении биополитической пропаганды вакцинации (особенно это явно при обсуждении «вакцины» (вторая волна – ipm 1513; третья волна – ipm 2127)). «Новая газета» точно присоединяется к государственной биополитической пропаганде, во время третьей волны публикуя тексты о необходимости вакцинации, а во время четвёртой волны обсуждая различного рода проблемы с вакциной. Высокий интерес «Коммерсанта» к вакцинации (и государственной биополитической пропаганде) может быть связан с разделённой биополитической субъектностью государства и бизнеса, поскольку, например, фармкомпании заинтересованы в «контроле» над здоровьем населения – потребителей своей продукции.

Немецкие СМИ включились в биополитическую пропаганду вакцинации с разной степенью активности (см. рисунок 5).

Рисунок 5. Идеологемы биополитики в немецком медиадискурсе.

Figure 5. Ideologemes of biopolitics in German media discourse.

Источник: составлено авторами.

Так, Die Zeit отражает проблему вакцинации точно – на этапе третьей волны пандемии (Impfung/вакцинация, ipm 850; Impfstoff/вакцина, ipm 728), когда значительные усилия государства были брошены на вакцинирование

населения и пропаганду вакцинации. Die Tageszeitung уделяет биополитической пропаганде, связанной с вакцинацией, внимание во время третьей волны (Impfung/вакцинация, ipm 1707; Impfstoff/вакцина, ipm 1647) и во время четвертой волны (Impfpflicht/обязательная вакцинация, ipm 1262, Impfung/вакцинация, ipm 986). Только в текстах Süddeutsche Zeitung тема вакцины и вакцинации встречается с начала и до конца пандемии (первая волна: Impfung/вакцинация, ipm 15; Impfstoff/вакцина, ipm 92; вторая волна: Impfung/вакцинация, ipm 779, Impfstoff/вакцина, ipm 896; третья волна: Impfung/вакцинация, ipm 751, Impfstoff/вакцина, ipm 328; четвертая волна: Impfung/вакцинация, ipm 536; Impfstoff/вакцина, ipm 248). Süddeutsche Zeitung в ФРГ, как и «Коммерсантъ» в РФ, представляющие национальный бизнес, оказались наиболее последовательными в вопросах биополитической пропаганды. В то же время представляющее интересы крупного бизнеса издание Die Zeit активно включилось в биополитическую пропаганду лишь в разгар вакцинации – на этапе третьей волны пандемии. Die Tageszeitung, принадлежащая, как и «Новая газета», коллективу сотрудников, подключилось к пропаганде вакцинации на этапе третьей волны и поддержало биополитическую пропаганду реактивно (в острой фазе вакцинации) и последовательно, удерживая тему вакцинации также и на этапе четвертой волны.

Массмедиа Франции повторили основные стратегии в реализации государственной биополитики, описанные ранее (см. рисунок 6).

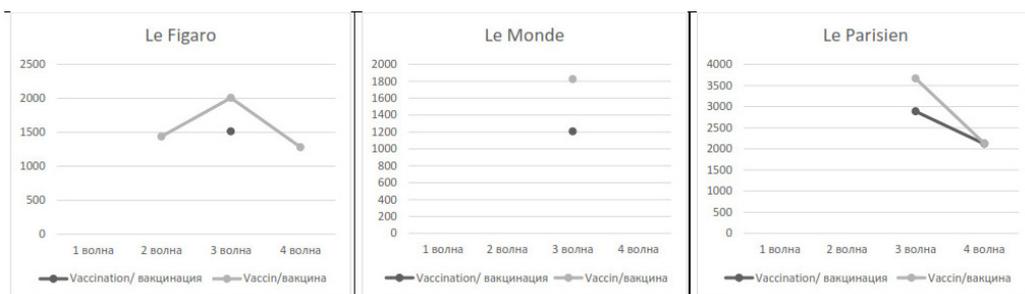

Рисунок 6. Идеологемы биополитики во французском медиадискурсе.

Figure 6. Ideologemes of biopolitics in French media discourse.

Источник: составлено авторами.

Стратегии участия в государственной биополитической пропаганде вакцинации у Le Figaro и Le Parisien различны в деталях по содержанию, однако обе характеризуются активным присоединением к пропаганде необходимости вакцинации населения и создания коллективного иммунитета. В то же время Le Monde только в наиболее активный период пропаганды – во время третьей волны пандемии – публикует тексты о вакцине и вакцинации (vaccin/вакцина, ipm 1826; vaccination/вакцинация, ipm 1207).

Таким образом, в основном массмедиа трёх стран подключились к агитации за вакцинацию населения во время второй волны пандемии, отличилась только *Süddeutsche Zeitung*, что может быть связано с низким уровнем вакцинации населения на юге Германии в начале пандемии (Захарова 2024).

Описание результатов: секьюритизация общественной жизни в медиадискурсе пандемии COVID-19 в России, Германии и Франции

Во время пандемии COVID-19 на страницах СМИ обсуждались проблемы, наиболее тревожащие граждан в условиях биологических угроз и неопределённости. Массмедиа по-разному расставляли акценты, время от времени замалчивая актуальные аспекты из-за редакционной политики или недостатка информации. По мере того, как правительства формулировали программы действий во время пандемии, были обозначены и «зоны опасности», которые грозили населению заражением, «работали» на пандемию. Главной стратегией выхода из пандемии в разных странах была объявлена вакцинация и создание коллективного иммунитета, однако маркирование «опасных областей» от страны к стране имело специфику. В то же время редакционное решение об участии (или неучастии) в государственной биополитической пропаганде вакцинации не отменяло трансляцию СМИ собственного понимания опасной реальности пандемии.

«Опасный мир пандемии» массмедиа в данном исследовании анализируется с опорой на концепцию (ин)секьюритизации представителя Парижской школы исследований безопасности Д. Биго (Гайдаев 2022). Д. Биго предлагает изучать действия «профессионалов безопасности» (то есть полиции, таможенных органов, органов госбезопасности, спецслужб и т. д.), которые определяют угрозы и формулируют меры, приводящие к безопасности (способны управлять «небезопасностью» посредством специальных практик – «мер»). Изменения в социальной и экономической жизни большинства стран и обществ во время пандемии COVID-19 есть результат работы этих «профессионалов безопасности», которые сначала идентифицировали «зоны опасности» (например, обозначили уязвимые социальные группы, а также опасные, с точки зрения заражения вирусом, пространства и т. п.) и далее сформулировали перечень мер, предназначенных для населения и обязательных для исполнения. В то же время СМИ, отражая или «конструируя» реальность, могут транслировать собственную версию «опасного мира пандемии», специфику которого возможно охарактеризовать в ситуации сравнения различных медиа.

Кроме идей Д. Биго, в данном исследовании используется понятие «домены небезопасности» (Й. Хёйсманс), на основе которого будут идентифицироваться области отношений и интересов, проявляющих опасности пандемии COVID-19 в медиадискурсе (Гайдаев 2022).

Анализ медийного дискурса небезопасности также построен на основе компьютерной лексикографии и статистики текста (на основе коэффициента *ipm*: instances per million words). Из анализа текстов статей исключили журналистские клише, а также лексемы, представляющие акторов биовласти (поскольку они были проанализированы выше) и лексемы-идеологемы (всё, что связано непосредственно с упоминанием вируса и с вакцинацией). Таким образом, в анализе медиадискурса небезопасности участвовали 15–30 лексем (в зависимости от частотности в медиадискурсе), типичных для каждой волны изучаемых медиа, сгруппированных в «домены небезопасности».

В процессе анализа были идентифицированы девять тематических групп, которые условно называются «домены небезопасности» пандемии:

1. домен контроля социальных отношений (ДКСО: «мера», «режим», «карантин», «маска», «онлайн», «ограничение», «изоляция», «порядок», «тестирование», «контроль», «сертификат» и т. п.);
2. домен экспертов биовласти (ДЭБ: «эксперт», «специалист», «воз», «исследование» и т.п.);
3. домен экономики и производства (ДЭП: «экономика», «предприятие», «бизнес», «рынок», «организация», «производство» и т. п.);
4. домен медицины и здравоохранения (ДМЗ: «пациент», «врач», «больница», «здравоохранение», «медик» и т. п.);
5. домен образования (ДО: «школа», «университет» и т. п.);
6. домен культуры (ДК: «культура», «театр», «турист» и т. п.);
7. домен частной сферы (ДЧС: «семья»);
8. домен биовласти (ДБ: «безопасность», «здоровье», «население», «система», «кризис», «граница» и т. п.);
9. домен экзистенциального сопротивления (ДЭС: «борьба», «поддержка», «жизнь», «смерть», «помощь» и т. п.).

Медиадискурс небезопасности российских СМИ представлен следующими темами (Таблицы 1–3).

Таблица №1. Домены небезопасности в медиадискурсе «Российской газеты».
Table 1. Domains of insecurity in the media discourse of “Rossiyskaya Gazeta”.

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
ДКСО: мера (<i>ipm</i> 1764), режим (<i>ipm</i> 1209), карантин (<i>ipm</i> 1171), маска (<i>ipm</i> 799), самоизоляция (<i>ipm</i> 711) и др. ДЭБ: эксперт (<i>ipm</i> 567), специалист (<i>ipm</i> 539), воз (<i>ipm</i> 500) и др. ДЭП: экономика (<i>ipm</i> 683), предприятие (<i>ipm</i> 641), бизнес (<i>ipm</i> 632), производство (<i>ipm</i> 459) и др.	ДКСО: мера (<i>ipm</i> 1107), маска (<i>ipm</i> 522), тест (<i>ipm</i> 444), онлайн (<i>ipm</i> 623) и др. ДЭБ: исследование (<i>ipm</i> 726), эксперт (<i>ipm</i> 610), специалист (<i>ipm</i> 557) и др. ДЭП: компания (<i>ipm</i> 1131), рынок (<i>ipm</i> 927), экономика (<i>ipm</i> 734), производство (<i>ipm</i> 709) и др. ДМЗ: пациент (<i>ipm</i> 1106), врач (<i>ipm</i> 990), здравоохранение (<i>ipm</i> 698) и др.	ДКСО: мера (<i>ipm</i> 1007), конец (<i>ipm</i> 456), режим (<i>ipm</i> 444), маска (<i>ipm</i> 333), карантин (<i>ipm</i> 325), сертификат (<i>ipm</i> 309) и др. ДЭБ: исследование (<i>ipm</i> 640), специалист (<i>ipm</i> 562) и др. ДЭП: компания (<i>ipm</i> 1109), рынок (<i>ipm</i> 878), бизнес (<i>ipm</i> 691), производство (<i>ipm</i> 590), предприятие (<i>ipm</i> 501) и др.	ДКСО: тест (<i>ipm</i> 429), меры (<i>ipm</i> 425), онлайн (<i>ipm</i> 307) и др. ДЭБ: исследования (<i>ipm</i> 318), воз (<i>ipm</i> 264), эксперты (<i>ipm</i> 268), специалисты (<i>ipm</i> 255), эксперт (<i>ipm</i> 200) и др. ДЭП: сотрудник (<i>ipm</i> 441), экономика (<i>ipm</i> 307) и др. ДМЗ: врач (<i>ipm</i> 1128), пациент (<i>ipm</i> 1040), здравоохранения (<i>ipm</i> 796) и др.

<p>ДМЗ: пациент (ipm 1455), врач (ipm 1236), больница (ipm 1193), здравоохранение (ipm 988) и др. ДО: школа (ipm 403) и др. ДЧС: семья (ipm 429) и др. ДБ: безопасность (ipm 504), здоровье (ipm 488), население (ipm 479), граница (ipm 395) и др. ДЭС: борьба (ipm 799) и др.</p>	<p>ДО: школа (ipm 660) и др. ДЧС: семья (ipm 419) и др. ДК: театр (ipm 425) и др. ДБ: население (ipm 540), безопасность (ipm 489) и др. ДЭС: поддержка (ipm 680) и др.</p>	<p>ДМЗ: врач (ipm 981), здравоохранение (ipm 751), лечение (ipm 694) и др. ДО: школа (ipm 531), университет (ipm 394), образование (ipm 425) и др. ДЧС: семья (ipm 418) и др. ДК: турист (ipm 494), театр (ipm 493) и др. ДБ: безопасность (ipm 472) и др.</p>	<p>ДБ: безопасности (ipm 353), иммунитет (ipm 200) и др.</p>
---	--	--	--

Источник: составлено авторами

Биополитический медиадискурс «Российской газеты» раскрывает разнообразие «доменов небезопасности» при конструировании мира пандемии COVID-19. В контексте небезопасности обсуждаются проблемы необходимости контроля за обществом, принуждения к использованию защитных средств в социальных контактах (условный домен контроля социальных отношений), состояние и потери экономики в условиях пандемии (условный домен экономики и производства), состояние и роль медицины (условный домен медицины и здравоохранения), трансформации образования и культуры (условные домен образования и домен культуры), а также частная жизнь населения (условный домен частной сферы). Примечательной особенностью государственного СМИ становится постоянный запрос на освещение мнения экспертов (условный домен экспертов биовласти – «профессионалов безопасности», по Дидье Биго), поскольку пандемия ввела в круг «профессионалов безопасности» исследователей в области медицины и биотехнологий, отвечающих на вопросы о новых эпидемиологических угрозах. Кроме того, государственная «Российская газета» использует проблематизацию темы «пандемия» в русле традиционных запросов на безопасность (условный домен биовласти) и акцентно использует обращение к экзистенциальным потребностям читателей (условный домен экзистенциального сопротивления).

Биополитический медиадискурс негосударственного «Коммерсанта» в целом созвучен государственной «Российской газете» с учётом специфики целевой аудитории данного массмедиа (Таблица 2).

Таблица №2. Домены небезопасности в медиадискурсе «Коммерсанта».
Table 2. Domains of insecurity in the media discourse of “Kommersant”.

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
<p>ДКСО: режим (ipm 2583), мера (ipm 1574), ограничение (ipm 883), карантин (ipm 822), самоизоляция (ipm 557) и др. ДЭБ: эксперт (ipm 587) и др.</p>	<p>ДКСО: режим (ipm 2029), ограничение (ipm 1047), мера (ipm 984) и др. ДЭБ: эксперт (ipm 653), исследование (ipm 582) и др.</p>	<p>ДКСО: режим (ipm 1767), ограничение (ipm 980), мера (ipm 963), маска (ipm 429) и др. ДЭБ: эксперт (ipm 837), исследование (ipm 667) и др.</p>	<p>ДКСО: ограничение (ipm 1225), мера (ipm 994) и др. ДЭБ: исследование (ipm 1056), эксперт (ipm 931) и др.</p>

<p>ДЭП: компания (ipm 2470), рынок (ipm 1474), бизнес (ipm 970), организация (ipm 961), экономика (ipm 691), продажа (ipm 578), производство (ipm 552), предприятие (ipm 500) и др.</p> <p>ДМЗ: больница (ipm 500), врач (ipm 478) и др.</p> <p>ДБ: система (ipm 648), кризис (ipm 643), население (ipm 613), безопасность (ipm 487), граница (ipm 457) и др.</p> <p>ДЭС: борьба (ipm 713), поддержка (ipm 648) и др.</p>	<p>ДЭП: компания (ipm 2295), рынок (ipm 1629), бизнес (ipm 1211), организация (ipm 753), производство (ipm 705) и др.</p> <p>ДМЗ: больница (ipm 703), пациент (ipm 592), врач (ipm 437), здравоохранение (ipm 405) и др.</p> <p>ДО: школа (ipm 629), образование (ipm 390) и др.</p> <p>ДБ: безопасность (ipm 387) и др.</p> <p>ДЭС: борьба (ipm 368) и др.</p>	<p>ДЭП: компания (ipm 2493), рынок (ipm 1987), инвестиция (ipm 403) и др.</p> <p>ДМЗ: препарат (ipm 837), пациент (ipm 817), здравоохранение (ipm 670), врач (ipm 607), больница (ipm 347) и др.</p> <p>ДО: образование (ipm 660), школа (ipm 530), университет (ipm 510), обучение (ipm 390), студент (ipm 387) и др.</p> <p>ДК: турист (ipm 343) и др.</p> <p>ДБ: население (ipm 583), безопасность (ipm 407), управление (ipm 370) и др.</p>	<p>ДЭП: компания (ipm 2194), рынок (ipm 2056), сотрудник (ipm 806), организация (ipm 681) и др.</p> <p>ДМЗ: пациент (ipm 863), здравоохранение (ipm 663), врач (ipm 694) и др.</p> <p>ДО: школа (ipm 531) и др.</p> <p>ДБ: население (ipm 825) и др.</p> <p>ДЭС: жизнь (ipm 994) и др.</p>
---	---	---	--

Источник: составлено авторами

В качестве сходства с государственной «Российской газетой» выступает высокий интерес массмедиа к теме контроля за обществом (в «Коммерсанте» дискурс контроля прорабатывается тщательно и технологично, обсуждаются меры и способы защиты социальных отношений во время пандемии), внимание к экспертному мнению учёных (обращение к «профессионалам безопасности»), внимание к экономике, здравоохранению и образованию, вовлечённым в трансформации, связанные с безопасностью из-за пандемии. Отличительной чертой медиадискурса «Коммерсанта» является минимальный интерес к частной жизни и к культурной сфере, которая на уровне статистики и высокой частотности упоминаний не проявилась в дискурсе пандемии данного массмедиа.

Третье негосударственное российское издание, включённое в анализ, принципиально иначе работало с проблемой (ин)секьюритизации во время пандемии (Таблица 3).

Таблица №3. Домены небезопасности в медиадискурсе «Новой газеты»
Table 3. Domains of insecurity in the media discourse of “Novaya Gazeta”

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
<p>ДКСО: маска (ipm 804), карантин (ipm 636), режим (ipm 550) и др.</p> <p>ДМЗ: больница (ipm 1310), врач (ipm 1189), пациент (ipm 889) и др.</p> <p>ДЭС: жизнь (ipm 1014), помощь (ipm 879) и др.</p>	<p>ДКСО: задержание (ipm 528) и др.</p> <p>ДЭП: компания (ipm 826), организация (ipm 636), завод (ipm 438) и др.</p> <p>ДМЗ: врач (ipm 862), больница (ipm 821), пациент (ipm 718) и др.</p> <p>ДО: школа (ipm 510) и др.</p> <p>ДЧС: дом (ipm 846) и др.</p> <p>ДЭС: акция (ipm 1036), протест (ipm 880), помощь (ipm 831), поддержка (ipm 533) и др.</p>	<p>ДКСО: маска (ipm 413) и др.</p> <p>ДЭП: компания (ipm 1063), рынок (ipm 494) и др.</p> <p>ДМЗ: больница (ipm 1000), врач (ipm 738), пациент (ipm 638) и др.</p> <p>ДО: школа (ipm 700) и др.</p> <p>ДЧС: семья (ipm 513) и др.</p> <p>ДБ: население (ipm 538), народ (ipm 506), граница (ipm 413) и др.</p> <p>ДЭС: проблема (ipm 788), смерть (ipm 744), насилие (ipm 731), помощь (ipm 638), борьба (ipm 375) и др.</p>	<p>ДКСО: мера (ipm 757) и др.</p> <p>ДЭП: организация (ipm 929), компания (ipm 857) и др.</p> <p>ДМЗ: пациент (ipm 871), врач (ipm 757) и др.</p> <p>ДЭС: жизнь (ipm 786) и др.</p>

Источник: составлено авторами

Биополитический медиадискурс негосударственной «Новой газеты» имеет некоторое сходство с другими изучаемыми изданиями. К общим темам (безопасности) во время пандемии относятся материалы, освещающие проблемы контроля за социальными отношениями (условный домен контроля социальных отношений), а также проблемы медицины (условный домен медицины и здравоохранения), экономики (условный домен экономики и производства) и точечно – образования и обычной жизни населения (условные домены образования и частной сферы). Отличием медиадискурса «Новой газеты» во время пандемии становится интерес к обсуждению проблем, связанных с противостоянием, борьбой, жизнью и смертью (условный домен экзистенциального сопротивления).

Таким образом, всеобъемлющая инсекьюритизация повседневности населения во время пандемии COVID-19, своеобразная «травма безопасности», на страницах российских СМИ отражалась в разных аспектах, формируя разные сценарии биополитического медиадискурса.

В СМИ Германии медийное освещение пандемии с точки зрения тематик, значимых для биополитических угроз, происходило следующим образом. В дискурсе *Süddeutsche Zeitung* самое пристальное внимание уделяется вводимым мерам и ограничениям (условный домен контроля социальных отношений), экономическим последствиям пандемии, описанию причиненного ущерба (условный домен экономики и производства), а также жизни и здоровью людей (условный домен медицины и здравоохранения). В качестве «профессионалов безопасности» выступили «Институт Роберта Коха», «эксперты» и «полиция», осуществляющая контроль за режимами пандемии (см. таблицу 4).

Таблица №4. Домены небезопасности в медиадискурсе *Süddeutsche Zeitung*
Table 4. Domains of insecurity in the media discourse of *Süddeutsche Zeitung*

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
<p>ДКСО: Maßnahme «мера» (ipm 506), Quarantäne «карантин» (ipm 325), Maske «маска» (ipm 344), Einschränkung «ограничение» (ipm 228) и др.</p> <p>ДЭБ: Polizei «полиция» (ipm 953), RKI «Институт Роберта Коха» (ipm 559)</p> <p>ДЭП: Euro «евро» (ipm 1341), Million «миллион» (ipm 922), Unternehmen «бизнес» (ipm 672), Mitarbeiter «сотрудник» (ipm 544) и др.</p> <p>ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 700), Krankenhaus «больница» (ipm 463), и др.</p> <p>ДО: Schule «школа» (ipm 528) и др.</p>	<p>ДКСО: Lockdown «локадаун» (ipm 765), Maßnahme «мера» (ipm 512) и др.</p> <p>ДЭБ: Polizei «полиция» (ipm 853), RKI «Институт РК» (ipm 607), Expert «эксперт» (ipm 227).</p> <p>ДЭП: Euro «евро» (ipm 1271), Million «миллион» (ipm 1014), Unternehmen «бизнес» (ipm 522), Mitarbeiter «сотрудник» (ipm 498) и др.</p> <p>ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 742), Krankenhaus «больница» (ipm 486), и др.</p> <p>ДО: Schule «школа» (ipm 626) и др.</p>	<p>ДКСО: Regel «правило» (ipm 544) и др.</p> <p>ДЭБ: RKI «Институт РК» (ipm 2016), Polizei «полиция» (ipm 1408), Experte «эксперт» (ipm 662).</p> <p>ДЭП: Euro «евро» (ipm 1289), Million «миллион» (ipm 960), Unternehmen «бизнес» (ipm 425) и др.</p> <p>ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 700), Krankenhaus «больница» (ipm 493), Intensivstation «реанимация» (ipm 365) и др.</p> <p>ДО: Schule «школа» (ipm 668) и др.</p> <p>ДК: Spiel «игра» (ipm 635), Veranstaltung «мероприятие» (ipm 342) и др.</p>	<p>ДКСО: Maßnahme «мера» (ipm 667), Quarantäne «карантин» (ipm 355), Maske «маска» (ipm 294) и др.</p> <p>ДЭБ: Polizei «полиция» (ipm 2878), RKI «Институт РК» (ipm 1817).</p> <p>ДЭП: Euro «евро» (ipm 1212), Million «миллион» (ipm 907) и др.</p> <p>ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 875), Krankenhaus «больница» (ipm 586), Intensivstation «реанимация» (ipm 410) и др.</p> <p>ДО: Schule «школа» (ipm 567) и др.</p> <p>ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 885) и др.</p>

<p>ДК: Veranstaltung «мероприятие» (ipm 224) Museum «музей» (ipm 219) ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 747) Haus «дом» (ipm 543), Familie «семья» (ipm 347) и др. ДБ: Krise «кризис» (ipm 778), и др. ДЭС: Hilfe «помощь» (ipm 330) и др.</p>	<p>ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 673) Haus «дом» (ipm 543), Familie «семья» (ipm 347) и др. ДБ: Einwohner «житель» (ipm 536), и др. ДЭС: sterben «умирать» (ipm 443) и др.</p>	<p>ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 1009) и др.</p>	
--	--	--	--

Источник: составлено авторами

В фокусе данного издания находится общество, репрезентируемое разными социальными группами. В центре внимания – пациенты (условный домен медицины и здравоохранения), предприниматели и сотрудники (условный домен экономики и производства), а также дети (условный домен частной сферы). При этом домены биовласти и экзистенциального сопротивления представлены точно. Дискурс *Süddeutsche Zeitung* примечателен расширенным списком «профессионалов биовласти» – это и «эксперты», и «Институт Роберта Коха» – ключевой эксперт по эпидемиям и пандемиям, а также «полиция». Частотное включение в медийный дискурс такого «профессионала безопасности» как «полиция» (важно не просто отслеживать вирусы, но и контролировать население) свидетельствует о значимости принуждения в проблематизации биополитической безопасности.

Биополитический медиадискурс издания *Zeit* раскрывает сферы небезопасности пандемии, обращаясь как к традиционным темам поражений в социальной и экономической сферах, в сфере частной жизни, так и к проблемам биовласти и экзистенциального сопротивления пандемии, причём гораздо чаще, чем рассмотренная ранее *Süddeutsche Zeitung* (Таблица 5).

Таблица №5. Домены небезопасности в медиадискурсе «Zeit»
Table 5. Domains of insecurity in the media discourse of “Zeit”

Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
<p>ДКСО: Lockdown «локдаун» (ipm 833), Maßnahme «мера» (ipm 616), Maske «маска» (ipm 461) и др. ДЭБ: RKI «Институт Роберта Коха» (ipm 3059), Polizei «полиция» (ipm 1427) ДЭП: Euro «евро» (ipm 818), Million «миллион» (ipm 801), Unternehmen «бизнес» (ipm 584) и др. ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 374), Krankenhaus «больница» (ipm 289), и др. ДО: Schule «школа» (ipm 700) и др.</p>	<p>ДКСО: Regel «правило» (ipm 544), Lockdown «локдаун» (ipm 385) Maßnahme «мера» (ipm 364) и др. ДЭБ: RKI «Институт РК» (ipm 3114), Polizei «полиция» (ipm 1446) ДЭП: Million «миллион» (ipm 863), Euro «евро» (ipm 768), Unternehmen «бизнес» (ipm 514), Geld «деньги» (ipm 425) и др. ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 372), Krankenhaus «больница» (ipm 231) и др. ДО: Schule «школа» (ipm 552) и др. ДК: Spiel «игра» (ipm 296)</p>	<p>ДКСО: Maßnahme «мера» (ipm 614), Test «тест» (ipm 461), Maske «маска» (ipm 395) и др. ДЭБ: RKI «Институт РК» (ipm 3667), Polizei «полиция» (ipm 1654) ДЭП: Million «миллион» (ipm 697), Euro «евро» (ipm 680), Unternehmen «бизнес» (ipm 448), Geld «деньги» (ipm 369) и др. ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 495), Krankenhaus «больница» (ipm 418), и др. ДО: Schule «школа» (ipm 400) и др.</p>

<p>ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 963), Haus «дом» (ipm 684), Familie «семья» (ipm 412), Eltern «родители» (ipm 352) и др. ДЭС: sterben «умирать» (ipm 437) и др.</p>	<p>ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 1413), Haus «дом» (ipm 539), Eltern «родители» (ipm 424), Familie «семья» (ipm 367) и др. ДБ: Krise «кризис» (ipm 291) и др. ДЭС: sterben «умирать» (ipm 429) и др.</p>	<p>ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 1083), Haus «дом» (ipm 489), Familie «семья» (ipm 368) и др. ДБ: Leute «люди» (ipm 350), Bevölkerung «население» (ipm 296), Schützen «защищать» (ipm 292) и др. ДЭС: sterben «умирать» (ipm 522) и др.</p>
--	---	--

Источник: составлено авторами.

Обращает на себя внимание запрос на экспертное мнение в Zeit, реализуемый за счёт более активного включения такого «профессионала безопасности» как Институт Роберта Коха по сравнению с изданием Süddeutsche Zeitung. Так, во вторую волну, в начале кампании по вакцинации, запрос на экспертное мнение в издании Zeit в пять раз выше, чем в издании Süddeutsche Zeitung (ipm 607 и ipm 3059 соответственно).

Стратегии издания Die Tageszeitung схожи со стратегиями Die Zeit (Таблица 6), хотя оно подключается к процессу только с третьей волны, не поднимая вопросы небезопасности в первую и вторую волну, в отличие от двух других рассмотренных СМИ.

Таблица №6. Домены небезопасности в медиадискурсе Die Tageszeitung
Table 6. Domains of insecurity in the media discourse of Die Tageszeitung

Третья волна	Четвёртая волна
<p>ДКСО: Maßnahme «мера» (ipm 614), Regel «правило» (ipm 477), Test «тест» (ipm 461), Maske «маска» (ipm 395) и др. ДЭБ: RKI «Институт РК» (ipm 2395), Polizei «полиция» (ipm 1699) ДЭП: Million «миллион» (ipm 697), Euro «евро» (ipm 680), Unternehmen «бизнес» (ipm 448), Geld «деньги» (ipm 425) и др. ДМЗ: Patient «пациент» (ipm 495), Krankenhaus «больница» (ipm 418) и др. ДО: Schule «школа» (ipm 400) и др. ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 1083) Haus «дом» (ipm 489), Eltern «родители» (ipm 424), Familie «семья» (ipm 368) и др. ДБ: Gesellschaft «общество» (ipm 331), Bevölkerung «население» (ipm 296) и др. ДЭС: sterben «умирать» (ipm 522), schützen «защищать» (ipm 292) и др.</p>	<p>ДКСО: Maßnahme «мера» (ipm 654), Test «тест» (ipm 653), Regel «правило» (ipm 519), Maske «маска» (ipm 424), Lockdown «локдаун» (ipm 321), testen «тестировать» (ipm 266) и др. ДЭБ: RKI «Институт РК» (ipm 2139), Polizei «полиция» (ipm 1898) ДЭП: Million «миллион» (ipm 849), euro «евро» (ipm 589), Unternehmen «бизнес» (ipm 267) и др. ДМЗ: Krankenhaus «больница» (ipm 556), Patient «пациент» (ipm 337), Intensivstation «реанимация» (ipm 253) и др. ДО: Schule «школа» (ipm 623) и др. ДЧС: Kind «ребёнок» (ipm 1056), Haus «дом» (ipm 489), Familie «семья» (ipm 275), Eltern «родители» (ipm 272) и др. ДБ: Leute «люди» (ipm 351), Gesellschaft «общество» (ipm 305) и др. ДЭС: sterben «умирать» (ipm 364), Schutz «защита» (ipm 265), schützen «защищать» (ipm 264) и др.</p>

Источник: составлено авторами.

Среди сфер небезопасности в медиадискурсе Die Tageszeitung проявляются социальные меры и ограничения (условный домен контроля социальных отношений), экономические последствия пандемии (условный домен экономики и производства), проблемы здравоохранения и здоровья людей (условный

домен медицины и здравоохранения), а также обсуждаются проблемы борьбы с пандемией и защиты от вируса (условный домен экзистенциального сопротивления) и «профессионалы безопасности» – «Институт Роберта Коха» и «полиция» (условный домен экспертов биовласти).

Проанализируем медиадискурс о пандемии французских СМИ. «Миры опасной пандемии» газеты Le Figaro создаются следующим образом (см. таблицу 7).

Таблица №7. Домены небезопасности в медиадискурсе Le Figaro

Table 7. Domains of insecurity in the media discourse of Le Figaro

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
<p>ДКСО: mesure / «мера» (ipm 2687); confinement / «самоизоляция» (ipm 2282), masque / «маска» (ipm 1375) и др.</p> <p>ДЭБ: recherche / «исследование» (ipm 415); conférence / «конференция» (ipm 415); scientifique / «ученый» (ipm 455) и др.</p> <p>ДЭП: marché / «рынок» (ipm 1488); économie / «экономика» (ipm 1326); banque / «банк» (ipm 692) и др.</p> <p>ДМЗ: maladie / «болезнь» (ipm 1247); hôpital / «больница» (ipm 1245); contamination / «заражение» (ipm 1039)</p> <p>ДО: école / «школа» (ipm 522); université / «университет» (ipm 352) и др.</p> <p>ДК: «турист» (ipm 392) и др.</p> <p>ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 825); famille / «семья» (ipm 624) и др.</p> <p>ДБ: santé / «здоровье» (ipm 3038); crise / «кризис» (ipm 2976); frontière / «граница» (ipm 709) и др.</p> <p>ДЭС: aide / «помощь» (ipm 727); mort / «смерть» (ipm 2133); vie / «жизнь» (ipm 873) и др.</p>	<p>ДКСО: mesure / «мера» (ipm 4133); confinement / «самоизоляция» (ipm 3362), masque / «маска» (ipm 2351) и др.</p> <p>ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 772); recherche / «исследование» (ipm 501); conférence / «лекция», «совещание», «конференция» (ipm 745) и др.</p> <p>ДЭП: marché (ipm 1778), économie (ipm 1960), banque (ipm 1067).</p> <p>ДМЗ: maladie / «болезнь» (ipm 1285); hôpital / «больница» (ipm 1598); contamination / «заражение» (ipm 1723) и др.</p> <p>ДО: école / «школа» (ipm 1094); université / «университет» (ipm 659) и др.</p> <p>ДК: culture / «культура» (ipm 376); touriste / «турист» (ipm 399); musée / «музей» (ipm 470); télévision / «телевидение» (ipm 328) и др.</p> <p>ДЧС: parent / «родитель» (ipm 396); enfant / «ребёнок» (ipm 1186); famille / «семья» (ipm 1004) и др.</p> <p>ДБ: santé / «здоровье» (ipm 4367); crise / «кризис» (ipm 3647); frontière / «граница» (ipm 747).</p> <p>ДЭС: aide / «помощь» (ipm 1222); mort / «смерть» (ipm 2699); vie / «жизнь» (ipm 1166) и др.</p>	<p>ДКСО: mesure / «мера» (ipm 3281); confinement / «самоизоляция» (ipm 2013), masque / «маска» (ipm 1658) и др.</p> <p>ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 817); recherche / «исследование» (ipm 500); conférence / «конференция» (ipm 687) и др.</p> <p>ДЭП: marché / «рынок» (ipm 2054); économie / «экономика» (ipm 1718); banque / «банк» (ipm 1232) и др.</p> <p>ДМЗ: maladie / «болезнь» (ipm 1148); hôpital / «больница» (ipm 1777); contamination / «заражение» (ipm 1501) и др.</p> <p>ДО: université / «университет» (ipm 398); école / «школа» (ipm 893) и др.</p> <p>ДК: culture / «культура» (ipm 455); art / «искусство» (ipm 348); touriste / «турист» (ipm 555); musée / «музей» (ipm 349);</p> <p>ДЧС: parent / «родитель» (ipm 446); enfant / «ребёнок» (ipm 1637); famille / «семья» (ipm 939) и др.</p> <p>ДБ: santé / «здоровье» (ipm 4536); crise / «кризис» (ipm 3284); frontière / «граница» (ipm 717) и др.</p> <p>ДЭС: aide / «помощь» (ipm 1008); mort / «смерть» (ipm 2429); vie / «жизнь» (ipm 1499) и др.</p>	<p>ДКСО: mesure / «мера» (ipm 2095); confinement / «самоизоляция» (ipm 732), masque / «маска» (ipm 1265) и др.</p> <p>ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 451); recherche / «исследование» (ipm 301); conférence / «конференция» (ipm 427) и др.</p> <p>ДЭП: marché (ipm 1511); économie (ipm 966); banque (ipm 845) и др.</p> <p>ДМЗ: maladie 749 hôpital 954 contamination 1022</p> <p>ДО: université / «университет» (ipm 194); école / «школа» (ipm 640) и др.</p> <p>ДК: touriste / «турист» (ipm 252) и др..</p> <p>ДЧС: parent / «родитель» (ipm 336); famille / «семья» (ipm 519); enfant / «ребёнок» (ipm 1424) и др.</p> <p>ДБ: santé / «здоровье» (ipm 2688); crise / «кризис» (ipm 1382); frontière / «граница» (ipm 498) и др.</p> <p>ДЭС: aide / «помощь» (ipm 416); mort / «смерть» (ipm 1106); vie / «жизнь» (ipm 766) и др.</p>

Источник: составлено авторами.

Издание Le Figaro использует все домены (не)безопасности для формирования медиадискурса «опасной пандемии» на протяжении четырёх волн и объединяя различные темы, включая и собственно безопасность, и частную жизнь, и культуру. Примечательно, что обсуждение культуры в Le Figaro в статьях, касающихся пандемии, охватывает темы, связанные не только с социальными ограничениями для театров и туризма, но и связанные с музеями, искусством, телевидением. Проблемы в промышленности в медиадискурсе о пандемии данного СМИ частотны, но стандартны (*marché; économie; banque* и др.). Эксперты безопасности в Le Figaro представлены в контексте науки (*recherche, conférence; scientifique*), собственно домен безопасности сфокусирован на кризисе и его границах (*santé; crise; frontière*). Также всё время пандемии на страницах массовой медиа идет активное обсуждение экзистенциальных проблем (домен экзистенциального сопротивления: *aide; mort; vie*).

Медиадискурс (не)безопасности пандемии издания Le Monde тематически ограниченнее (см. таблицу 8).

Таблица №8. Домены небезопасности в медиадискурсе Le Monde.
Table 8. Domains of insecurity in the media discourse of Le Monde.

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 5181); mesure / «мера» (ipm 4850) ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 1228); recherche (ipm 1150) и др. ДЭП: économie / «экономика» (ipm 2213) и др. ДМЗ: santé / «здоровье» (ipm 5499); hôpital / «больница» (ipm 2763) и др. ДО: école / «школа» (ipm 1600); professeur / «преподаватель» (ipm 819) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 478); art / «искусство» (ipm 499) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1695); famille / «семья» (ipm 1553) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 6348); société / «общество» (ipm 1382) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 3598), vie / «жизнь» (ipm 2148) и др.	ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 4166); mesure / «мера» (ipm 4673) ДЭБ: scientifique / «учёный» (ipm 1272); recherche (ipm 1217) и др. ДЭП: économie / «экономика» (ipm 2203) и др. ДМЗ: santé / «здоровье» (ipm 5669); hôpital / «больница» (ipm 2063) и др. ДО: école / «школа» (ipm 1678); professeur / «преподаватель» (ipm 847) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 830); art / «искусство» (ipm 701) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1901); famille / «семья» (ipm 1505) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 5715); société / «общество» (ipm 1577) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 3174), vie / «жизнь» (ipm 2305) и др.	ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 1850); mesure / «мера» (ipm 2768) ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 924); recherche (ipm 772) и др. ДЭП: économie / «экономика» (ipm 1199) и др. ДМЗ: santé / «здоровье» (ipm 4197); hôpital / «больница» (ipm 1648) и др. ДО: école / «школа» (ipm 1167); professeur / «преподаватель» (ipm 653) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 593); art / «искусство» (ipm 515) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1662); famille / «семья» (ipm 1050) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 3557); société / «общество» (ipm 1076) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 2297), vie / «жизнь» (ipm 1819) и др.	ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 452); mesure / «мера» (ipm 1239) ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 426); recherche (ipm 384) и др. ДЭП: économie / «экономика» (ipm 498) и др. ДМЗ: santé / «здоровье» (ipm 1723); hôpital / «больница» (ipm 644) и др. ДО: école / «школа» (ipm 659); professeur / «преподаватель» (ipm 266) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 194); art / «искусство» (ipm 178) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 933); famille / «семья» (ipm 412) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 1254); société / «общество» (ipm 437) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 652), vie / «жизнь» (ipm 626) и др.

Источник: составлено авторами.

Издание Le Monde более стандартно отрабатывает тематику небезопасности пандемии. Домен контроля за социальными отношениями представлен стандартными тематиками ограничений (confinement; mesure), эксперты безопасности стандартизированы (scientifique; recherche), проблемы промышленности во время пандемии обсуждаются, как правило, в общем формате (économie), домен образования сосредоточен на проблемах школы (école; professeur), домен культуры включает предельно схематичный набор (culture; art) и. д. Отличительной чертой Le Monde является фокусирование на вопросах жизни и смерти во время пандемии (домен экзистенциального сопротивления, частотное использование лексем «mort», «vie»).

Сосредоточение на борьбе жизни и смерти также типично и для медиадискурса о пандемии Le Parisien с той разницей, что на страницах данного СМИ смерть предстаёт как большая реальность, нежели экономические проблемы, культура или образование (см. таблицу 9).

Таблица №9. Домены небезопасности в медиадискурсе Le Parisien
Table 9. Domains of insecurity in the media discourse of Le Parisien

Первая волна	Вторая волна	Третья волна	Четвёртая волна
ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 5346); mesure / «мера» (ipm 4331) и др. ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 806); recherche / «исследование» (ipm 544) и др. ДЭП: marché / «рынок» (ipm 1028); économie / «экономика» (ipm 988) и др. ДМЗ: hôpital / «больница» (ipm 3835); patient / «пациент» (ipm 3049) и др. ДО: école / «школа» (ipm 1652) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 242); touriste / «турист» (ipm 355) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1970); famille / «семья» (ipm 1430) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 4098); frontière / «граница» (ipm 803) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 3792); décès / «кончина» (ipm 3284) и др.	ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 4046); mesure / «мера» (ipm 4929) и др. ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 1423); recherche / «исследование» (ipm 705) и др. ДЭП: marché / «рынок» (ipm 913); économie / «экономика» (ipm 886) и др. ДМЗ: hôpital / «больница» (ipm 3397); patient / «пациент» (ipm 2841) и др. ДО: école / «школа» (ipm 2151) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 393); touriste / «турист» (ipm 402) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1734); famille / «семья» (ipm 1174) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 3418); frontière / «граница» (ipm 843) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 3248); décès / «кончина» (ipm 3623) и др.	ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 1963); mesure / «мера» (ipm 3042) и др. ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 1122); recherche / «исследование» (ipm 504) и др. ДЭП: marché / «рынок» (ipm 898); économie / «экономика» (ipm 532) и др. ДМЗ: hôpital / «больница» (ipm 2972); patient / «пациент» (ipm 3000) и др. ДО: école / «школа» (ipm 1567) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 351); touriste / «турист» (ipm 500) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1528); famille / «семья» (ipm 604) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 2587); frontière / «граница» (ipm 553) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 2491); décès / «кончина» (ipm 3121) и др.	ДКСО: confinement / «самоизоляция» (ipm 459); mesure / «мера» (ipm 1767) и др. ДЭБ: scientifique / «ученый» (ipm 555); recherche / «исследование» (ipm 186) и др. ДЭП: marché / «рынок» (ipm 289); économie / «экономика» (ipm 194) и др. ДМЗ: hôpital / «больница» (ipm 1524); patient / «пациент» (ipm 1255) и др. ДО: école / «школа» (ipm 917) и др. ДК: culture / «культура» (ipm 77); touriste / «турист» (ipm 107) и др. ДЧС: enfant / «ребёнок» (ipm 1355); famille / «семья» (ipm 248) и др. ДБ: crise / «кризис» (ipm 674); frontière / «граница» (ipm 341) и др. ДЭС: mort / «смерть» (ipm 619); décès / «кончина» (ipm 1122) и др.

Источник: составлено авторами.

Медиадискурс о пандемии Le Parisien выстраивается через риторику риска и потери: домен экзистенциального сопротивления выраженно сфокусирован на смерти (mort; décès), частотность лексемы «кризис» в домене биовласти

значительно превышает показатели других лексем. В то же время угроза смерти снижается от первой ко второй волне (в первую волну «mort» / ipm 3792, в четвёртую – «mort» / ipm 619).

Биополитика, пропаганда и безопасность: обсуждение результатов исследования и дискуссии

Сравнительный анализ политических коммуникаций, включая и медиакоммуникации, используется нечасто из-за значительного объёма материала и герменевтических проблем, обусловленных социокультурной спецификой дискурса (Цифровое политическое участие 2019). Представленное исследование, опираясь на количественные маркеры, имеет возможность соотнести показатели медийного дискурса трёх стран в области биополитического дискурса пандемии, тем не менее не отрицая социокультурную специфику как медиадискурса, так и биополитических практик в разных государствах.

Так, согласно исследованию, характеризуя работу субъектов биополитики, осуществляющих управление жизнью населения, медиа трёх стран по-разному представляли их значимость. В российских изданиях от первой к последней волне пандемии снижалась частотность упоминаний акторов государственной власти (активная потребность в управлении на первом этапе уменьшалась по мере понимания средств борьбы с пандемией). Исключением является персонафицированная позиция «Путин», которая в условиях кризиса без значительных изменений упоминалась во всех изучаемых СМИ. На страницах французских СМИ в качестве представителей субъектов биополитики была представлена государственная власть (акторы, репрезентирующие государственный аппарат), бизнес в большинстве случаев остался невидимым субъектом, встречалось также и упоминание личности Макрона как отдельной лексемы.

Немецкие СМИ не просто реконструировали поле акторов, управляющих обществом во время пандемии, но и выстраивали их иерархии, разделяя ответственность земельной и федеральной властей. Примечательно, что с течением времени (от начала пандемии к её завершению) частотность упоминаний акторов биовласти не уменьшилась, а в большинстве случаев даже увеличилась, демонстрируя значимость управления и контроля в условиях пандемии. Не случайно среди частотных акторов в медиадискурсе оказалась и «полиция», регулирующая поведение населения, включая и «несогласных» с антиковидными социальными практиками. Другой особенностью немецкоязычного медиадискурса стал акцент на работе депутатов. И если в российских СМИ (преимущественно в «Новой газете») относительно частотной была лексема «депутат» (без привязки к какой-либо партии), то в немецких СМИ частотными оказались также

указания на партийную принадлежность. Следовательно, посредством участия в законодательной деятельности, доступ к биовласти получило и «гражданское общество» в лице политических партий.

Возможность участия гражданского общества в разделении биовласти высказывалась ранее в исследованиях, однако в качестве акторов называли активистов и общественные движения (Christiaens 2021; Sotiris 2020 и др.) а также церковь (Харкевич, Касаткин 2011). Анализ медиадискурса показывает, что «политические партии» (по крайней мере в ФРГ) могут также успешно претендовать на «субъектность» в биополитике.

Анализ присоединения различных СМИ к правительственной биополитической пропаганде, показал, что все медиа реализовали пропаганду вакцинации посредством трёх основных стратегий. Первая стратегия представляет активную презентацию вакцинации на всех этапах пандемии, вторая стратегия предполагает подключение к пропаганде вакцинации в третью волну и последующее информационное продвижение темы вакцинации, третья стратегия сконцентрирована на этапе третьей волны, когда пропаганда вакцинации была объявлена исключительной мерой по спасению общества.

Различия в стратегиях, на первый взгляд, объясняются на основе «фильтров» в контексте модели пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского (Herman, Chomsky 1988; Назаров 2022). Наиболее тесную связь среди всех фильтров (собственность, реклама, источники, претензии, идеология) с пропагандой вакцинации, на наш взгляд, имеют «источники», поскольку именно от власти (один из ключевых медийных источников) СМИ получают запрос на поддержку биополитической программы правительства.

Что же касается проблем безопасности, исследования, показывающие, как во время пандемии становится «опасным» привычный мир, например, учреждения образования, повседневное публичное пространство населения, как правило, опираются на концепцию Б. Бузана о дискурсах безопасности (Murphy 2020). В данном исследовании используется концепция Д. Биго, которая анализирует практики безопасности (Vigo 2014). Практики (не)безопасности, активно используемые биовластью во время пандемии, в той или иной мере отражаются в медиадискурсе, поэтому частотность лексем, описывающих сферы небезопасности во время пандемии («домены небезопасности»), позволяет реконструировать и далее сравнить, как изучаемые медиа воспроизводят небезопасность во время пандемии, какие сферы небезопасности оказываются видимыми, а какие – нет.

Согласно проведённому исследованию, лишь сценарии опасного мира пандемии государственного СМИ («Российская газета») и французского с частичным государственным финансированием (Le Figaro) включили все сферы (в том числе и «культуру»), поскольку контроль за социальными отношениями захватил все общество (вопрос лишь в том, отражено это в медиа или нет).

Русскоязычные и немецкоязычные СМИ⁸, собственниками которых является частный капитал, как правило, именно «культуру» оставляют в «слепой» зоне (редко обсуждают в контексте проблем пандемии). Стандартная репрезентация небезопасности во всех медиа затрагивает сферы социальных отношений, экологию, здравоохранение, образование.

Российские негосударственные медиа менее склонны анализировать в контексте пандемии частную жизнь населения. Спецификой немецкого биополитического дискурса инсекьюритизации является интерес к теме сопротивления (обсуждение вопросов жизни, смерти, борьбы) и активное упоминание «полиции» (рассматриваемой в концепции Д. Биго как «профессионала безопасности»). Франкоязычный дискурс негосударственных СМИ также сосредоточен на экзистенциальной репрезентации пандемии (жизнь и/или смерть).

Первые исследования, посвящённые проблеме инсекьюритизации во время пандемии COVID-19, как правило, анализируют действия правительств и дискутируют о методологии изучения секьюритизации (Carlà, Djolai 2022; Kirk 2021). И даже в тех случаях, когда изучается вклад медиа в проблему секьюритизации пандемии, СМИ изучают как актора политического процесса (см., например, Marciano, Yadlin 2022). В данном исследовании изучаются медийные формы репрезентации границ небезопасности пандемии, те очертания «мира пандемии», которые медиа вместе с идеями о небезопасности предлагают населению, формируя медийные «социальные представления» о биополитике, выступая не только в политическом, но и в экзистенциальном поле.

Заключение

Итоги проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, теоретическое поле биополитики, особо остро востребованное во время осмысления пандемий, успешно интегрируется с другими теоретическими полями (например, концепциями пропаганды, инсекьюритизации и др.), позволяя многомерно и детально реконструировать контекст биополитических проблем. Во-вторых, цифровой медиадискурс является удобной площадкой сравнительных исследований, базирующихся на идеях культурологии и использующих маркеры статистики текста. Сравнительный анализ показателей медиадискурса позволяет идентифицировать как национальную, так и наднациональную специфику «дискурсивных миров», создаваемых СМИ и транслируемых читателям (населению).

Согласно результатам проведённого исследования, медиадискурс конструирует традиционную схему субъектов биовласти по М. Фуко. В дискурсе всех изучаемых СМИ государственная власть является ключевым субъектом

⁸ Во франкоязычных СМИ о пандемии тематика «культуры» сохраняется (в негосударственных СМИ – схематично и ограничено).

биовласти и биополитики в лице её акторов – представителей государственной власти разного уровня (федеральной, региональной/земельной, локальной и т. п.) и разных ветвей (исполнительной и законодательной). Частный капитал как субъект биовласти в медиадискурсе представлен схематично и условно, «невидим», остаётся в тени. Гражданское общество как субъект биовласти представлено в немецкоязычном дискурсе в лице политических партий, что объясняется спецификой социально-политических коммуникации Германии. Идентификация акторов от гражданского общества обусловлена их тесной связью с законодательной государственной властью (как правило, речь идёт о депутатах и далее – об активности политических партий в области биовласти) и медийными практиками точного указания на политические партии в немецких СМИ.

Все изучаемые СМИ приняли участие в биополитической пропаганде вакцинации, которую проводили правительства России, Германии и Франции. Наиболее активно и последовательно вакцинацию пропагандировала часть СМИ, принадлежащая частному капиталу, а также государственные медиа и медиа с частичным государственным финансированием. Инсекьюритизация общественной жизни на страницах медиа, как правило, затрагивает социальные отношения, экономику, здравоохранение и образование. Проблематизация небезопасности в области биовласти или экзистенциальной сфере (как борьба жизни со смертью) также представлена в ряде СМИ. Содержательную информацию об инсекьюритизации даёт анализ списков «профессионалов безопасности». Если в российских и французских СМИ это представители науки (эксперты, исследователи и т. п.), то в немецкоязычных медиа видимым становится такой «профессионал безопасности» как полиция (артикуляция проблем контроля за населением через аппарат принуждения), а экспертное сообщество обретает «ключевого профессионала» («Институт Роберта Коха»).

Наконец, сравнительный анализ СМИ трёх стран показывает, что медиадискурс обладает рядом общих характеристик (например, в описании приоритетов государственной власти в области биополитики, в пропаганде вакцинации и т. п.). К страновым (и, возможно, культурным) особенностям в медиаконструировании «картины мира пандемии» возможно отнести следующее. Для российских медиа характерны различия между негосударственными медиа в конструировании «миров пандемии» при общем следовании ключевому ориентиру государственной пропаганды в области вакцинации. Для немецких медиа важна тщательная детализация государственных акторов биополитики, упоминание возможных акторов биополитики от гражданского общества, актуализация полиции как эксперта безопасности во время пандемии, а также вторичность проблем культуры, «невидимый статус» культуры во время пандемии на страницах СМИ. Что касается французских медиа, то для них ключевым является схематизация экономических проблем и сохранение рефлексии проблем культуры, заострение экзистенциальных проблем жизни и смерти во время пандемии.

Об авторах:

Надежда Константиновна Радина – доктор политических наук, профессор Института международных отношений и мировой истории, кафедры истории и теории международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 603022, Н.Новгород, проспект Гагарина, 23. E-mail: radina@fsn.unn.ru

Юлия Владимировна Балакина – PhD, доцент Факультета гуманитарных наук, Департамента фундаментальной и прикладной лингвистики, НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде, 603065, Н. Новгород, ул. Львовская, 18. E-mail: asv@yandex.ru

Константин Валерьевич Банников – заместитель декана Факультета гуманитарных наук, Департамент литературы и межкультурной коммуникации, НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде, 603155, Н. Новгород, ул. Б. Печёрская, 25/12. E-mail: kbannikov@hse.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

UDC 32.019.5:316.77:614.4
Received: August 07, 2023
Accepted: March 15, 2024

Biopolitical Strategies in Media Discourses: Responses to the COVID-19 Pandemic in Russia, Germany, and France

 N.K. Radina¹, Yu.V. Balakina², K.V. Bannikov²
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-117-149](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-117-149)

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

² Higher School of Economics Nizhny Novgorod

Abstract: The objective of this study is to conduct a comparative analysis of how media outlets in Russia, France, and Germany reported on events during the COVID-19 pandemic. The analysis was carried out in three stages: comparing the actors of biopolitics, examining the ideologemes of biopolitics, and analyzing the spheres in which biopolitics were implemented. The theoretical and methodological framework of this study is grounded in Michel Foucault's theory of biopolitics, Edward Herman and Noam Chomsky's propaganda model, and Didier Bigo's concept of (in)securitization. Texts related to the COVID-19 pandemic were categorized into four «waves» (January 2020 – March 2022) and retrieved using the keywords «pandemic», «covid», and «coronavirus» from the archives of «Rossiyskaya Gazeta», «Kommersant», «Novaya Gazeta», «Le Figaro», «Le Monde», «Le Parisien», «Süddeutsche Zeitung», «Die Zeit», and «Die Tageszeitung». The total volume of analyzed material amounts to 67.62 million words.

The results reveal that state power consistently emerges as a key subject of biopower and biopolitics across all the media studied, following Foucault's traditional framework of bio-power subjects. This includes a focus on the actions and decisions of government officials and institutions. Additionally, the study found that all examined media outlets participated in promoting vaccination campaigns orchestrated by the governments of Russia, Germany, and France, indicating a widespread alignment with state-led biopolitical strategies.

The analysis also shows that the securitization of public life during the pandemic affected various sectors including social relations, the economy, healthcare, and education. Media discourse in all three countries highlighted these areas of impact, often framing them within the broader context of public and existential security.

Furthermore, the study identifies notable differences in how the media in each country portrayed biopolitical themes. In Russia, media coverage placed a strong emphasis on the central government's role, while in Germany, there was a more pronounced delineation between federal and regional authorities. In France, media outlets often focused on the personal leadership of President Emmanuel Macron. Despite these differences, there were shared themes across all three countries, such as the emphasis on the importance of vaccination and the portrayal of government measures as necessary for public safety.

Keywords: biopolitics, propaganda, security, mass media, securitization, pandemic, Russia, Germany, France

About the authors:

Nadegda K. Radina – Doctor of Political Science, Professor at the Institute of International Relations and World History, Department of History and Theory of International Relations, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod. 603022, Nizhniy Novgorod, Gagarin Avenue, 23. E-mail: radina@fsn.unn.ru

Yulia V. Balakina – PhD, Associate Professor at the Faculty of Humanities, Department of Fundamental and Applied Linguistics, Higher School of Economics in Nizhniy Novgorod. 603065, Nizhniy Novgorod, Lvovskaya Street, 18. E-mail: asv@yandex.ru

Konstantin V. Bannikov – Deputy Dean of the Faculty of Humanities, Department of Literature and Intercultural Communication, Higher School of Economics in Nizhniy Novgorod. 603155, Nizhniy Novgorod, Bolshaya Pecherskaya Street, 25/12. E-mail: kbannikov@hse.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00015.

References:

Bigo D. 2014. The (In)Securitization Practices of the Three Universes of EU Border Control: Military/Navy – Border Guards/Police – Database Analysts. *Security Dialogue*. 45(3). P. 209–225.

Carlà A., Djolai M. 2020. Securitization of Minorities under COVID-19 Discourses, Practices, and Historical Antecedents. *European Yearbook of Minority Issues Online*. 19(1). P. 107–133. DOI:10.1163/22116117_007.

Christiaens T. 2021. Biomedical Technocracy, the Networked Public Sphere and the Biopolitics of COVID-19: Notes on the Agamben Affair. *Culture, Theory and Critique*. 62(4). P. 404–421. DOI: 10.1080/14735784.2022.2099919.

Herman E.S., Chomsky N. 1988. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon.

Jean-Baptiste J., Shen Y., Aiden A., Veres A., Gray M. 2011. Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*. 331(6014). P. 176–182.

Kirk J. 2021. The Politics of Exceptionalism: Securitization and COVID-19. *Global Studies Quarterly*. №1. P. 1–12.

Ladle R.J., Correia R.A., Do Y., Joo G.-J., Malhado A.C., Proulx R., Roberge J.-M., Jepson P. 2016. Conservation Culturomics. *Frontiers in Ecology and the Environment*. 14(5). P. 269–275. DOI: 10.1002/fee.1260.

Lylo T. 2017. Ideologeme as a Representative of the Basic Concepts of Ideology in the Media Discourse. *Social Communication*. №1. P. 14–20.

Marciano A., Yadlin A. 2022. Media Coverage of COVID-19 State Surveillance in Israel: the Securitization and Militarization of a Civil-Medical Crisis. *Media, Culture & Society*. 44(3), P. 445–463.

Murphy M.P.A. 2020. COVID-19 and Emergency eLearning: Consequences of the Securitization of Higher Education for Post-Pandemic Pedagogy. *Contemporary Security Policy*. 41(3), P. 492–505. DOI: 10.1080/13523260.2020.1761749.

Sotiris P. 2020. Against Agamben: Is a Democratic Biopolitics Possible? *Critical Legal Thinking*. URL: <https://criticallegalthinking.com/2020/03/14/against-agamben-is-a-democratic-biopolitics-possible/> (accessed 24.04.2023).

Bonch-Osmolovskaya A.A. 2018. Imena vremeni: epitety desyatiletij v nacional'nom korpuse russkogo yazyka kak proekcija kul'turnoj pamyati [Names of Time: Epithets of Decades in the National Corpus of the Russian Language as a Projection of Cultural Memory]. *Shagi*. 4(3-4). P. 115–146. (In Russian)

Gaydaev O.S. 2022. "Ostorozhno, bezopasnost'!" Teoriya (in)sekyuritizacii i Parizhskaya shkola issledovanij mezhdunarodnoj bezopasnosti ["Caution, Safety!" The Theory of (In)Securitization and the Paris School of International Security Studies]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(1). P. 7–37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37. (In Russian)

Zakharova E.A. 2020. Ot "Nacional'nogo Fronta" k "Nacional'nomu Ob"edineniyu" vo Francii: elementy rebrandinga partii [From Front National to Ressemblment National in France: Rebranding the Party image]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: politologiya*. 22(3). P. 475–486. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486. (In Russian)

Zakharova E.A. 2024. Razmezhevaniya v elektorat'nom prostranstve Germanii posle vyborov 2021 g.: prostranstvennyj analiz [Electoral Cleavages in Germany after 2021 Bundestag Elections: Spatial Analysis]. *Politicheskaya nauka*. №1. P. 98–126. DOI: 10.31249/poln/2024.01.04. (In Russian)

Luhmann N. 2001. *Vlast'* [Power]. Translated from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praksis. (In Russian)

Lyashevskaya O.N. Sharov S.A. 2009. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow: Azbukovnik. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (accessed 20.04.2024). (In Russian)

Nazarov M. M. 2022. Proizvodstvo soglasiya: ob'yasnitel'naya model' funkcionirovaniya media [The Production of Consent: An Explanatory Model for the Functioning of Media]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 28(4). P. 8–21. (In Russian)

Radina N.K. 2017. Psikhologiya i biopolitika: o perspektivakh mezhdisciplinarnykh issledovaniy [Psychology and Biopolitics: on the Prospects for Interdisciplinary Research]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 38(6). P. 98–109. (In Russian)

Radina N.K. 2021. Metodika identifikatsii kontekstual'nykh ideologem v cifrovom mediadiskurse (na primere mediadiskursa o pandemii COVID-19) [Methodology for Identifying Contextual Ideologemes in Digital Media Discourse (on the Example of Media Discourse on the COVID-19 Pandemic)]. *Vestnik MGU. Seriya 10. Zhurnalistika*. №5. P. 116–136. (In Russian)

Radina N.K. 2023. Medijnye modeli propagandy: pandemiya COVID-19 v russkoyazychnykh SMI s "drugim mneniem" [Media Models of Propaganda: the COVID-19 Pandemic in Russian-Language Media with a "Different Opinion"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. №4. P. 138–151. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.10>. EDN: SBFJII. (In Russian)

Foucault M. 2010. *Rozhdenie biopolitiki. Cikl lekcij, pročitannykh v Kollez de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics. A Series of Lectures Given at the College de France in the 1978–1979 Academic Year]. Translated to Russian by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)

Kharkevich M.V. Kasatkin P. I. 2011. Biopolitika i religiya v epokhu postmoderna [Biopolitics and Religion in the Postmodern Era]. *MGIMO Review of International Relations*. №6. P. 217–222. (In Russian)

Cifrovoe politicheskoe uchastie: effektivnost' elektoratnykh peticij internet-platform Change.org i ROI (rossijskaya i kross-kul'turnaya perspektivy) [Digital Political Participation: the Effectiveness of Electronic Petitions of the Internet Platforms Change.org and ROI (Russian and cross-cultural perspectives)]. 2019. Edited by N.K. Radina. St. Petersburg: Publ. House Nestor-Istoriya. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бонч-Осмоловская А.А. 2018. Имена времени: эпитеты десятилетий в Национальном корпусе русского языка как проекция культурной памяти. *Шаги*. 4(3–4). С. 115–146.

Гайдаев О.С. 2022. «Осторожно, безопасность!» Теория (ин)секьюритизации и Парижская школа исследований международной безопасности. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(1). С. 7–37. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-7-37

Захарова Е.А. 2020. От «Национального Фронта» к «Национальному Объединению» во Франции: элементы ребрендинга партии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: политология*. 22(3). С. 475–486. DOI 10.22363/2313-1438-2020-22-3-475-486

Захарова Е.А. 2024. Размежевания в электоральном пространстве Германии после выборов 2021 г.: пространственный анализ. *Политическая наука*. №1. С. 98–126. DOI: 10.31249/poln/2024.01.04

Луман Н. 2001. *Власть*. Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. Москва: Праксис.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. 2009. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. Москва: Азбуковник. 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 20.04.2024).

Назаров М.М. 2022. Производство согласия: объяснительная модель функционирования медиа. *Наука. Культура. Общество*. 28(4). С. 8–21.

Радина Н.К. 2017. Психология и биополитика: о перспективах междисциплинарных исследований. *Психологический журнал*. 38(6). С. 98–109.

Радина Н.К. 2021. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19). *Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика*. №5. С. 116–136

Радина Н.К. 2023. Медийные модели пропаганды: пандемия COVID-19 в русскоязычных СМИ с “другим мнением”. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 138–151. <https://doi.org/10.17976/jrpps/2023.04.10>. EDN: SBFJП

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. Перевод на русский язык: А.В. Дьяков. Санкт-Петербург: Наука.

Харкевич М.В., Касаткин П.И. 2011. Биополитика и религия в эпоху постмодерна. *Вестник МГИМО-Университета*. №6. С. 217–222.

Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций интернет-платформ Change.org и РОИ (российская и кросс-культурная перспективы). 2019. Под общ. ред.: Н.К. Радина. Санкт-Петербург: Издательство Нестор-История.

Киноиндустрия на службе политики идентичности ЕС

Е.В. Хахалкина, А.В. Вячистая

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Массовое кино может выступать инструментом влияния на общественное сознание, апеллируя к общим ценностям и коллективной исторической памяти и одновременно конструируя их, направляя в соответствующем целях политики русле. Отталкиваясь от существующего в литературе тезиса о том, что национальный кинематограф как элемент общекультурного кода может выступать в качестве фактора формирования и укрепления коллективной (социокультурной) идентичности, в настоящей статье авторы анализируют значение усилий Брюсселя по развитию собственной киноиндустрии в рамках конструирования коллективной идентичности Европейского союза. Авторы тестируют гипотезу о том, что для Евросоюза кинематограф выступает одним из способов конструирования своей идентичности через чувства сопричастности (или эмоциональной связи) жителей с объединением. Для этого авторы ставят перед собой цель выявить специфику механизма транслирования общих исторических и социальных нарративов в кинематографе Европейского союза. Методология исследования опирается на структуралистское понимание кинематографа (П. Уоллен, К. Мец). Авторы анализируют то, как на фоне образовавшегося на кинорынке в связи с «кризисом идей» в Голливудском кинематографе вакуума Европейский союз наращивает институциональные усилия по поддержке и продвижению европейского кинематографа. Этот анализ вписан в более широкий социально-политический контекст роста популярности массового кинематографа как формы досуга в период пандемии, а также обострения украинского кризиса и начала специальной военной операции, актуализирующих задачу по укреплению коллективной идентичности Европейского союза. Авторы приходят к выводу, что в современных условиях Евросоюз уделяет повышенное внимание киноиндустрии с целью использовать кинематограф в качестве инструмента трансляции нарративов, идей и ценностей, необходимых как для решения ситуативных задач по консолидации общественного мнения по тому или иному политическому вопросу (примером может служить в определённой степени обозначившаяся в 2022 г. «милитаризация» кинорынка как реакция на начало специальной военной операции), так и для достижения долгосрочной цели по укреплению общей идентичности Евросоюза. Однако возможности долгосрочного влияния на общественное мнение через кинематограф носят ограниченный характер по причине его быстрого переключения на другие тренды в соответствии со зрительским запросом.

УДК 316.774.43:327.5(4)

Поступила в редакцию: 19.03.2023

Принята к публикации: 19.12.2023

Ключевые слова: массовое кино, кинематограф ЕС, «Креативная Европа», идентичность Евросоюза, пандемия Covid-19, СВО, общественный дискурс.

В академическом сообществе существует консенсус относительно того, что массовый кинематограф, воздействуя на население через художественные образы и ассоциации, может служить инструментом ретрансляции нарративов, направленных на воспроизводство и сохранение общей исторической памяти и тем самым консолидацию населения¹. Апеллируя к коллективной памяти, к национальному прошлому, киноиндустрия способствует усилению чувства сопричастности и сопереживания внутри сообщества, ввиду того что кинематограф как самое массовое искусство способен формировать отношение зрителей к историческим событиям и историческую память (Пермякова 2016). Таким образом, киноиндустрия становится фактором формирования и укрепления коллективной идентичности (Туманов 2021; Уе 2024; Lee 2022; Osman, Redrobe 2022). Этот тезис находит подтверждение, в частности, в рамках разработки понятия «социокультурной идентичности», подразумевающей чувство сопричастности индивида к сообществу, выстраиваемому на общих культурных основаниях, общности социальных институтов и повседневных практик (Семененко 2017; Попова 2017; Чернышев 2017; Котта 2017). Подобное чувство формируется как посредством усвоения традиций и различных социальных практик, так и через воспроизводство общекультурного кода (Семененко 2017). Одним из элементов общекультурного кода естественным образом выступает национальный кинематограф.

Способность кинематографа оказывать влияние на процесс конструирования идентичности имеет двойственную природу. С одной стороны, массовое кино может быть использовано политиками в качестве инструмента воздействия для продвижения в массовом сознании необходимых государству ценностей и установок. Так, Р. Ванзо и Б. Руби Рич обращают внимание на нарастающие тенденции политизации мирового кинематографа как в процессе предпродакшна и постпродакшна лент, так и на крупнейших кинофестивалях (Wanzo 2022; Ruby Rich 2021; Ruby Rich 2022). С другой стороны, массовый кинематограф удовлетворяет запрос общества на саморефлексию по поводу актуальных событий во внутренней и внешней политике.

¹ Гайда Ф., Ефременко Д., Ломанов А., Миллер А., Тесля А., Филиппов А., Лукьянов Ф. 2019. «Историческая память – ещё одно пространство, где решаются политические задачи». К 75-летию окончания Второй мировой войны. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/istoricheskaya-pamyat-eshhe-odno-prostranstvo-gde-reshayutsya-politicheskie-zadachi/> (дата обращения: 25.05.2024)

Вопрос об идентичностном строительстве приобретает всё большую актуальность для Европейского союза. По мнению российский политолога И.С. Семеновко, конструируемая на уровне Евросоюза наднациональная идентичность является одним из ключевых условий его существования: поддержание чувства сопричастности объединению у его жителей должно способствовать укреплению внутреннего единства объединения и внешнеполитической сплочённости (Семеновко 2017; Семеновко 2016; Семеновко 2020; Семеновко 2021). Ряд авторов приходит к выводам о том, что посредством укрепления чувства общности культурных ценностей и символических практик, идентичность может стать одним из способов достижения внутреннего единства и инструментом для преодоления внешних вызовов (Большаков 2018; Викторова, Петренко 2018; Ливеровский 2018; Бикернице 2018).

На фоне кризисных явлений в киноиндустрии Голливуда, а также беспрецедентных мер по поддержке кинематографа, которые Европейский союз принял в связи с началом коронавирусной пандемии, в ЕС наблюдается бурный рост национальных и региональных киноиндустрий в том числе в их межстрановом взаимодействии в рамках ЕС (Tyree 2023; Ruby Rich 2022; Wanzo 2022). В настоящей статье авторы выдвигают гипотезу о том, что для Евросоюза кинематограф выступает одним из способов конструирования своей идентичности как чувства сопричастности (или эмоциональной связи) жителей с объединением.

Цель работы заключается в выявлении специфики механизма транслирования и укрепления общей идентичности через воспроизводство определённых исторических и социальных нарративов в кинематографе ЕС. Авторы исходят из представления о киноиндустрии как о сложной многоуровневой социально-политической системе. Методологическая рамка исследования определяется структуралистской парадигмой в соответствии с концепциями европейских исследователей кино а и К. Меца (Wollen 1972; Metz 1974). Также в работе использовался неформалистский подход Д. Бордвелла (Bordwell 2008), позволивший акцентировать внимание на внутренних переживаниях зрителей при просмотре картин о событиях Первой и Второй мировых войн.

Становление киноиндустрии ЕС на фоне «идейного кризиса» Голливуда

На протяжении второй половины XX в. происходило становление и развитие отдельных школ европейского кино — немецкого экспрессионизма, французской «новой волны» кинематографа, итальянского неореализма и т. д. Однако к 1990-м гг. стала наблюдаться актуализация «европейской кинематографической модели», призванной отобразить главные ценности и ориентиры европейской цивилизации (Самутина 2003: 11). Это происходило на фоне формирования единой политики в рамках ЕС, которое реактуализировало понятие «единой Европы» и наполнило европейскую идею новыми смыслами и задачами.

Однако большая часть европейского кинорынка в указанный период принадлежала Голливуду. Киноленты Соединённых Штатов наводнили европейские страны ещё после Второй мировой войны, что было одним из проявлений процессов американизации массовой культуры. Доминирование американской киноиндустрии, транслирующей принципы демократии и свободы, а также нарратив о военно-техническом превосходстве США, являлось для Вашингтона одним из инструментов влияния на сознание рядового потребителя и служило целям продвижения «мягкой силы» (Pells 1997).

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. способствовал изменению сложившейся ситуации. В частности, одним из следствий кризиса стало стремление продюсеров вкладываться в «проверенные проекты», которые не только смогут «отбиться» в прокате (то есть полностью покрыть расходы на кинопроизводство и продвижение), но и принести прибыль. Также к кризисным тенденциям в Голливудской киноиндустрии стоит отнести изменение политики крупных корпораций (Disney, 20th Century Studios, Universal Studios и др.) в отношении своих сотрудников. В частности, проявлением нового курса стало ухудшение условий труда. Принято считать, что наиболее пострадавшей категорией сотрудников стали сценаристы, выразившие своё недовольство через петиции и забастовки². Поэтому, начиная с 2010-х гг., крупные студии стали отдавать предпочтение выпуску сиквелов, приквелов и спин-оффов уже полюбившихся зрителям франшиз, существенно сократив долю независимых и экспериментальных проектов. Так, в середине 2010-х гг. корпорация Disney приняла решение о формировании «нового канона» известной киносериала «Звёздные войны»³. Однако поставленное во главу угла желание получить прибыль, эксплуатируя известный бренд, привело к вытеснению главных идей ленты о соотношении добра и зла и продвижению новой идеологии, основанной на современных либеральных принципах феминизма⁴.

² Littleton C., Maddaus G. 2023. Strike Chaos Consumes Hollywood: What Made Studios Balk and Writers Walk. *Variety*. 2 May. URL: <https://variety.com/2023/tv/features/writers-strike-2023-how-long-1235601720/> (accessed 04.04.2024);

Bloom D. 2023. How A Writers' Strike Could Kill Off Late Night Television. *Forbes*. 30 April. URL: <https://www.forbes.com/sites/dbloom/2023/04/30/would-a-long-writers-strike-kill-off-late-night-television-as-we-know-it/?sh=55045bde2edd> (accessed 04.04.2024);

Ford R., Rose L. 2017. 100 Days That Changed Hollywood: The Writers Strike, 10 Years Later. *Hollywood Reporter*. 18 May. URL: <https://www.hollywoodreporter.com/movies/movie-features/100-days-changed-hollywood-writers-strike-10-years-1111860/> (accessed 04.04.2024).

³ The Walt Disney Company Acquires Lucasfilm; Star Wars: Episode VII Set for 2015. *IGN*. 2012. 31 October. URL: <https://www.ign.com/articles/2012/10/30/the-walt-disney-company-acquires-lucasfilm-star-wars-episode-vii-set-for-2015> (accessed 04.04.2024).

⁴ Star Wars: Episode VII – The Force Awakens. User Reviews. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt2488496/reviews?ref_=tt_urv (accessed 21.04.2024);

Star Wars: Episode VIII – The Last Jedi. User Reviews. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt2527336/reviews?ref_=tt_urv (accessed 21.04.2024);

Star Wars: Episode IX – The Rise of Skywalker. User Reviews. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt2527338/reviews?ref_=tt_urv (accessed 21.04.2024).

Стремление руководителей киностудий к увеличению прибыли привело к возрождению феномена «эксплуатации воспоминаний». Например, появились многочисленные ремейки известных лент и особое направление киноиндустрии – покadroвой «лайф-экшн» экранизации ранее выпущенного материала. Так, в 2017 г. компания «Дисней» пересняла мультфильм «Красавица и чудовище», в 2019 г. состоялась повторная экранизация картин «Алладин» и «Король лев», в 2020 г. – «Мулан», а в 2023 г. – «Русалочки». Эти ленты в прокате собирали большие кассы (более 1 млрд долл.), однако получили посредственные отзывы критиков. Вторичность, копирование собственного прошлого, «растягивание» лент на несколько частей, а также создание серий приквелов и сиквелов к большинству успешных лент – всё это стало признаками «кризиса идей» в Голливуде.

Сложившаяся ситуация могла бы способствовать активизации киноиндустрии ЕС. Вместе с тем важно учитывать и тот факт, что— производственные мощности Голливуда, включающие в себя все этапы кинопроизводства от пре-продакшна до рекламы и представляющие собой отлаженную десятилетиями систему, по инерции оказывают доминирующее воздействие на мировой кинорынок. Кроме того, главные офисы крупнейших стриминговых сервисов (Netflix, HBO max, Amazon и др.) находятся в США и являются частью американской киноиндустрии, тем самым позволяя Голливуду даже в кризисные времена оставаться мощным конкурентом для региональных и национальных игроков.

Вместе с тем с начала 2010-х гг. Европейский союз стремится к развитию собственной киноиндустрии как инструменту воздействия на массовое сознание граждан. Как отмечает О.Г. Кривилева, политика Брюсселя в отношении кинематографа с 2000-х гг. выстраивалась так, чтобы продемонстрировать «многоликость Европы» и показать, что в XXI в. понятия о французской, британской, испанской и других национальных идентичностях устарели. Европейский союз видит кинематограф как один из новых методов формулирования / формирования общей культуры (Кривилева 2013), в качестве инструмента продвижения идеи о целостности и прочности интеграционного объединения (Thornborrow, Naarman, Duguid 2012: 1–35), как способ конструирования «чувства единения и сопричастности»⁵.

Однако для того чтобы посредством киноиндустрии действительно можно было продвигать необходимые идеи, Евросоюзу нужно было выстроить систему регулирования киноискусства и определить основные механизмы для дальнейшего взаимодействия между его элементами. В основу этой системы Европейский союз положил институциональный принцип, в соответствии с которым влияние на киноиндустрию осуществляется посредством создания

⁵ 2020 Annual Work Program for the Implementation of the Creative Europe Program. *European Commission*. URL: <https://culture.ec.europa.eu/sites/default/files/2021-07/2020-awp-ce-c20196151.pdf> (accessed 04.04.2024); 2018 Annual Work Program for the Implementation of the Creative Europe Program. *European Commission*. URL: <https://culture.ec.europa.eu/sites/default/files/2021-06/2018-awp-ce-c-2017-6002.pdf> (accessed 04.04.2024).

особых органов и программ. Старейшим инструментом Брюсселя для поддержки аудио- и видеосегментов на рынке искусств является Европейский фонд поддержки кино (EURIMAGES)⁶. Его работа сосредоточена на оказании финансовой поддержки художественным, анимационным и документальным фильмам, созданным в рамках совместного производства стран – участниц ЕС. Годовой бюджет организации составляет около 27,5 млн евро, который формируется посредством взносов государств-членов, а также за счёт доходов от предоставляемых кредитов.

Кроме того, с 2010 г. реализуется проект Midpoint-Institute, поддерживающий создание фильмов и сериалов, транслирующих ценности Евросоюза⁷. Для развития детского кинематографа был создан «Клуб европейских фильмов»⁸, в рамках которого проходят ежегодные конкурсы и фестивали в поддержку начинающих режиссёров. Внимание уделяется лентам, раскрывающим ценности гражданского общества, значимые вехи европейской истории, а также экологические проблемы⁹.

Главным рычагом для развития и продвижения киноиндустрии ЕС с 2014 г. служит «Креативная Европа»¹⁰ – проект, направленный на поддержку культуры и творчества стран – участниц ЕС. Реализация этой инициативы имеет целью поощрение сотрудничества в области культуры между странами – членами Европейского союза. Отдельно стоит отметить подпрограмму этого проекта «Креативная Европа. Медиа»¹¹, которая нацелена на распространение и популяризацию европейского киноискусства и стимулирование сотрудничества между странами-членами. В частности, одной из форм работы стало проведение ежегодных фестивалей «Ночь европейского кино», а также реализация проекта «Дни национальной культуры»¹². В приоритетные направления программы «Креативной Европы» были включены специальные проекты, целью которых является продвижение «европейского» образа жизни внутри ЕС

⁶ EURIMAGES – European Cinema Support Fund. *Council of Europe*. Culture and Cultural Heritage. URL: <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/eurimages> (accessed 21.04.2024).

⁷ Developing talents for the European film and series industry. *Midpoint Institute*. URL: <https://www.midpoint-institute.eu/en/our-mission-and-values> (accessed 21.04.2024).

⁸ The Future of European Film, co-created by young people. *European Film Club*. URL: <https://www.europeanfilmclub.org> (accessed 21.04.2024).

⁹ Ibid.

¹⁰ Creative Europe MEDIA Program. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/creative-europe-media>. (accessed 21.04.2024).

¹¹ MEDIA Sub-Program. *Culture and Creativity EU*. URL: <https://www.culturepartnership.eu/en/publishing/creative-europe/media-sub-programme> (accessed 21.04.2024);

¹² Creative Europe MEDIA events at the 68th edition of the San Sebastian International Film Festival. *European Commission*. 2020. September 18. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/creative-europe-media-events-68th-edition-san-sebastian-international-film-festival> (accessed 21.04.2024).

¹² European Cinema Night 2022. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-cinema-night> (accessed 21.04.2024);

Digital European Film Forum at the 2020 online edition of the Marché du Film. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/digital-european-film-forum-2020-online-edition-marche-du-film> (accessed 21.04.2024).

и за его пределами (проекты «центров наследия» и программа «ткань моей жизни»). К первичным результатам реализации данных программ, рассчитанных до 2027 г., можно отнести повышение школьной и студенческой мобильности, нацеленной на знакомство с различными национальными и культурными особенностями (в том числе через кинематограф)¹³, что должно способствовать более активному включению молодёжи в деятельность Евросоюза.

Таким образом, к настоящему моменту Европейский союз смог выстроить систему институтов для поддержки, развития и продвижения своего кинематографа. Главными инструментами стали фонды и организации, приоритетные программы которых нацелены на формирование и распространение контента о европейской истории, культуре, её многообразии, а также о достижениях Евросоюза. Кроме того, удаётся обеспечить гармоничное взаимодействие элементов национальной и общеевропейской культур что способствует укреплению представлений о национальной культуре как органичной части Европейского союза и, как следствие, должно усилить консолидацию внутри ЕС. На фоне сложившегося под воздействием «кризиса идей» в Голливуде вакуума на европейском кинорынке эффективная институционализация политики продвижения европейской киноиндустрии позволила заполнить этот вакуум европейскими кинолентами.

Кинематограф ЕС в условиях пандемии: новые возможности?

Пандемия коронавирусной инфекции, объявленная ВОЗ в марте 2020 г., привела к изменениям в законодательной политике Брюсселя в отношении кинематографа. В связи с введением ограничений на проведение массовых мероприятий, отмены кинотеатральных релизов ожидаемых лент и кинофестивалей, Еврокомиссия объявила об увеличении финансирования на разработку и реализацию отдельных программ, направленных на поддержку межгосударственного взаимодействия стран – участниц Евросоюза. Пандемия стала катализатором для формирования и реализации беспрецедентных мер по поддержке киноиндустрии.

Впервые вопросы регулирования аудиовизуального контента были затронуты в статье 167 Договора о функционировании Европейского союза (ТФЕУ), согласно которой Брюссель должен способствовать сотрудничеству между странами – участницами ЕС и, при необходимости, поддерживать их деятельность в области художественного и литературного творчества и кинематографии¹⁴.

¹³ Heritage Hubs project. *European Commission*. URL: <https://culture.ec.europa.eu/creative-europe/projects/priorities-2019-2024/9nglish9-way-of-life/heritage-hubs-project?> (accessed 21.04.2024).

¹⁴ Consolidated Version of The Treaty on the Functioning of the European Union (ТФЕУ). 2012. *Official Journal of the European Union*. 26 October. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF> (accessed 21.04.2024);

European parliament: Audiovisual and Media Policy. *European Parliament*. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/138/audiovisual-and-media-policy> (accessed 21.04.2024)

Первый законодательный акт, регулирующий аспекты киноискусства на территории Евросоюза, – Директива ЕС об аудиовизуальных медиауслугах (AVMSD), был принят в 1997 г.¹⁵. Впоследствии с 2016 по 2018 гг. в ЕС велись обсуждения судьбы данного проекта, итогом чего стало решение об увеличении на телевидении доли европейского контента до 30% и выше. Несмотря на эту декларацию, исполнение неоднократно откладывалось и игнорировалось странами – участниками ЕС. Однако с началом пандемии, на фоне которой увеличилось внимание к сетке телевидения, Евросоюз вновь озаботился вопросом исполнения соглашений 2018 г. (Lahusen 2021).

С марта 2020 г. Еврокомиссия неоднократно озвучивала тезис о том, что в сложившихся условиях ЕС должен стать единым рынком для производства и распространения контента (De Valck, Damiens 2023). М. Доусон, заместитель руководителя отдела аудиовизуальной индустрии и программ поддержки СМИ в Еврокомиссии, заявил, что кинопродукты Евросоюза должны не только «разбавлять американские блокбастеры», но и «путешествовать» – составлять конкуренцию для других киностудий в разных регионах мира. Отмена премьер крупнейших Голливудских блокбастеров способствовала укреплению позиций европейского кинематографа. На конференции «CineUrope» руководство программы «Креативная Европа» и руководители медиаотделов и корпораций стран – участниц Евросоюза достигли соглашения о расширении трансляции ЕС-контента на граничащие с объединением государства¹⁶. Предполагалось увеличение доли экспорта киноиндустрии в такие страны, как Северная Македония, Албания, Сербия, Черногория, Молдова и Босния и Герцеговина и другие. Также планировалось сокращение критики и/или негативных оценок в адрес сопредельных стран, что должно было работать на положительный образ Евросоюза, а также более активно включать не входящие в Евросоюз страны в общий культурный контекст.

Брюссель также выделил 1,5 млрд евро в качестве дополнительного финансирования Европейскому фонду поддержки кино (EURIMAGES)¹⁷, что более чем на 80% превышало предыдущие аналогичные затраты. В декабре 2020 г. Европарламент утвердил выделение 2,44 млрд евро на реализацию программы «Креативная Европа»¹⁸; для борьбы с последствиями пандемии в 2021 г. был

¹⁵ Audiovisual and Media Services. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/audiovisual-and-media-services> (accessed 21.04.2024)

¹⁶ UNIC Research: The impact of the Coronavirus outbreak on the European cinema industry. *The International Union of Cinemas*. URL: https://www.unic-cinemas.org/fileadmin/user_upload/Publications/Public_-_UNIC_research_-_Coronavirus_impact_on_the_cinema_industry_v96.pdf&ved=2ahUKEwj2MCM6cuFAxW2KhAIHW5YBWsQFnoECA8QAQ&usg=AOvVaw0JLqt5gLdkRco5hcbqym8l (accessed 21.04.2024)

¹⁷ EURIMAGES – European Cinema Support Fund. URL: <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/eurimages> (accessed: 21.01.2023).

¹⁸ The EU's Initiative to Redress the Effect of COVID-19 on the Entertainment Industry. *Europa Cinemas: Network Review #38*. 21.02.2021. URL: <https://www.natlawreview.com/article/eu-s-initiative-to-redress-effect-covid-19-entertainment-industry> (accessed 21.04.2024);

Europa Cinemas: Network Review #38. December 2021. P. 1–12.

создан «Фонд восстановления и устойчивости», бюджет которого составил 672 млрд евро (Nikoltchev 2022). Хотя фонд напрямую не финансирует систему кинопроизводства, он занимается распространением и популяризацией картин стран – участниц ЕС¹⁹.

Помимо этого, была расширена программа «Ночь европейского кино»²⁰, целью которой является распространение и популяризация местного кинематографа. Показателен рост численности городов – участников данной программы – с 34 площадок в 2018 г. до 67 в 2020 г. и 80 в 2021 г.²¹. Помимо количественного роста стоит отметить качественный: было увеличено общее количество фильмов, участвующих в показах, а также сделан акцент на трансляцию лент, снятых совместно несколькими странами ЕС.

В период пандемии Брюссель поддерживал имеющиеся механизмы регулирования и увеличивал финансирование собственных институтов киноиндустрии. Так, если действия ЕС были направлены на систему продвижения и распространения фильмов, то страны – участницы объединения сосредоточились на дополнительном финансировании кинопроизводства. В результате сложилась особая система поддержки, при которой за финансирование процесса подготовки и съёмки лент (препродакшн и кинопроизводство) отвечали киноиндустрии национальных стран, а постпродакшн и маркетинг оплачивался со стороны Брюсселя (по программе «Креативная Европа»). Такой подход смягчил «удары» пандемии, а также стал одной из причин последующего роста популярности национальных лент и совместных кинопроектов в прокате на территории Евросоюза²². Весной 2020 г. был утверждён план действий в области СМИ, подразумевавший увеличение финансирования картин и телепроектов, произведённых странами Евросоюза²³.

¹⁹ European Cinema Night 2022. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-cinema-night> (accessed 21.04.2024);

The European Film Forum. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/film-forum> (accessed 21.04.2024).

²⁰ Digital European Film Forum at the 2020 online edition of the Marché du Film. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/events/digital-european-film-forum-2020-online-edition-marche-du-film> (accessed 21.04.2024).

²¹ European Cinema Night 2020: cinemas offer virtual screenings to weather the crisis. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/european-cinema-night-2020-cinemas-offer-virtual-screenings-weather-crisis> (accessed 21.04.2024).

European Cinema Night 2022. *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-cinema-night> (accessed 21.04.2024);

²² Almost 70% of admissions to European films stemmed from low-grossing and mid-tier films in 2022. 2023. *European Audiovisual Observatory*. 14 December. URL: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/wy5m-8bRgOygg/content/almost-70-of-admissions-to-european-films-stem-from-low-grossing-and-mid-tier-films-in-2022 (accessed 25.04.2024).

²³ Coronavirus and the European film industry. Briefing. P. 1–12; UNIC Research: The impact of the Coronavirus outbreak on the European cinema industry. P. 1–106.

Подтверждением эффективности предпринятых ЕС мер по стимулированию киноиндустрии являются данные о процентном соотношении доли американских и европейских лент на кинорынке ЕС. Так, если на протяжении 2017–2019 гг. средняя доля голливудских фильмов составляла 62–66%, а европейских – 26–27%²⁴, то в 2020 гг. ситуация изменилась. В частности, доля фильмов, снятых на территории стран ЕС, увеличилась до 39,5%, а процент американских картин снизился до 49,5%²⁵. При этом важно подчеркнуть, что в условиях внешней и внутренней нестабильности с новой силой обострились вопросы о национальных и общих проблемах и ценностях жителей объединения. В результате на первый план вышли ленты, транслирующие идею об исторической и культурной общности стран ЕС: «Де Голль» (2020), «Сопrotивление» (2020), «Дети Уиндермира» (2020). Таким образом, ЕС прикладывает усилия по продвижению и популяризации собственного кинематографа как идейной альтернативы Голливуду.

СВО и её влияние на кинематограф ЕС

Хотя пандемия Covid-19 способствовала росту кинематографа Евросоюза, такие проблемы, как уменьшение кассовых сборов и временная остановка съёмочного процесса, не обошли стороной и европейское кино. Поэтому 2022 г. можно назвать периодом восстановления как кинематографа ЕС, так и мировой киноиндустрии. В странах Евросоюза были ослаблены коронавирусные ограничения на участие людей в массовых мероприятиях, в том числе и на посещение кинотеатров. Вполне закономерно, что общие кассовые сборы за год превысили 5,6 млрд евро (рост на 55,6% в сравнении с 2021 г.) (Nikoltchev 2022). Прибыль кинотеатров в Австрии в сравнении с 2021 г. увеличились на 96%, в Чехии – на 94%, а в Словении – на 149%²⁶, во Франции и в Германии сборы выросли на 62–92,5% (Nikoltchev 2022). Однако в целом кассовые сборы в 2022 г. всё ещё уступали доковидным годам в среднем на 34,4%, а общая посещаемость кинотеатров – на 40,3%²⁷.

²⁴ The circulation of EU non-national films. A sample study: Cinema, television and transactional video on-demand. 2017. *European Audiovisual Observatory (Council of Europe)*. Strasbourg. P. 1–141.

²⁵ Limited recovery of theatrical markets in the EU and the UK in 2021 – cinema attendance up by 31.5% year on year. 2022. *European Audiovisual Observatory*. 12 May. URL: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/wy5m8bRgOygg/content/limited-recovery-of-theatrical-markets-in-the-eu-and-the-uk-in-2021-cinema-attendance-up-by-31-5-year-on-year- (accessed 21.04.2024).

²⁶ Dams T. 2022. European cinemas suffered €19bn pandemic losses in 2020/21. *Screen Daily*. 12 June. URL: <https://www.screendaily.com/news/european-cinemas-suffered-19bn-pandemic-losses-in-2020/21/5171880.article> (accessed 21.04.2024).

²⁷ Cinema-Going in Europe in 2022 – European Cinemas Hit 55.6% Box Office Growth in 2022. 2023. *Unic Cinemas*. 14 February. URL: <https://www.unic-cinemas.org/en/resources/news/news-blog/detail/cinema-going-in-europe-in-2022-european-cinemas-hit-556-box-office-growth-in-2022/> (accessed 21.04.2024).

При этом сохранилась устойчивая тенденция к росту популярности кинокартин, произведённых в ЕС. В частности, прошедшие в 2022 г. Дни национального кино в рамках фестивалей европейской культуры получили больший отклик среди населения, чем в допандемийные годы. Так, во Франции более 3,2 млн чел посетили мероприятия, приуроченные ко Дню французского кино, что на 4% выше допандемийных показателей²⁸. Схожая ситуация наблюдалась в Германии, Италии, Греции, Польше и Нидерландах, в которых общее количество участников на национальных кинематографических мероприятиях возросло²⁹. Прирост носил незначительный характер, однако стабильное повышение показателей на 3–4%³⁰ в год демонстрирует, что всё больше граждан ЕС отдают предпочтение национальному кинематографу.

После пандемии серьёзным вызовом Евросоюзу стало обострение украинского конфликта. Начало специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 г. привело на первоначальном этапе к сплочению стран Евросоюза по вопросу поддержки Украины, отодвинув на второй и третий план большую часть существовавших разногласий (Хахалкина, Погорельская 2022). Одним из проявлений консолидации настроений внутри ЕС стала смена национальности героев фильма Г. Ричи «Операция Фортуна: искусство побеждать». Изначально в постановке режиссёра главными антагонистами ленты становились представители украинской мафии. Однако после начала СВО прокатчики выступили против этой кинокартины, выразив солидарность с жителями Украины и призвав автора изменить национальность антагонистов³¹. В итоге для того чтобы картина вышла в свет и получила возможность проката в кинотеатрах, из финального варианта ленты были убраны все упоминания украинцев. Ещё одним проявлением политизации кинематографа вокруг украинского кризиса стали выступления президента Украины В. Зеленского в качестве приглашённого спикера на различных кинофестивалях. Помимо этого, в середине 2022 г. «Креативная Европа» анонсировала и запустила программу по поддержке кинематографических проектов Украины³². Такие действия возможно трактовать как попытку

²⁸ Limited recovery of theatrical markets in the EU and the UK in 2021 – cinema attendance up by 31.5% year on year. 2022. *European Audiovisual Observatory*. 12 May. URL: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/wy5m8bRgOygg/content/limited-recovery-of-theatrical-markets-in-the-eu-and-the-uk-in-2021-cinema-attendance-up-by-31-5-year-on-year- (accessed 21.04.2024).

²⁹ Cinema-Going in Europe in 2022 – European Cinemas Hit 55.6% Box Office Growth in 2022. 2023. *Unic Cinemas*. 14 February. URL: <https://www.unic-cinemas.org/en/resources/news/news-blog/detail/cinema-going-in-europe-in-2022-european-cinemas-hit-556-box-office-growth-in-2022/> (accessed 21.04.2024).

³⁰ Limited recovery of theatrical markets in the EU and the UK in 2021 – cinema attendance up by 31.5% year on year. 2022. *European Audiovisual Observatory*. 12 May. URL: https://www.obs.coe.int/en/web/observatoire/home/-/asset_publisher/wy5m8bRgOygg/content/limited-recovery-of-theatrical-markets-in-the-eu-and-the-uk-in-2021-cinema-attendance-up-by-31-5-year-on-year- (accessed 21.04.2024).

³¹ Boshoff A. 2022. Guy Ritchie's new £125m spy thriller gets delayed 'to edit out nationality of Ukrainian gangster characters out of sensitivity to the ongoing war'. *Daily Mail*. 23 June. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-10947485/ALISON-BOSHOF-Guy-Ritchie-movie-gets-delayed-edit-nationality-Ukrainian-gangsters.html> (accessed 21.04.2024).

³² EU supports Ukraine through culture. *European Commission*. URL: <https://culture.ec.europa.eu/news/eu-supports-ukraine-through-culture> (accessed 21.04.2024).

использования европейского кинематографа в качестве одного из инструментов транслирования необходимых в конкретный момент времени нарративов в поддержку Украины. Соответственно, работая над формированием образа «хороших украинцев», Брюссель стремился к повышению консолидации не только на политической арене, но и с точки зрения коллективно разделяемых ценностей и установок.

С середины 2022 г. наметилась ещё одна тенденция – новая волна фильмов о войне. Наиболее показателен успех двух картин на кинорынке ЕС: американской киноленты «"Пиноккио" Гильермо дель Торо» (реж. В. дель Торо) и немецкой экранизации романа Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» (реж. Э. Бергер)³³. Так, первая лента получила специальный расширенный прокат на территории Евросоюза, а спонсорами второго фильма выступили как национальная киноиндустрия, так и «Креативная Европа». Фильмы получили высокую оценку как среди критиков (были показаны на Каннском фестивале во Франции, получили награды на ВАФТА и Кинопремии «Оскар»), так и среди зрителей в странах Евросоюза (множество положительных отзывов на сайте IMDb)³⁴. Картины посвящены событиям Первой мировой войны. Так, «"Пиноккио" Гильермо дель Торо» показывает, как менялась жизнь итальянского общества, начиная с авианалётов военного времени и заканчивая утверждением фашистского режима Б. Муссолини. Лента немецкого режиссёра Э. Бергера «На западном фронте без перемен» представляет собой взгляд рядовых солдат на военные действия с их последующим осуждением. В аналогичном антивоенном ключе выстроен кинематографический проект брюссельских режиссёров А. Паулевич и Ф. Фонтейна «Человек мира», получивший одобрение от программы «Креативная Европа» летом 2022 г. В центре картины – история профессора, который против своей воли стал официальным гидом А. Гитлера и Б. Муссолини³⁵.

Активное использование данных сюжетов неслучайно. Воспоминания о Первой и Второй мировых войнах, событиях Холокоста и ужасах нацизма и фашизма являются исторической травмой в коллективном прошлом стран ЕС. СВО способствовала возвращению нарратива в киноиндустрию (Лункин 2020; Фадеева 2021). Соответственно, включение нарративов о мировых войнах в актуальный контекст текущих событий, в особенности после начала СВО, представляет собой попытку воздействия на массовое сознание граждан Евросоюза

³³ All quiet on the Western front. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt1016150/?ref_=nv_sr_srsq_2 (accessed 21.04.2024); Guillermo del Toro's Pinocchio. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt1488589/?ref_=nv_sr_srsq_5 (accessed 21.04.2024).

³⁴ Guillermo del Toro's Pinocchio. User Reviews. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt1488589/reviews?ref_=tt_urv (accessed 21.04.2024);

All quiet on the Western front. User Reviews. *IMBD*. URL: https://www.imdb.com/title/tt1016150/reviews?ref_=tt_urv (accessed 21.04.2024).

³⁵ Stetina A. 2022. Film Commission funds 57 film projects in first half of 2022. *The Brussels Times*. 13 July. URL: <https://www.brusselstimes.com/254316/film-commission-funds-57-film-projects-in-first-half-of-2022> (accessed 21.04.2024).

с целью консолидации против общей угрозы. Выбирая близкие и понятные всем исторические сюжеты, Брюссель стремится к сплочению населения на более глубоком уровне – коллективной памяти. В условиях жёсткой антироссийской политики и призывов помощи украинским военным наблюдается поляризация медийных нарративов – разделение мира на «добро» и «зло», «чёрное» и «белое». На этом фоне обращение к событиям прошлого направлено не только на подкрепление позиций Евросоюза в отношении происходящего на Украине, но и на внутреннюю консолидацию жителей ЕС.

Симптоматично, что выход вышеперечисленных лент и их благосклонный приём со стороны зрителей Евросоюза в совокупности с, казалось бы, безоговорочным согласием с их антивоенной сущностью, контрастирует с возрастающим потоком поставок вооружения на Украину (Bosse 2022). Фактически, европейские политики продолжают вливать в конфликт всё новые средства, при этом заявляя о своей приверженности общегражданским и мирным ценностям. Все это в очередной раз демонстрирует наличие «двойных стандартов». Расширение проката таких лент коррелирует с военной риторикой политиков, призывающих к отправке всё новых видов вооружений в зону конфликта, а также с публикациями в СМИ, поддерживающими милитаристские настроения.

Переход украинского конфликта в военную фазу задал новую рамку осмысления настоящего и прошлого в кинематографе ЕС. Тем не менее, несмотря на рекламу и пиар указанных кинолент, а также активное обсуждение картин в социальных сетях и на страницах периодических изданий, сложно говорить о долгосрочном эффекте воздействия киноиндустрии на информационное поле стран ЕС. С одной стороны, кинематограф, проводя параллели между историческими травмами прошлого и современными событиями, может способствовать укреплению солидарности жителей Евросоюза. С другой же стороны, полученный от военной темы компонент в киноиндустрии ЕС имел довольно ситуативный характер – на смену сезону 2022 г. пришли ленты 2023 г, в которых помимо «военных» сюжетов поднимаются остро актуальные вопросы психического и ментального здоровья граждан³⁶.

Заключение

На протяжении десятилетий Брюссель выстраивал систему институтов (программ и фондов) для управления киноиндустрией, её развития и продвижения. В 2010-х гг. усилия ЕС по развитию собственной киноиндустрии получили дополнительный импульс ввиду того, что на кинорынке образовался

³⁶ Berlin International Film Festival, the winners of the 73rd edition. 2023. *International Audiovisual Market*. 28 February. URL: <https://www.miamarket.it/en/berlin-international-film-festival-the-winners-of-the-73rd-edition/> (accessed 21.04.2024);

The Awards of the 73rd Berlin International Film Festival. 2023. *Berlinale*. 25 February. URL: <https://www.berlinale.de/en/2023/news-press-releases/239432.html> (accessed 21.04.2024).

определённый вакуум вследствие «идейного кризиса» Голливудского кинематографа. Выход кино как формы досуга на передний план во время пандемии послужил дополнительным стимулом для динамичного развития кинематографа Евросоюза. Интенсивные меры, предпринятые ЕС для поддержки киноиндустрии в период пандемии, в целом показали свою эффективность и позволили кинематографу стран-членов успешно продемонстрировать потенциал по укреплению своих позиций как региональной киноиндустрии.

На текущем этапе Европейский союз стремится инструментализировать кинематограф в двух проекциях. В долгосрочной перспективе ЕС использует киноиндустрию в качестве инструмента воздействия на внутреннюю аудиторию с целью укрепления приверженности граждан ЕС общим установкам и ценностям. Для этого финансируемые Брюсселем программы развития кинематографа уделяют приоритетное внимание картинам, апеллирующим к исторической памяти и, таким образом, создающие у зрителей чувство сопричастности, эмоциональную связь с проектом единой Европы. Соответственно, кинематограф призван решить задачу по укреплению коллективной идентичности Евросоюза.

В краткосрочной перспективе продуманный курс в области киноиндустрии может служить для Брюсселя средством решения ситуативных политических задач. Иллюстрацией этому служит рост проката картин на военную тематику в 2022 г., как реакция на начало СВО. При этом, несмотря на то что массовый кинематограф может служить действенным средством для работы с общественным мнением, потенциал инструментализации кинематографа носит ограниченный характер, так как киноиндустрия по законам рынка вынуждена ориентироваться прежде всего на зрительский запрос.

Об авторах:

Елена Владимировна Хахалкина – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Email: ekhakhalkina@mail.ru

Анастасия Васильевна Вячислая – ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета. 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC 316.774.43:327.5(4)
Received: March 19, 2023
Accepted: December 19, 2023

Film Industry at the Service of EU Identity Politics

 E.V. Khakhalkina, A.V. Vyachistaya
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-150-169](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-150-169)

National Research Tomsk State University

Abstract: Mass cinema can act as a powerful tool for influencing public opinion by appealing to shared values and collective historical memory, while simultaneously constructing and guiding these elements in alignment with policy objectives. This article explores the thesis that national cinema, as an element of a common cultural code, plays a significant role in the formation and reinforcement of collective (socio-cultural) identity. Specifically, it examines the significance of Brussels' efforts to cultivate a robust film industry as part of the European Union's strategy for constructing a collective identity.

The authors test the hypothesis that cinema serves as a medium for fostering a sense of belonging and emotional connection among EU citizens. To this end, the study aims to uncover the specific mechanisms by which common historical and social narratives are conveyed through European Union cinema. The research methodology is grounded in a structuralist perspective on cinema (P. Wallen, C. Metz).

The article analyzes how the EU has intensified its institutional support and promotion of European cinema, particularly in response to the «crisis of ideas» in Hollywood, which has left a void in the global film market. This analysis is contextualized within the broader socio-political landscape, including the rising popularity of mass cinema during the pandemic and the heightened urgency for strengthening EU collective identity amid the Ukrainian crisis and the initiation of a special military operation.

The findings indicate that the EU is increasingly leveraging the film industry to disseminate narratives, ideas, and values critical for both situational objectives – such as consolidating public opinion on specific political issues (illustrated by the «militarization» of the film market in response to the 2022 military operation) – and long-term goals of fortifying the EU's collective identity. However, the long-term efficacy of cinema in shaping public opinion is constrained by its susceptibility to rapid trend shifts driven by audience preferences.

Keywords: mass cinema, EU cinema, Creative Europe Program, EU identity, Covid-19 pandemic, special military operation, social discourse.

About the authors:

Elena V. Khakhalkina – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Laboratory for Social and Anthropological Research, Professor at the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, Lenina pr., 36. Email: ekhakhalkina@mail.ru

Anastasia V. Vyachistaya – Junior Researcher at the Laboratory for Social and Anthropological Research, Assistant at the Department of New, Contemporary History and International Relations, National Research Tomsk State University. 634050, Tomsk, Lenina pr., 36.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Bordwell D. 2008. *Poetics of Cinema*. New York: Routledge. 512 p.
- Bosse G. 2022. Values, Rights, and Changing Interests: The EU's Response to the War against Ukraine and the Responsibility to Protect Europeans. *Contemporary Security Policy*. 43(3). P. 531–546.
- De Valck M. and Damiens A. (Eds.) 2023. *Rethinking Film Festivals in the Pandemic Era and After*. Cham: Springer Nature. 342 p.
- Lahusen C. 2021. *The Political Attitudes of Divided European Citizens Public Opinion and Social Inequalities in Comparative and Relational Perspective*. London: Routledge.
- Metz Ch. 1974. *Film Language: A Semiotics of the Cinema*. New York: Oxford University Press. 296 p.
- Naish S. L. 2022. Defining Post-Catastrophe Cinema. *Film International*. №19. P. 67–75.
- Nikoltchev S. 2022. *Yearbook 2021/2022. Key Trends: Television, Cinema, Video and on-Demand Audiovisual Services – the Pan-European Picture*. European Audiovisual Observatory. Strasbourg.
- Osman W. and Redrobe K. 2022. The Inclusions and Occlusions of Expanded Refugee Narratives: A Dialogue on Flee. *Film Quarterly*. 76(1). P. 23–34. DOI: 10.1525/fq.2022.76.1.23
- Pells R. 1997. *Not Like Us: How Europeans Have Loved, Hates and Transformed American Culture Since World War II*. New York: Basic Books. 352 p.
- Ruby Rich B. 2021. Stuttering Cinema, Stuttering Democracy, Stuttering Globalism. *Film Quarterly*. 75(1). P. 5–9. doi: 10.1525/fq.2021.75.1.5
- Ruby Rich B. 2022a. Cannes at Seventy-Five. *Film Quarterly*. 76(1). P. 86–92. DOI: 10.1525/fq.2022.76.1.86
- Ruby Rich B. 2022b. Don't Look Down: Film's COVID Prospects. *Film Quarterly*. 75(3). P. 5–11. DOI: 10.1525/fq.2022.75.3.5
- Thornborrow J., Haarman L. and Duguid A. 2012. Discourses of European identity in British, Italian, and French TV News. *European Identity: What the Media Say*. Oxford: Oxford University Press. P. 1–35.
- Tyree J.M. 2023. Specters of Brexit in Recent British Horror. *Film Quarterly*. 77(2). P. 10–19. DOI: 10.1525/fq.2023.77.2.10
- Ue T. 2024. When Worlds Collide. *Film International*. №21. P. 158–162.
- Wanzo R. 2022. Identity Remakes in and out of Time: Notes on “Scenes from a Marriage”. *Film Quarterly*. 75(3). P. 71–75. DOI: 10.1525/fq.2022.75.3.71
- Wollen P. 1972. *Signs and Meaning in the Cinema*. Indiana University Press. 175 p.
- Bikerniece A. 2018. Evolyutsiya yevropeyskoy politicheskoy identichnosti kak sotsialnogo konstrukta ES [The Evolution of European Political Identity as a Social Construct of the EU]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo*. №5. P. 23–29. (In Russian).
- Bolshakov S.N. 2018. Budushchee Yevropy i poiski yevropeyskoy identichnosti [The future of Europe and the search for European identity]. *Formirovanie sovremennoy yevropeyskoy identichnosti v ramkakh integratsii ES: sotsialnoe i kulturnoe izmereniya* [Formation of Modern European Identity within the Framework of EU Integration: Social and Cultural Dimensions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. P. 36–45. (In Russian).

Chernyshov Yu.G. 2017. Yevropeyskaya identichnost v istoricheskoy retrospektive [European identity in historical perspective]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Person, Society, Politics]. Edited by I.S. Semenenko, IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 171–183. (In Russian).

Fadeeva L. 2021. Sovremennye vyzovy politiki identichnosti v ES [Modern Challenges of Identity Politics in the EU]. *Sovremennaya Yevropa*. №7. P. 18–26. (In Russian).

Khakhalkina E.V., Pogorelskaya A.M. 2022. “Yevropa” VS “Yevropeyskiy Soyuz”: tochki razloma i soprikosnoveniya [“Europe” VS “European Union”: Points of Fracture and Contact]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. №78. P. 112–123. DOI: 10.17223/19988613/78/15. (In Russian).

Kotta M. 2017. Yevropeyskaya identichnost: sovremennye vyzovy [European Identity: Contemporary Challenges]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Person, Society, Politics], edited by I.S. Semenenko, IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 184–193. (In Russian).

Krivileva O.G. 2013. Poisk identichnosti v yevropeyskom kino [The Search for Identity in European Cinema]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*. №3. P. 158–168. (In Russian).

Liverovskiy A.A. 2018. Yevropeyskaya identichnost: konstitutsionnoe izmerenie [European identity: constitutional dimension]. *Formirovanie sovremennoy yevropeyskoy identichnosti v ramkakh integratsii ES: sotsialnoe i kulturnoe izmereniya: sbornik nauchnykh statey* [Formation of Modern European Identity within the Framework of EU Integration: Social and Cultural Dimensions: Collection of Scientific Articles]. Edited by E.V. Viktorova. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. P. 113–118. (In Russian).

Lunkin R.N. 2020. Budushchee yevropeyskoy identichnosti na fone koronakrizisa [The Future of European Identity against the Backdrop of the Corona Crisis]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. 10(93). P. 1–6. (In Russian).

Permyakova A.A. 2017. Kinematograf kak mekhanizm vliyaniya gosudarstvennoy kulturnoy politiki na formirovanie istoricheskoy pamyati rossiyan [Cinema as a Mechanism for Influencing State Cultural Policy on the Formation of Historical Memory of Russians]. *Kulturnaya pamyat i kulturnaya identichnost: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii molodykh uchyonykh (XI Kolosnitsynskie chteniya)* [Cultural Memory and Cultural Identity: materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference of young scientists (XI Kolosnitsyn Readings)]. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. P. 137–141. (In Russian).

Popova O.V. 2017. Teoretiko-metodologicheskie podkhody i modeli kontseptualizatsii identichnosti [Theoretical and Methodological Approaches and Models of Identity Conceptualization]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Person, society, politics], edited by I.S. Semenenko, IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 44–50. (In Russian).

Samutina N.V. 2003. *Sovremennoe yevropeyskoe kino i ideya kultury (“proshlogo”)* [Contemporary European Cinema and the Idea of Culture (“past”)]. Moscow: HSE. 234 p. (In Russian).

Semenenko I.S. 2016. Politika identichnosti i identichnost v politike: etnonatsionalnye kursy, yevropeyskiy kontekst [Identity Politics and Identity in Politics: Ethnonational Perspectives, European Context]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. №4. P. 8–28. (In Russian).

Semenenko I.S. 2017a. Grazhdanskaya identichnost [Civic Identity]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Person, society, politics], edited by I.S. Semenenko, IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 354–358. (In Russian).

Semenenko I.S. 2017b. Kategoriya identichnosti v sotsialnykh naukakh: ponyatie, kognitivnyy potentsial, priorityty issledovaniy [The Category of Identity in Social Sciences: Concept, Cognitive Potential, Research Priorities]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Person, Society, Politics], edited by I.S. Semenenko, IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 18–33. (In Russian).

Semenenko I.S. 2017c. Kulturnaya, sotsiokulturnaya, tsivilizatsionnaya identichnost [Cultural, Sociocultural, Civilizational Identity]. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Person, Society, Politics], edited by I.S. Semenenko, IMEMO RAN. Moscow: Ves Mir Publishing House. P. 312–318. (In Russian).

Semenenko I.S. 2020. Politika pamyati v Yevrope i yevropeyskaya politika pamyati: narrativy i orientiry [Memory Policy in Europe and European Memory Policy: Narratives and Guidelines]. *Izvestiya AltGU*. 6(116). P. 62–67. (In Russian).

Semenenko I.S. 2021. Kontsept razdelennykh obshchestv v sovremennoy politicheskoy nauke [The Concept of Divided Societies in Modern Political Science]. *Rossiya i politicheskiy poryadok v menyayushchemsya mire: tsennosti, instituty, perspektivy* [Russia and Political Order in a Changing World: Values, Institutions, Perspectives]. Moscow: Aspekt Press. P. 452–453. (In Russian).

Sheremet A.N. 2009. Sotsiologiya kino dlya vsekh [Sociology of Cinema for Everyone]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. №4. P. 150–154. (In Russian)

Tumanov A.I. 2021. Otechestvennyy kinematograf i ego znachenie v formirovaniy natsionalnoy identichnosti [Domestic Cinema and Its Significance in the Formation of National Identity]. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*. 27(3). P. 35–49. (In Russian).

Viktorova E.V., Petrenko D.A. 2018. Osnovy obshchey integratsionnoy politiki ES v otnoshenii migrantov [Foundations of the EU's General Integration Policy towards Migrants]. *Formirovaniye sovremennoy yevropeyskoy identichnosti v ramkakh integratsii ES: sotsialnoe i kulturnoe izmereniya* [Formation of Modern European Identity within the Framework of EU Integration: Social and Cultural Dimensions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. P. 50–57. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Алиев Р. А. 2023. Водная безопасность в контексте устойчивого управления трансграничными водными ресурсами в Каспийском регионе. *Вестник МГИМО-Университета*. №16(5). С. 71–98. URL: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-77-104> (дата обращения: 27.04.2024).

Бикерниче А. 2018. Эволюция европейской политической идентичности как социального конструктора ЕС. *Общество: политика, экономика, право*. №5. С. 23–29.

Большаков С.Н. 2018. Будущее Европы и поиски европейской идентичности. *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. С. 36–45.

Викторова Е.В., Петренко Д.А. 2018. Основы общей интеграционной политики ЕС в отношении мигрантов. *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. С. 50–57.

Котта М. 2017. Европейская идентичность: современные вызовы. *Идентичность: Личность, общество, политика*. отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство Весь мир. С. 184–193.

Кривилева О.Г. 2013. Поиск идентичности в европейском кино. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. №3. С. 158–168.

Ливеровский А.А. 2018. Европейская идентичность: конституционное измерение. В книге: *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения: сборник научных статей*. под ред., канд. экон. наук Е. В. Викторовой. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ. С. 113–118.

Лункин Р.Н. 2020. Будущее европейской идентичности на фоне коронакризиса. *Аналитические записки ИЕ РАН*. 10(193). С. 1–6.

Пермякова А.А. 2017. Кинематограф как механизм влияния государственной культурной политики на формирование исторической памяти россиян. *Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых учёных (XI Колосницинские чтения)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 137–141.

Попова О.В. 2017. Теоретико-методологические подходы и модели концептуализации идентичности. *Идентичность: Личность, общество, политика*. отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство Весь мир. С. 44–50.

Самутина Н.В. 2003. *Современное европейское кино и идея культуры ("прошлого")*. Москва: ГУ ВШЭ. 234 с.

Семенов И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 8–28.

Семенов И.С. 2017а. Гражданская идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика*. отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство Весь мир. С. 354–358.

Семенов И.С. 2017в. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований. *Идентичность: Личность, общество, политика*. отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство Весь мир. С. 18–33.

Семенов И.С. 2017с. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика*. отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство Весь мир. С. 312–318.

Семенов И.С. 2020. Политика памяти в Европе и европейская политика памяти: нарративы и ориентиры. *Известия АлтГУ*. 6(116). С. 62–67.

Семенов И.С. 2021. Концепт разделённых обществ в современной политической науке. *Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы*. Москва: Аспект Пресс. С. 452–453.

Туманов А. И. 2021. Отечественный кинематограф и его значение в формировании национальной идентичности. *Наука. Культура. Общество*. 27(3). С. 35–49.

Фадеева Л. 2021. Современные вызовы политики идентичности в ЕС. *Современная Европа*. №7. С. 18–26.

Хахалкина Е.В., Погорельская А.М. 2022. «Европа» vs «Европейский союз»: точки разлома и соприкосновения. *Вестник Томского государственного университета. История.* №78. С. 112–123. DOI: 10.17223/19988613/78/15.

Чернышов Ю.Г. 2017. Европейская идентичность в исторической ретроспективе. *Идентичность: Личность, общество, политика.* отв. ред. И.С. Семенов; ИМЭМО РАН. Москва: Издательство Весь мир. С. 171–183.

Шермет А.Н. 2009. Социология кино для всех. *Высшее образование в России.* №4. С. 150–154.

Помощь вооружённым силам на Юге России со стороны Антанты (конец 1918 – 1919 гг.)

Г.Г. Попов¹, Т.Г. Чшиев², О.Ю. Казенков^{3,4}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

² Московский институт современного академического образования

³ Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

⁴ Институт Китая и современной Азии Российской академии наук

В настоящей статье анализируется недостаточно освещённая страница истории Гражданской войны в России на самом сложном её этапе конца 1918 – 1919 гг.: снабжение белых армий Юга со стороны Антанты на фоне осуществления последней военной интервенции. Авторы сосредоточили своё внимание на отношениях режима генерала А.И. Деникина с властями Великобритании, которая была главным инициатором интервенции Антанты в Россию, а также на обстоятельствах интервенции французских вооружённых сил.

Данное исследование основано преимущественно на документах из фондов Российского государственного военного архива, которые были созданы штабными офицерами белых армий Юга России, а также из фондов Национального архива Великобритании. Такая источниковая база позволила переоценить некоторые устоявшиеся в отечественной историографии положения относительно интервенции Антанты в зоне Чёрного моря. Цель настоящего исследования сводится к определению масштабов, характера и значения помощи Антанты.

В частности, в постсоветской историографии утвердилось мнение, что экономическое преимущество в снабжении войск оружием и боеприпасами большую часть Гражданской войны имела Красная армия. Как показано в работе, поставки из стран Антанты были немалыми, притом важную роль в конце 1918 – 1919 гг. сыграло применение белыми зарубежных вооружений и техники. Однако ключевую роль, по мнению авторов исследования, имел фактор времени поставок. Пик военно-технической помощи Антанты Вооружённым силам Юга России (ВСЮР) пришёлся на период, когда Красная армия уже окрепла, получив достаточную огневую мощь. Из-за сравнительно долгой процедуры выработки стратегических решений кабинетом министров Великобритании в условиях английских демократии и бюрократической системы по поводу помощи Белому Югу помощь войскам Деникина запоздала.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белый Юг, интервенция в Россию, генерал А.И. Деникин, большевизм, Красная армия, Белое движение

УДК: 947.084

Поступила в редакцию: 17.02.2024

Принята к публикации: 15.06.2024

Гражданская война в России является одной из наиболее сложных и противоречивых страниц в истории страны. Вопросы, связанные с поражением Белого движения, продолжают вызывать значительный интерес как среди историков, так и среди широкого круга исследователей. В последние десятилетия доминирующей точкой зрения было объяснение краха белых превосходством левой идеологии и политической слабостью белых лидеров на фоне общего кризиса. Однако военно-экономические и военно-технические аспекты этого конфликта долгое время оставались на периферии исследований.

Одним из малоизученных аспектов является роль помощи Антанты Белым армиям на юге России в 1918–1919 гг. Изучение этого вопроса особенно важно, поскольку военная и материальная поддержка со стороны западных союзников, таких как Великобритания и Франция, имела значительное влияние на исход боевых действий. В своей работе мы сосредоточимся на взаимоотношениях между режимом генерала А.И. Деникина и британскими властями, которые были основными инициаторами интервенции Антанты в Россию, а также на обстоятельствах вмешательства французских вооружённых сил.

Цель данного исследования — определить масштаб и характер помощи Антанты Белому движению и выяснить, почему эта помощь не привела к победе белых.

В основу данного исследования положен комплексный подход, включающий анализ архивных документов, статистических данных и мемуарной литературы. Основными источниками являются документы Российского государственного военного архива и Национального архива Великобритании. Такой подход позволяет не только переоценить некоторые устоявшиеся положения российской историографии, но и выявить новые аспекты взаимодействия между белыми армиями и Антантой.

В работе использованы методы исторического анализа, включая сравнительно-исторический метод для сопоставления различных точек зрения и интерпретации фактов, и качественный контент-анализ для изучения архивных документов. Методологическая основа исследования позволила систематизировать данные и выявить ключевые факторы, повлиявшие на исход боевых действий.

Статья состоит из нескольких разделов. В разделе «Историография и источники» представлен краткий обзор литературы и анализ используемых источников. Основной раздел статьи посвящён детальному рассмотрению помощи Антанты Белому движению, в том числе военно-технической и материальной поддержке. Особое внимание уделяется влиянию этой помощи на ход военных действий и причин, по которым она не привела к победе белых. В заключении подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Историография и источники

Долгое время, включая постсоветский период, считалось, что поражение белых было обусловлено превосходством левой идеологии в России на фоне идеологического кризиса в стане белых (Ганин 2011; Плотников 2002: 123–128), при этом военно-экономические и военно-технические факторы побед и поражений сторон оказались на периферии изучения Гражданской войны в России. В своей фундаментальной работе о Гражданской войне А.В. Ганин (Ганин 2018) очень мало внимания уделяет военной и материальной помощи белым со стороны Антанты. Как мы считаем, и как описал Г.Г. Попов в своей книге (см. подробнее: Попов 2017: 191), до осени 1919 г. РККА, за исключением отдельных частей, имела невысокую боеспособность. Вопрос о причинах, по которым при такой боеспособности РККА победила в Гражданской войне, остаётся мало изученным. Этот вопрос выходит за пределы предмета нашего анализа, но вклад в его решение, уверены, данная работа должна внести.

В своей обширной монографии про Добровольческую армию известный историк Белого движения А.С. Пученков (Пученков 2021) не стал углубляться в военно-технические вопросы сотрудничества добровольцев с Антантой и в вопросы логистики.

В.Ж. Цветков делает акцент на политических причинах кризиса и окончательного поражения белых, включая ВСЮР (Цветков 2019: 592–599). Политико-правовой подход в анализе развития Белого движения, разумеется, необходим, но не стоит игнорировать военно-технические и военно-хозяйственные вопросы, включая поставки и применение иностранных вооружений и техники. В.Ж. Цветков полагает, что интервенция была продолжением Первой мировой войны: такая позиция согласуется с концепцией Р. Ульмана, согласно которой интервенция Британии отражала скорее частную инициативу, нежели общегосударственный интерес (Ullman 1968). Этот тезис, однако, противоречит тому факту, что интервенция Антанты на Юге России происходила уже после заключения перемирия, и, судя по материалам изученных нами архивных документов, британское и французское командование не намеревались вести боевые действия в южных губерниях бывшей Российской империи, кроме как для обороны Грузии и Азербайджана, притом в начале 1919 г. англичане начали сворачивать своё военное присутствие и в Закавказье. Смысл появления войск Антанты в портах бывшей Российской империи на Чёрном море ясен: обозначить своё военное присутствие с целью усиления политического влияния в регионе, избегая активных боевых действий, за исключением самозащиты.

Представляется важным отличать интервенцию от военно-экономической помощи со стороны Антанты. В последнем случае ряд политиков, включая У. Черчилля, стремились к уничтожению Советской России. На наш взгляд, В.Ж. Цветков уделяет чрезмерное внимание отношениям между белыми

правительствами и США, тогда как центральную роль в оказании помощи Белому движению играла Великобритания. Труд В.Ж. Цветкова, небезосновательно претендующий на почти исчерпывающее объяснение краха Белого движения, содержит мало статистики, в силу чего сложно понять собственно военные причины поражения белых.

Среди авторов, которых нельзя отнести к апологетам большевизма и коммунистов, в последнее время возобладало мнение, что белые потерпели поражение под действием ряда причин, весомую роль среди которых играла идеология, хотя только ею объяснять успехи РККА нельзя. В постсоветский период некоторые отечественные историки к причинам поражения Белого движения относят, в числе прочих, экономические, указывая, что основная часть военной промышленности в Москве и Петрограде находилась под контролем большевиков (Иванов 2003). Известный исследователь Белого движения С.В. Карпенко также склоняется к экономическому объяснению поражения Белого Юга (Карпенко 2015). Из работ С.В. Карпенко можно сделать вывод, что механизмы мобилизации ресурсов и их распределения у белых на Юге работали хуже, чем у большевиков.

Между тем сторонники данной идеи не учли двух обстоятельств. Во-первых, после марта–мая 1918 г. большая часть советской промышленности находилась в кризисном состоянии, производство вооружений и боеприпасов свелось к минимуму в сравнении с периодом Первой мировой войны, особенно в 1916 г.: выпуск новейших вооружений — броневиков, самолётов, тяжёлых орудий и грузовиков — почти прекратился, в то время как Белые армии стали получать из стран Антанты новейшую военную продукцию, включая танки. Во-вторых, значительное количество вооружений с весны по сентябрь 1917 г. было вывезено на фронты Первой мировой войны и досталось в основном немцам либо (частично) белым формированиям. Опыт боёв с немецкими и австрийскими интервентами в восточных регионах Украины весной 1918 г. показывает, что большевикам удалось эвакуировать совсем немного армейского имущества бывших Юго-Западного и Румынского фронтов (это было связано в основном с дезорганизацией работы железных дорог и всей системы снабжения старой армии в последнем квартале 1917 г. – январе 1918 г., в декабре 1917 г. старая армия вовсе прекратила существование). Почти все броневики Юго-Западного фронта достались в Киеве и других городах юго-западных губерний немцам. Ещё до взятия 2 марта 1918 г. (по старому стилю) Киева немецкие и австро-венгерские военные власти стали передавать трофейное имущество украинским националистическим формированиям, этот процесс продолжился и после 2 марта. Во второй половине лета 1918 г. немецкие офицеры сформировали Южную армию, полностью оснастив её трофеями. Германская армия оказывала материальную помощь также Донской армии П.А. Краснова, аналогичным образом немецкие военные власти действовали в Прибалтике. Склады боеприпасов

и вооружений Черноморского флота в Крыму и других регионах Юга почти полностью перешли под контроль германской армии. Огромные запасы армейского имущества в Архангельске оказались в руках британских интервентов. И если белые режимы съедала коррупция, то у большевиков часто работали неэффективные или малоэффективные управленческие практики, которыми изобилвала, например, Продразвёрстка, провоцировавшая среди крестьян недовольство Советской властью, нередко переходившее в вооружённые восстания.

В 1918 — начале 1919 гг. военно-промышленная политика большевиков продемонстрировала неспособность обеспечить РККА на уровне, соответствовавшем новым военно-политическим задачам. Это показали, например, неудачи красных соединений в Прибалтике в первом квартале 1919 г. Напротив, белые поправили своё положение, а к лету того же года на некоторых направлениях боевых действий добились превосходства над РККА по ряду пунктов в вооружениях, в основном за счёт зарубежных поставок.

Кроме вооружений и боеприпасов, важнейшую роль на войне играет численность и качество личного состава. В 1918 г. РККА испытывала трудности с мобилизацией (если сравнивать с мобилизацией в РСФСР последнего квартала 1919–1920 гг.), а численность белых, напротив, с конца 1918 г. начала возрастать, правда, на Юге не столь значительно, что было связано с большими потерями у донских казаков. Однако с марта 1919 г. начался обратный процесс: мобилизации в белые армии неудачны, а РККА значительно улучшает свой людской потенциал (Гагкуев 2012), что было обусловлено политическими и, в большей степени, экономическими причинами. В белых армиях с весны 1919 г. наблюдался развал дисциплины (Салдугеев 2015), а в РККА — её укрепление, особенно в войсках, сражавшихся против сил А.В. Колчака.

С апреля 1919 г. в Красной армии заметно снизилось дезертирство (Долгова 2008: 43), хотя полностью эта проблема не была решена. «Масштабы дезертирства в годы Гражданской войны поражают: из более чем пятимиллионной Красной армии (на 80% состоявшей из крестьян) до 3 710 000 чел. составляли дезертиры, что предопределило создание в декабре 1918 г. особых структур — дезерткомов (Центральной и губернских комиссий по борьбе с дезертирством)» (Сухова 2016: 39). Таким образом, по эффекту от мобилизации РККА не имела существенного преимущества перед белыми, притом качество личного состава белых войск зачастую было выше, что компенсировало дефицит бойцов.

Л. Кописто на основе английских источников относительно подробно рассмотрела поставки товаров военного назначения из Великобритании белым Юга¹, но в этой работе недостаточно внимания уделено логистике и прочим военно-экономическим вопросам, а приведённые цифры требуют уточнения по

¹ Kopisto L. 2011. The British Intervention in South Russia 1918–1920. Helsinki, Historical Studies from the University of Helsinki XXIV. Academic Dissertation.

британским и российским архивным материалам. Помимо работы Л. Кописто, центральным источником настоящего исследования выступают документы штаба ВСЮР из фондов Российского государственного военного архива.

В российской историографии лишь недавно стали обращать внимание на поведение западных политических элит, чем объясняется лояльное либо нейтральное отношение многих влиятельных политиков к Ленину и российскому большевизму (Васильев 2019).

Среди часто цитируемых работ по интервенции выделим несколько исследований. К. Кинвиг (Cinvig 2006) в своей работе сосредоточил внимание на противоречиях по вопросу об интервенции в России между У. Черчиллем и Ллойд Джорджем. Напомним, что изначально Адмиралтейство стремилось минимизировать масштабы интервенции, а Форин офис занимал неоднозначную позицию по русскому вопросу. В том, что касается отношений между Великобританией и режимом Деникина, К. Кинвиг даёт мало ссылок на источники, поэтому его вывод о том, что по отношению к южным территориям бывшей Российской империи у Британии не было никакой политики (Cinvig 2006: 93), на наш взгляд, субъективен. В реальности британская политика сводилась к поддержке (при юридическом непризнании) закавказских правительств и режима Горской республики в условиях пребывания в Закавказье британских воинских контингентов. Одновременно наращивались поставки всего необходимого ВСЮР. Британские дипломаты чутко реагировали на успехи или неудачи ВСЮР: когда Деникин побеждал, британцы начинали вести себя сдержанно по отношению к закавказским режимам и Горской республике — и наоборот. Прямое военное вмешательство даже в Закавказье и в Дагестане Военный кабинет сразу ограничил, а позже планировал вывод британских войск из региона ввиду необходимости укрепить позиции империи на Ближнем Востоке, в Индии и на территории бывшей Османской империи. Утверждение Кинвига, что Антанта не хотела возврата Закавказья в состав России (Cinvig 2006: 93), видится нам преувеличением, поскольку и после ввода войск Лондон официально не признавал режимы Закавказья. Отторжение региона от России рассматривалось как один из вариантов развития политической ситуации. О поставках вооружений и техники Кинвиг пишет расплывчато, не придавая им большого значения для боевых действий ВСЮР (Cinvig 2006: 108), что вызывает у нас возражения.

Канадский историк И. Моффэт также делает акцент на противоречиях между У. Черчиллем и Ллойд Джорджем, выступавшим против интервенции в Россию. Моффэт считает, что Великобритания проводила в русском вопросе самостоятельную, хотя и не чётко сформулированную, политику, тогда как единая политика Антанты по отношению к России отсутствовала (Moffat 2015: 188, 197). В публикации подтверждены серьёзные противоречия между Деникиным и командованием французских сил в Причерноморье (Moffat 2015: 199). Поражение французских войск под Одессой 19 марта 1919 г. автор объясняет

отказом французского командования сотрудничать в военных вопросах с режимом Деникина (Moffat 2015: 199). Анализ материальной помощи ВСЮР со стороны Британии у Моффэта не представлен.

Для изучения темы нашего исследования полезной оказалась работа английского военного историка Р. Джексона (Jackson 1972: 130), который описал принятие Военным кабинетом решения провести интервенцию в зоне Чёрного моря. Начальник Имперского генерального штаба генерал Г. Вильсон доказывал, что в интересах Англии поставить под контроль Батуми и порты севернее для обеспечения коммуникаций с Закавказьем, в частности, с Баку. Его поддержал начальник оперативного отдела генерал-майор Редклифф, который считал южное направление более перспективным для поддержки белых, поскольку по климатическим условиям русский Север значительную часть года недоступен. При этом Имперский генеральный штаб категорически отверг отправку в помощь Деникину большого количества войск: планировалось ограничиться отправкой малых подразделений общей численностью менее одной расчётной дивизии. Такую помощь было решено заменить отправкой вооружений и прочих военных грузов. В итоге вместе с авиационным полком №47 участие в Гражданской войне на Юге, не считая Закавказья, приняли в разной форме приблизительно 2 600–2 700 британцев, в основном инструкторы учебных подразделений. Джексон не приводит полных данных о поставках английских вооружений и боеприпасов ВСЮР, упоминая о нескольких батареях, оказавшихся во фронтовых частях белых, и о том, что большая часть вооружений осталась в Новороссийске из-за сложности вывоза оттуда грузов в силу расстройтва российских железных дорог в южных губерниях (Jackson 1972: 176). Но данное положение вызывает сомнения, принимая во внимание, что танковые отряды ВСЮР были укомплектованы десятками машин, полученных через Новороссийск. Технически транспортировка бронетехники по железным дорогам в то время была сложнее, чем, например, пулемётов. Кроме того, из отчёта военной миссии Великобритании при штабе Деникина следует, что большая часть вооружений попала в действующие части, хотя мы не можем этого утверждать применительно к боеприпасам, так как их забирали представители боевых соединений ВСЮР непосредственно в Новороссийске с борта судна².

Джексон указывает, что Ллойд Джордж и Вудро Вильсон не были настроены решительно против большевиков, в связи с чем предложили в январе 1919 г. провести при своём посредничестве мирные переговоры между белыми и красными.

Напротив, французская позиция, принятая по настоянию премьер-министра Ж.Б. Клемансо, заключалась в прямой поддержке белых в Причерноморье. Предполагалось создать заслон из двенадцати дивизий, в тылу которого

² CAB/24/94/20. Report of the British military mission, South Russia.

Деникин подготовил бы мощный удар в излучине Дона. Однако в конце 1918 г. в Одессу прибыл лишь небольшой французский контингент, фактически расчётный полк, причём французская эскадра, вопреки планам своего командования, поддержала добровольцев во время боя с петлюровцами, по итогам которого последние оставили город (Jackson 1972: 131). Согласно данным Джексона, в декабре 1918 – январе 1919 гг. французское командование перебросило через Одессу в Северное Причерноморье примерно 80 000 солдат и офицеров, причём в составе этих сил были греки и румыны (Jackson 1972: 172). Клемансо со временем отказался от плана масштабного вторжения в Россию для поддержки белых, сочтя его нереализуемым с военной точки зрения.

В серьёзной работе С.А. Миронюка³, посвящённой интервенции Антанты, мало количественных данных, из-за чего непонятно, была ли помощь белым со стороны Великобритании действенной. По поводу влияния английских социалистов и спровоцированного ими движения в поддержку РСФСР Миронюк ограничился повтором общих положений о рабочих протестах на Западе против интервенции.

В российской и зарубежной историографии преобладает мнение, что интервенция Антанты была обусловлена почти исключительно задачами борьбы с Центральными державами (Иванов 2012; Сернеев 2019; Рябов, Нефедов 2019). В мемуарах военных лидеров ВСЮР по поводу экономической и военно-технической помощи Белому движению со стороны Антанты содержится мало информации. П.Н. Врангель обвинял Ллойд Джорджа в оставлении белых армий Юга без поддержки в конце Гражданской войны⁴. Начальник штаба Деникина П.С. Махров⁵ взаимоотношения между французским командованием и А.И. Деникиным характеризовал как напряжённые. Французские офицеры считали Деникина и его добровольцев реакционерами и не желали сражаться на стороне белых. Махров полагал, что у белых был шанс на победу даже в конце 1919 г. при условии благоприятного развития политической ситуации в России⁶.

Для нашего исследования представляют интерес мемуары бывшего унтер-офицера бронепоезда «Генерал Дроздовский»⁷, где упомянуто, что команда бронепоезда была вооружена пулемётами английского производства и не испытывала недостатка в боеприпасах, а также, что железные дороги на Кубани работали исправно (то есть грузы из Новороссийска вывозились) до конца 1919 г., когда красные партизаны перешли в наступление на коммуникации.

³ Миронюк С.А. 2021. *Интервенция в Россию в политических дискуссиях правящих кругов Великобритании (1917–1919 гг.)*: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Миронюк Сергей Алексеевич; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»]. Москва. 200 с.

⁴ Врангель П.Н. 2012. *Воспоминания*. Москва: Вече. С. 508.

⁵ Махров П.С. 1994. *В Белой армии генерала Деникина*. Санкт-Петербург: Logos. 304 с.

⁶ Там же. С. 117–118.

⁷ Альбов А. А. 1980. Начало конца: отступление Добровольческой армии осенью 1919 г. от Орла до Новороссийска: (статья). Нью-Йорк: Б/и.

Снабжение ВСЮР Британией и политика Лондона в русском вопросе

С марта 1919 г. британский Военный кабинет стал активно помогать Деникину: снаряжение и вооружения, предназначавшиеся изначально Колчаку, британцы передали ВСЮР. Генеральный штаб Британской империи принял решение отдать предпочтение армиям Юга 8 июля 1919 г.⁸, когда режим Колчака был ещё далёк от поражения⁹. Аргументируя 4 июля 1919 г. своё решение о перестановке приоритетов в пользу Деникина, У. Черчилль представил завышенные данные о численности армий Юга — 600 000 чел., тогда как фактически их было 150 000¹⁰.

Ллойд Джордж в конце июля 1919 г. наложил вето на применение британских вооружённых сил на Юге России. Было предложено снабжать белых имуществом, оставшимся на военных складах после заключения перемирия 11 ноября 1918 г. Экономические возможности Британии для оказания помощи Деникину были признаны ограниченными¹¹. В связи с тем, что британский Генеральный штаб не исключал столкновения с немцами, для отправки в Новороссийск, было выделено незначительное количество танков: 56 тяжёлых танков Mark V и 18 лёгких танков Whippet¹².

Тем временем в парламенте разгорелись споры о целесообразности помощи Деникину и остальным белым генералам, поскольку многие в Уайтхолле считали, что после разгрома большевиков белые начнут наступление на Польшу, Прибалтику, Грузию и Финляндию¹³. Парламент соглашался продолжить помощь, пусть в скромном объёме, более сговорчивому Колчаку, но, когда речь зашла о реакционном и своевольном Деникине, поднялась буря протестов.

Против Деникина был настроен и неоспоримый авторитет во внешней политике Британии — лорд Кёрзон, обеспокоенный судьбой Закавказья: возврат в этот регион России он рассматривал как зло для Британии большее, чем победа большевиков. 12 августа 1919 г. правительство приняло решение помощь Деникину ограничить предоставлением последних партий военных грузов и направить в южные губернии России миссию наблюдателей, так как в оценке положения в регионе военному министерству Черчилля не доверяли¹⁴. Деникину был выделен крупный объём помощи (см. табл. 1).

⁸ Kopisto L. Op. cit. P. 101.

⁹ Лондон охладел к режиму Колчака из-за отказа адмирала признать независимость ряда «лимитрофных государств», в первую очередь Финляндии и Польши.

¹⁰ Kopisto L. Op. cit. P. 102.

¹¹ Ibid. P. 103.

¹² Ibid. P. 102.

¹³ Ibid. P. 104.

¹⁴ Ibid.

Таблица. 1. Британская помощь Деникину с марта 1919 г. по март 1920 г.
Table 1. British aid to Denikin from March 1919 to March 1920

Полевые орудия	1200
Комплекты обмундирования	500 000
Артиллерийские снаряды	2 000 000
Пулемёты	6100
Грузовики и другие автомобили	629
Мотоциклы	279
Винтовки	200 000
Патроны	500 000 000
Танки	74
Броневики	6
Самолёты	200
Госпитали на 500 мест	12
Полевые госпитали	25

Источник: составлено авторами по данным Kopisto L. The British Intervention in South Russia 1918–1920. P. 106.

Данные из отчёта британской военной миссии при штабе Деникина от 8 октября 1919 г. относятся к периоду с ноября 1918 г. по начало октября 1919 г. (табл. 2), а период март 1919 – март 1920 гг. отражён у Л. Кописто. Сопоставление этих источников позволяет выявить, сколько вооружений и техники белые Юга получили в самый ответственный период войны – с весны по сентябрь 1919 г.

Таблица. 2. Британская помощь ВСЮР к началу октября 1919 г., согласно отчёту Британской военной миссии при штабе А.И. Деникина
Table 2. British assistance to the Armed Forces by the beginning of October 1919, according to the British military mission at the headquarters of A.I. Denikin

Орудия	558
Артиллерийские снаряды	1 676 551
Пулемёты	4013
Грузовые автомобили	398, в т.ч. трёхтонных 342
Автобусы	50
Медицинские автомобили	172
Тракторы	73
Мотоциклы	25
Винтовки под русский патрон	214 753
Патроны	424 318 634, в т.ч. 221 697 700 для «трёхлинеек».
Танки	28, двумя партиями – в апреле и августе 1919 г.
Броневики	6
Самолёты	168, в т.ч. 17 недоукомплектованные, 120 осуществили взлёт
Военные суда уровня выше торпедного катера, переданы Каспийской флотилии в августе 1919 г.	12 ()
Морские орудия для судов и бронепоездов	73
Локомотивы производства США	31
Железнодорожные вагоны	300

Источник: составлено авторами по данным CAB/24/94/20. Report of the British military mission, South Russia.

Сверх того, британцы поставили много военного имущества, включая кавалерийские сёдла. Однако следует принять во внимание, что в отчёте миссии приведены данные по грузам, прибывшим в Новороссийск. В документе отражено, что значительное количество вооружений попало в учебные центры, где, помимо русских офицеров, находились британские инструкторы. На подконтрольных ВСЮР территориях действовали британские учебные подразделения, через которые вооружение и техника распределялись непосредственно в части белых¹⁵. Данные по обеспечению ВСЮР вооружениями, представленные в отчёте, дают основание утверждать, что белые армии на Юге были в значительной степени (что касается орудий и пулемётов) оснащены британцами (табл. 3).

Таблица 3. Оснащённость ВСЮР к началу октября 1919 г. некоторыми видами вооружений
Table 3. Equipment of the Armed Forces by the beginning of October 1919 with some types of weapons

Орудия	1000
Тяжёлые пулемёты	3000
Лёгкие пулемёты «Льюис»	2700
Бронепоезда	50
Авиация	72

Источник: составлено авторами по данным CAB/24/94/20. Report of the British military mission, South Russia, p. 54; Волков С.В. Белое движение в России: организационная структура.

Сопоставление цифр по британским поставкам и по наличию вооружений в войсках белых на Юге показывает, что более половины орудий ВСЮР (в основном тяжёлые) имели британское происхождение. Лёгкие пулемёты, которые ударные белые части часто применяли в качестве аналога автоматов, Россия не производила ни в Гражданскую, ни в Первую мировую войны. Явно недостаточным для обширного оперативного пространства, на котором действовала ВСЮР, было количество самолётов; к тому же прибывавшие из Англии самолёты долго проходили тестирование, а сами поставки оказались растянутыми во времени. Кроме того, надо принять во внимание потери.

Для понимания масштабов союзнической помощи белым Юга приведём данные по оснащению Добровольческой армии на начало января 1919 г., когда поставки по морю только начались (табл. 4), и оценим численность её личного состава.

¹⁵ CAB/24/94/20. Report of the British military mission, South Russia.

Таблица 4. Численный состав и оснащение Добровольческой армии на 10 января 1919 г.**Table 4. The strength and equipment of the Volunteer Army on January 10, 1919.**

Штыков и сабель	43998
Строевых	1977
Нестроевых	5954
Орудия	193
Пулемёты	621
Броневики	14
Самолёты	29
Патроны	5018247
Артиллерийские снаряды	15447

Источник: составлено авторами по данным РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 5. Л. 61.

Большинство солдат и офицеров, подчинённых А.И. Деникину, в начале 1919 г. составляли кубанцы, поскольку Донская армия оставалась самостоятельной (она перешла в подчинение Деникину 23 февраля 1919 г.), а ВСЮР находилась в стадии организации. Донская армия к концу января 1919 г. насчитывала 52 582 чел. (Гражданов 2015: 50). Таким образом, Добровольческая и Донская армии в конце февраля 1919 г. могли иметь численность свыше 100 000 чел. Об оснащении Донской армии судить сложно, поскольку она понесла большие потери в материальной части во втором полугодии 1918 г. Известно, что к середине лета армия Всевеликого Войска Донского имела на вооружении 92 орудия и 272 пулемёта (Егоров 2003: 85). По другим данным, к началу 1919 г. у белоказачков Дона имелись 150 орудий и 610 пулемётов, но численность личного состава упала примерно до 15 000 чел. (Исполитов 2006: 337); вероятнее всего, эксперты РККА, которые дали эту оценку, не учли строевых, но не служивших в боевых частях, а также нестроевых, раненых и больных. У добровольцев и донских белоказачков были преимущественно полевые орудия. Появление тяжёлых английских орудий, установленных на бронепоезда, улучшило положение белых, в немалой степени обеспечив им взятие Царицына в июне 1919 г.

В конце 1918 – начале 1919 г. донские части вели ожесточённые бои, в ходе которых вооружение переходило из рук в руки. Судя по тому, что в конце октября 1918 г. Астраханский корпус имел только 9 орудий и 20 пулемётов, Всевеликое Войско Донское испытывало острую нехватку военной техники (Венков, Зубков 2015: 217).

Ввиду дефицита техники и боеприпасов (см. табл. 4) в начале 1919 г. с разрешения британских и французских властей была организована срочная поставка судами ВСЮР из Румынии и Батуми, со складов бывшей армии Российской империи¹⁶. Было доставлено 50 трёхдюймовых орудий, из них 13 горных, и 75 000 снарядов к ним (в т. ч. 61 000 из Румынии). Из Батуми и из Румынии

¹⁶ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

было вывезено, помимо прочего военного имущества, по 3 млн патронов для «трёхлинеек». К февралю 1919 г. на складах Новороссийска имелось уже 11 млн патронов для «трёхлинеек» и 54 млн – для пулемётов «Льюис», а также другие боеприпасы и системы вооружений (очевидно, также ранее вывезенные из Румынии и Батуми, поскольку к февралю 1919 г. ни один британский транспорт в Новороссийск не прибыл).

Трёхдюймовые орудия, скорее всего, были французского производства, и поставленные ещё в годы Первой мировой войны. Других систем вооружений французского происхождения нами не выявлено; есть данные об отправке в начале февраля 1919 г. в Новороссийск 540 000 патронов для винтовок «Лебеля», более 90% их было завезено из Батуми¹⁷, однако речь должна идти о запасах Первой мировой войны.

Зимой 1918–1919 гг. А.И. Деникин обращался с просьбой о поставках к Англии, Италии и Франции. Военный кабинет Великобритании принял решение об изыскании тоннажа для отправки грузов в Новороссийск лишь 24 января 1919 г., притом был установлен лимит в 14 000 т, в основном на боеприпасы и обмундирование. В начале февраля 1919 г. под погрузкой для отправки в Новороссийск находилось одно судно. Другое британское судно было подготовлено под перевозку военных грузов из Салоников и Египта. Для удовлетворения запросов штаба Деникина требовалось пять судов водоизмещением по 5 000 т. Между тем Министерство морского транспорта Великобритании, которому было поручено заниматься этим вопросом, ожидало решений Военного кабинета по поводу помощи белым, принимая во внимание, что премьер-министр считал необходимым прекратить интервенцию и посадить за стол переговоров все политические силы, участвовавшие в этой войне¹⁸. Важно отметить, что зимой 1918–1919 гг. военные грузы ни из Италии, ни из Франции в Новороссийск не прибывали.

Мирные переговоры красных с белыми не состоялись, и к марту 1919 г. лимит тоннажа для поставок военных грузов в Новороссийск из Англии был увеличен в полтора раза. Военный кабинет намеревался дополнительно обеспечить всем необходимым 150 000 солдат ВСЮР, для чего пришлось бы привлечь как минимум 20 судов водоизмещением по 5 000 т. Чтобы избежать нехватки судов для внутренних потребностей, англичане предлагали задействовать итальянские и французские суда¹⁹.

В целом, проблема тоннажа для ВСЮР, как и всей логистики белых на Юге, оказалась сложной при переходе от фактически партизанской войны к обычной, если принять во внимание тот факт, что для обычной английской пехотной дивизии (приблизительно 12 000 человек) на Западном фронте в 1918 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ CAB 24/74/52. Assistance to General Denikin at Novorossisk.

¹⁹ CAB 24/76/23. Assistance to General Denikin at Novorossisk.

требовались ежедневно 1 000 т снабжения (включая продовольствие). Во время Первой мировой войны для обеспечения Британского экспедиционного корпуса во Франции действовала постоянная переправа людей и грузов через Ла-Манш. Кроме того, для снабжения своих войск во Франции англичане использовали обычные суда; только для вывоза грузов из порта Нью-Хэвен для этой цели было задействовано за всю войну 165 судов²⁰ (Daw 2021). Для снабжения ВСЮР такая организация была по понятным причинам невозможной. Склады в Батуми и Румынии были быстро опустошены, поэтому в начале осени 1919 г. Деникин рассматривал как источник снабжения союзные склады в Салониках и на Ближнем Востоке²¹.

Как по советским, так и по британским данным, к лету 1919 г. красные в южных губерниях были оснащены хуже белых в количественном и качественном отношении. Британские военные специалисты полагали большие потери РККА летом – в первой половине осени 1919 г. следствием низкой дисциплины среди красноармейцев – за исключением отдельных частей, а также служивших в Красной армии латышей и китайцев, которых при сдаче в плен ожидал расстрел. По информации британцев, в ходе пятимесячного наступления Деникина на Москву красные потеряли только пленными около 250 000 чел. (в основном в результате нежелания многих бойцов сражаться), примерно столько же бойцов дезертировали. Тяжёлыми были потери в материальной части: трофеями ВСЮР стали 700 орудий, 1700 пулемётов и 35 бронепоездов²² (вероятно, большая часть трофеев была в неисправном состоянии).

На начало октября 1919 г., по данным британской миссии, ВСЮР располагали примерно 232 000 штыков и сабель против приблизительно 240 000 красноармейцев на Юге²³. По советским данным, в октябре 1919 г. против ВСЮР действовали силы в составе 160 000 штыков и 26 000 сабель, вооружённые 4 500 пулемётами и более чем 1 000 орудиями. На главном против Деникина, Южном фронте красные имели 112 540 штыков и 17 490 сабель, 2 689 пулемётов и 599 орудий (Егоров 2003: 279). Таким образом, англичане даже преувеличили численность личного состава красных на Юге. Однако по сравнению с весной – началом лета 1919 г. у Южного фронта возросла численность воевавших подразделений, когда как ранее многие части находились в тылу. Например, в июне 1919 г. боевые силы РККА против Деникина составляли около 80 000 чел. при общей численности войск на данном направлении в 259 000 бойцов и командиров (Mawdsley 2007: 169).

²⁰ Daw A. *Forgotten Wrecks of the First World War*. *Maritime Archaeology Trust*. URL: <https://maritimearchaeologytrust.org/wp-content/uploads/2021/03/Ports-in-WWI-updated-to-new-Template-6.03.2021-RB.pdf> (accessed 09.04.2024)

²¹ CAB 24/89/24. Final contribution to General Denikin.

²² CAB/24/94/20. Report of the British military mission, South Russia. P. 78.

²³ *Ibid.* P. 54.

Сопоставление данных в таблицах 1 и 2 по артиллерийским системам, поставленным Великобританией, показывает, что отправка орудий и танков Деникину продолжалась и после поражения белых в наступлении на Москву, притом поставки даже выросли. Следовательно, левая оппозиция не оказывала сильного давления на военных и консерваторов.

Поставки продолжались и с ноября 1919 г., когда стало ясно, что в наступлении на Москву ВСЮР потерпели поражение, а левая оппозиция всё решительнее выступала против помощи белым. 8 октября 1919 г. Военный кабинет принял решение отправить Деникину военных товаров на 15 млн ф. ст., но ввиду трудностей с изысканием тоннажа отказал в отправке автотранспорта, выделив 80 000–100 000 т транспортов для перевозки боеприпасов и обмундирования. Предусматривались 12 судов (потенциально, не обязательно они могли быть изысканы), из них два в декабре были подготовлены, ещё два должны были быть переданы английским военным в январе 1920 г. В декабре 1919 г. Военный кабинет снизил плановый объём отправляемых грузов из-за нехватки тоннажа и высокой стоимости фрахта²⁴.

Из данных, представленных в таблицах 1 и 2, неясно, много военного имущества получили ВСЮР из Великобритании или мало. Проведём сравнение. На весь Южный фронт в начале октября 1919 г. приходилось 599 орудий (Егоров 2003: 279) при наивысшей на тот момент активности этого фронта за всю Гражданскую войну. В середине октября 1919 г., в период отражения крупного польского наступления в Белоруссии, Западный фронт располагал 473 годными орудиями²⁵.

К 1 марта 1918 г. войска кайзеровской Германии захватили на территории Украины (преимущественно Правобережной) 2 400 артиллерийских орудий, более 5 000 пулемётов, несколько тысяч повозок, 500 грузовиков, 11 броневиков, более двух миллионов снарядов, 128 000 винтовок²⁶ — в основном имущество Юго-Западного фронта. Таким образом, британские поставки артиллерийских боеприпасов достигли уровня оснащения крупного фронта российской армии конца Первой мировой войны. Судя по приведённым выше данным, даже осенью 1919 г. артиллерийскими орудиями РККА была оснащена слабее, чем ВСЮР; правда, из-за растянутости союзных поставок во времени не все орудия незамедлительно попадали на фронт.

При этом Антанта вовсе не обделила режим адмирала Колчака. По данным Г.Х. Эйхе, бывшего командира 5-й армии РККА, армия Колчака получила от союзников около миллиона винтовок, 4 000 пулемётов, не более 800 артиллерийских орудий, примерно 500 000 артиллерийских снарядов и миллиард патронов

²⁴ CAB 24/94/99. Russia – Supplies for General Denikin.

²⁵ РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 344. Л. 212.

²⁶ Amtliche Kriegs-Depeschen nach Berichten des Wolff'schen Telegr.-Bureaus. 1921. Bd. 7. Berlin: Nationale Verlag. S. 306.

для трёхлинейных винтовок, 3 млн пар армейской обуви и 350 000 комплектов обмундирования (Эйхе 1966: 126). Таким образом, белые в Сибири полностью зависели от зарубежных поставок.

Стратегическая целесообразность предоставления максимума ресурсов режиму Деникина объясняется тем, что соединения ВСЮР обороняли в основном хлебные регионы России и Донбасс, который давал более 70% энергетических ресурсов страны. Однако поставки для ВСЮР были растянуты во времени. В марте 1919 г. Деникин получил немного, и только наступление Колчака, начатое 1 марта 1919 г. в направлении Казани, спасло положение армий Юга. Эффект от поставок заметно снижали атаки партизан. Например, рейд Махно на Бердянск привёл к потерям 62 000 артиллерийских снарядов и 62 млн патронов²⁷. С. Будённый отмечал, что его армия снабжалась во многом благодаря захватам складов с военным имуществом британского производства. Такое положение было обусловлено плохой организацией войск Деникина, которого некоторые британские советники считали заурядным полководцем; к тому же в тылу армий Деникина царила коррупция и шли продажи британского военного имущества²⁸.

В упомянутом выше отчёте британской военной миссии о состоянии личного состава ВСЮР говорится, что самые высокие моральные и бойцовские качества имела состоявшая преимущественно из бывших императорских офицеров Добровольческая армия, но её доля не превышала 10% от личного состава ВСЮР. Новые части, сформированные в основном из мобилизованных крестьян, дезертиров РККА и мещан южнорусских городов, обладали достаточной устойчивостью на фронте, что британские наблюдатели связывали со снижением популярности большевизма в крестьянской массе. Дисциплину всех трёх казачьих войск Юга британцы считали низкой; по их свидетельству, казаки иногда массово покидали фронт и уходили в станицы, нередко отправляли домой армейское имущество и «военную добычу»²⁹ (во многом это объясняется тяжёлым материальным положением казаков в результате Первой мировой и Гражданской войн). Только бойцовские качества казаков корпусов Мамонтова и Шкуро английские эксперты оценивали как высокие.

У сильной растянутости во времени поставок Деникину была ещё одна причина: британцы неохотно расставались со своими военными запасами, так как они заметно истощились. В начале 1919 г. Великобритания располагала запасами военного имущества на общую сумму 58 млн ф. ст. Из этой суммы правительство выделило Деникину четверть. Британское правительство в принципе не было против поставок ВСЮР, но рекомендовало Деникину с марта 1920 г. приобретать вооружения и боеприпасы за свой счёт³⁰.

²⁷ Kopisto L. Op. cit. P. 108.

²⁸ Ibid.

²⁹ CAB/24/94/20. Report of the ... P. 32.

³⁰ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

Если, как следует из британского отчёта от 8 октября 1919 г., ВСЮР по всем параметрам превосходили РККА, то возникает логичный вопрос: почему силы Деникина потерпели поражение? Некоторые причины мы указали выше: дезорганизация тыла, в результате чего часть поставок была утрачена; низкая дисциплина среди казаков; растянута поставок вооружений, особенно новейших. Первые танки прибыли двумя небольшими партиями, притом с немалым интервалом по времени, а основные поставки пришлось уже на вторую половину осени 1919 г. и зиму 1919–1920 гг. Наконец, обнаружилось, что солдаты и офицеры не умеют обращаться с иностранными вооружениями и техникой, особенно с танками³¹. Тем не менее при взятии Царицына важную роль сыграли именно танки, несмотря на то что они не могли быть задействованы в отдалении от железнодорожных станций: танки не были способны к многокилометровым маршам.

Интересен сюжет с лётчиками. Под Царицыным белым пришлось привлечь укомплектованный британскими пилотами полк №47, потому что русские пилоты, ветераны Первой мировой войны, не имели достаточной квалификации и, по мнению британцев, плохо понимали тактику ведения современной войны, а бойцы, мобилизованные из аграрных регионов, по своим техническим навыкам заметно уступали жителям средней полосы России и, тем более, петроградцам.

Британские представители отмечали, что к октябрю 1919 г. вооружений и прочего военного имущества было недостаточно для наращивания численности ВСЮР: обмундирование имели только треть солдат. Мобилизационный потенциал ВСЮР был определён в 800 000 чел., но обеспечить такое количество солдат обмундированием и винтовками не представлялось возможным. Сверх того, ВСЮР вынуждены были выделить 50 000 штыков и сабель для борьбы с петлюровцами, зелёными, а также с восставшими горцами Северного Кавказа; надо было ещё держать заслоны против Грузии и Азербайджана на случай войны³².

Следует отметить переброску из Сибири, с Восточного фронта, имевших богатый боевой опыт соединений РККА, что к октябрю 1919 г. заметно изменило расстановку сил на Юге в пользу красных.

Судя по сделанным до октября 1919 г. запросам Деникина к союзникам, главные трудности ВСЮР сводились к дефициту тёплой одежды в предстоящей зимней кампании и локомотивов, во многом по вине британцев, поскольку потребности в поставках железнодорожной техники определяла работавшая на Юге с февраля 1919 г. специальная комиссия во главе с подполковником Р. Халлом. В результате совместной с белыми работы в июле 1919 г. был сформулирован

³¹ CAB/24/94/20. Report of the British military mission, South Russia.

³² Ibid. P. 54–55.

запрос на поставку 1 000 локомотивов³³, но выполнить его в краткие сроки было нереально. К тому же, белые сильно задолжали официальному Лондону, принимавшему во внимание и царские долги, поэтому в конце сентября 1919 г. У. Черчилль предложил переправить на Юг британскими судами 60 российских локомотивов с русского Севера³⁴. Скорее всего, этот проект не был реализован, иначе это отразилось бы в отчёте миссии при штабе ВСЮР от 8 октября 1919 г.

Военное вмешательство Антанты на стороне ВСЮР

Теперь остановимся на вопросе о военной интервенции союзников на стороне белого Юга.

В Салониках у союзников было дислоцировано шесть дивизий, сильно уставших и готовившихся к отправке домой. Регулярных соединений РККА в Северном Причерноморье в конце 1918 г. практически не было, а действовавшие там партизанские отряды не представляли серьёзной силы. В январе 1919 г. РККА стала развивать наступление в Донбассе, создав угрозу выхода красных частей в Таврию и Крым. Чтобы предотвратить такое развитие, союзники подготовили десант в Севастополе, настояв на том, чтобы ослабленная боями на Дону и Кубани Добрармия поддержала десант и защиту так называемого крымского правительств. Деникину пришлось ослабить части на Дону, выполняя эту просьбу.

Уже в начале ноября 1918 г. в Севастополе высадились 1 500 солдат и офицеров французской армии, чтобы принять оставленное германскими войсками имущество, включая остатки Черноморского флота России. Деникин перебросил через Мариуполь в Таврию 5 000 бойцов, которые должны были прикрыть Крым, а заодно и обеспечить вывоз оттуда хлеба для снабжения Добрармии³⁵. Заметной поддержки населения Бердянска, Каховки и Мариуполя белые не получили, поэтому наступательная операция РККА поставила ВСЮР в регионе на грань катастрофы³⁶. Добрармии пришлось оставить Перекопский перешеек, и официальный Симферополь обратился к западным союзникам за помощью. 11 марта 1919 г. французы перебросили в Крым отряд греков в 3 000 чел., но на фронт была отправлена всего одна рота³⁷.

Политическая ситуация в Одессе оказалась не проще, чем в Крыму. Ещё до отставки гетмана город попал в руки петлюровцев, но 5 декабря 1918 г. был отбит сформированным на месте малочисленным отрядом Добрармии при огневой поддержке французской эскадры. По данным штаба Добрармии, в районе Одессы действовали красные части, хотя по советским данным там не было ни регулярных частей РККА, ни крупных партизанских соединений.

³³ Ibid. Pp. 55, 38, 41.

³⁴ САВ 24/89/24. Final contributon to General Denikin.

³⁵ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 3 (об).

³⁷ Там же.

В начале 1919 г. прибывший в Одессу командир союзной миссии генерал д'Ансельм объявил русским добровольцам, что легитимной властью миссия считает Директорию. Под предлогом обеспечения густонаселённого города продовольствием (как было официально объявлено французским командованием) французы провели операции по расширению зоны союзного контроля; практически без боя были взяты Херсон и Николаев, что позволило закупать в окрестностях хлеб. Французы настаивали на объединении Добрармии с войсками Директории. Французские генералы считали порочной практику создания отдельных офицерских частей, полагая возможной мобилизацию бывших рядовых и унтер-офицеров российской армии для создания воинских частей традиционного типа, как поступали петлюровцы и, до ноября 1918 г., гетман³⁸. Представители Деникина категорически отказались от такого проекта.

Причина неприятия Деникиным французской концепции восстановления Русской армии заключалась также в ряде дополнительных условий, выдвинутых союзниками. Во-первых, в Одессе предлагалось создать несколько соединений бригадного состава, укомплектованных только жителями Украины. Офицеров для этих бригад должна была предоставить Добрармия, но оперативное подчинение переходило к французам. Французы предлагали вместо традиционной мобилизации нанимать рядовых из местного населения с жалованием 200–250 руб. в месяц и казённым довольствием. В каждом из полков бригады должны были находиться французские офицеры и унтер-офицеры, русские солдаты и офицеры должны были носить французскую форму, притом офицерам запрещалось носить погоны. Фактически это означало создание на территории бывшей Российской империи оккупационной армии. Деникин категорически запретил командующему войсками в Одессе и Юго-Западной области генералу А.С. Санникову соглашаться на такие требования³⁹.

Французы ввели в дело второсортные многонациональные части, переброшенные с Балканского фронта Первой мировой войны. В итоге 26 февраля 1919 г. после кратких боестолкновений были оставлены Херсон и Николаев. 5 марта 1919 г. произошёл крупный бой у села Берёзовка, в ходе которого красным удалось захватить даже несколько танков. В этой ситуации предназначенные для отправки в Крым офицерские части из Одессы, вопреки мнению Деникина, были направлены на оборону периметра зоны ответственности французских войск и их союзников (греческие и румынские контингенты)⁴⁰. Так силы ВСЮР к середине марта 1919 г. оказались рассредоточены от Тирасполя до Каспия, что облегчило Льву Троцкому реализацию плана по очистке от белых южных губерний России.

³⁸ Там же. Л. 4.

³⁹ РГВА Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 21. Л. 7 (об.). Л. 8.

⁴⁰ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

В связи с действиями французских генералов встаёт вопрос о причинах, по которым в помощь Деникину не были привлечены русские солдаты и офицеры, отправленные императорским правительством на Западный и Балканский фронты Первой мировой войны. Ответ прост: до заключения перемирия с Германией русские части сражались на сложных участках фронтов, неся крупные потери. До ноября 1918 г. французское командование даже не знало, сколько служивших в их армии русских осталось в живых. После неоднократных требований советского МИДа вернуть русских солдат домой для Красного Креста была составлена справка о численности российского контингента в составе французской армии: более 45 000 чел., большинство которых были выведены из состава боевых частей по состоянию здоровья и служили в тылу на военных производствах (Debo 1986: 220).

Зимой 1919 г. силы ВСЮР спас от разгрома корпус Андрея Шкуро, который своим рейдом по Северному Кавказу ликвидировал угрозу тылам Деникина со стороны 11-й армии РККА и обеспечил ВСЮР трофейным имуществом в объёме, превышавшем осуществлённые к февралю 1919 г. поставки союзников. Казаки А. Шкуро захватили 13 бронепоездов, 200 орудий, более 350 пулемётов, 9 санитарных поездов, около 100 паровозов, несколько тысяч вагонов и много другого имущества⁴¹. Это была хорошая поддержка для ВСЮР, учитывая, что 10-я армия РККА к февралю 1919 г. овладела двумя третями Области Войска Донского, разбив Донскую армию⁴² (бывшие казаки генерала Краснова). Теперь Деникин мог перебросить на помощь Дону кубанцев и другие силы, ранее скованные боями на Северном Кавказе.

Поставки вооружений и боеприпасов для ВСЮР англичанами зимой 1919 г. оставались весьма скромными, на что указывает справка штаба Добрармии об имевшихся и ожидавшихся в Новороссийске предметах артиллерийского снабжения⁴³. В этом документе зафиксировано, что по состоянию на 2 февраля 1919 г. в Новороссийске было и ожидалось 13 горных орудий диаметра 75 мм (российские орудия с бывшего Румынского фронта) – их доставлял из Румынии российский пароход «Мечта». Боеприпасы английского производства из запасов бывшего Закавказского фронта пароход «Посадник» транспортировал из Батуми⁴⁴.

Запасы на юге Украины зимой 1919 г. Добрармии не достались, потому что французы (точнее, греки под командованием французских офицеров) отказались, а в некоторых случаях не стремились вывезти их из портов Северного Причерноморья. В феврале–марте 1919 г. складами армейского имущества овладела РККА⁴⁵, что облегчило положение красных частей на Украине.

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 5 (об.).

⁴³ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 5. Л. 44.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

Теперь несколько слов о забастовке французских солдат и моряков из отпавленного в Россию контингента, вокруг которой создала миф советская сторона. В самом деле, ультралевых взглядов придерживались многие французские моряки. В Севастополе дошло до того, что на борту броненосца «Мирабо» была принята делегация местных большевиков⁴⁶. Правда, французская эскадра почти не воевала, и активного её участия в боевых действиях не предполагалось. Как выяснили позже русские добровольцы, командование французской военноморской группировкой не готовилось воевать с красными, осуждало репрессии против большевиков в Крыму, о чём прямо заявил адмирал Амет при аресте большевистских лидеров в Феодосии. По его мнению, Добрармия была монархической организацией, не имевшей шансов на поддержку со стороны населения России, так что воевать за неё французам не имело смысла⁴⁷.

Из сухопутных регулярных частей костяком французских сил в Крыму был 175-й пехотный полк, ещё в Салониках попавший под влияние левой пропаганды. Вскоре на смену этническим французам прибыли новобранцы, алжирцы и сенегальцы, на которых командование возложило охранные функции в тылу. Была и другая причина пессимизма адмирала: дефицит тоннажа. ВСЮР могли рассчитывать на успех в Крыму и Таврии только при условии, что из Салоников были бы переброшены 40 000 солдат и офицеров, но необходимый тоннаж изыскан к марту 1919 г. не был. Из состава прибывшего в Крым греческого полка на фронт отправились только две роты, потому что командующий сухопутными силами французов в Крыму полковник Труссон считал, что воевать за полуостров должны русские.

Когда красные части подошли к окрестностям Севастополя, французское командование располагало ничтожными силами: 600 стрелков 175-го полка, 2000 греческих солдат 2-го полка и восемь орудий 242-го артиллерийского полка. Настроение у солдат было подавленным ввиду очевидной обречённости обороны. Но в начале марта в Севастополе высадились 2 000 алжирцев, что резко изменило ситуацию. С 1 апреля 1919 г. в Севастополь стала прибывать сенегальская пехота – ещё 2000 солдат. Тем не менее 3 апреля город был подготовлен французами к сдаче. Одной из главных причин военного кризиса стала провальная мобилизация в Крыму: к апрелю 1919 г. Для обороны Перекопа у Добрармии оказалось всего 2000 штыков, 300 сабель и 30 орудий⁴⁸.

О солдатских забастовках в документах ВСЮР не говорится. При обороне Херсона в конце февраля 1919 г. одна рота 176-го французского полка не хотела идти в бой, но под угрозами командиров пошла в контратаку, чтобы поддержать оборонявших город греков и французов (1 греческий батальон при двух горных орудиях и одна французская рота). 25 февраля 1919 г. союзный

⁴⁶ Там же. Д. 19. Л. 4.

⁴⁷ Там же. Л. 4-5.

⁴⁸ Там же. Л. 5, 7, 9, 10, 11.

контингент оставил Херсон по приказу французского командования, осознавшего бессмысленность дальнейшего сопротивления. Потери интервентов составили 400 чел., из них 14 офицеров⁴⁹.

Вышеупомянутое сражение под Берёзовкой 6 марта 1919 г. тоже не даёт оснований для вывода о политической неустойчивости французского контингента. В бою под командованием французских офицеров участвовали три греческих батальона и один батальон зуавов при шести орудиях и пяти танках. Их поддерживали 2-й и 3-й эскадроны Сводного кавалерийского полка Добровольческой армии. По свидетельствам очевидцев, группа красных зашла в тыл группировке союзников, из-за чего в рядах греков и зуавов началась паника, и они бежали, бросив орудия и танки, притом, что у красных было только два орудия⁵⁰.

После катастрофы под Берёзовкой судьба союзной группировки в Одессе была предпринята. 22 марта 1919 г. к городу подошли части РККА: два полка общей численностью примерно 15 000 штыков и сабель и множество мелких партизанских отрядов. Им противостояли бригада генерал-лейтенанта Н.С. Тимановского (3 350 штыков, 1 600 сабель, 18 лёгких орудий, 8 гаубиц, 6 бронемашин), две французские, две греческие (без артиллерии) и части одной румынской дивизии, примерно 30 000 чел. Этих сил, по мнению штабистов ВСЮР, было достаточно не только для обороны Одессы, но и для взятия Киева⁵¹.

20 марта 1919 г. французский парламент отказал в выделении денег на проведение операций против Советской России, вследствие чего французское командование дало своей группировке в Одессе предписание готовиться к срочной эвакуации. Почти никакого сопротивления красным французы не оказали, и 23 марта 1919 г. бойцы РККА уже маршировали по улицам Одессы.

Заключение

Благодаря поставкам со стороны Антанты войска ВСЮР обладали крупным военным потенциалом, но поставки оказались несвоевременными. К моменту накопления большого количества вооружений Красная армия усилилась настолько, что требовалось значительное увеличение союзнических поставок в короткие сроки, чего не произошло.

Прямая интервенция государств Антанты была отчасти связана с поставками по морю военных грузов, а также с обучением личного состава ВСЮР, но эта интервенция носила ограниченный характер, в числе прочего, по причине дефицита тоннажа для перевозки военных грузов.

⁴⁹ РГВА. Ф. 39 540. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.

⁵⁰ Там же. Л. 12 (об.).

⁵¹ Там же. Л. 13.

Великобритания не была готова выделить большой объём военной помощи в пользу сомнительного для себя союзника в лице белых генералов, выступавших за границы России 1914 г. Британское правительство отрицательно относилось к наращиванию и без того крупного внешнего долга России в связи с поставками Деникину военных грузов.

Политические дискуссии по поводу помощи белым армиям продемонстрировали неоднозначное отношение политических элит Запада к РСФСР и её противникам на территории бывшей Российской империи, что также ограничивало потенциальный масштаб помощи.

Об авторах:

Григорий Германович Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра истории военной экономики Президентской академии (РАНХиГС), 119602, Россия, Москва, проспект Вернадского, 84, корп. 1. E-Mail: GGPopov2009@mail.ru

Таймураз Григорьевич Чшиев – старший преподаватель Департамента юриспруденции Московского института современного академического образования, 109518, Россия, Москва, ул. Саратовская, 31. E-mail: taimchshiev@gmail.com.

Олег Юрьевич Казенков – советник при ректорате Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, 14; специалист отдела научной экспертизы и проектной работы Института Китая и современной Азии Российской академии наук, 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32. E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 947.084

Received: February 17, 2024

Accepted: June 15, 2024

The Entente's Support for the White Armies in Southern Russia (Late 1918 – 1919)

 G.G. Popov¹, T.G. Chshiev², O.Yu. Kazenkov^{3,4}
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-3-96-170-196](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-3-96-170-196)

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation.

² Moscow Institute of Modern Academic Education, Moscow, Russian Federation

³ Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation;

⁴ Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Abstract: This article examines a previously underexplored aspect of the Russian Civil War during its critical phase in late 1918 – 1919: the logistical support provided by the Entente to the White armies in the South, set against the backdrop of the final military interventions. The authors concentrate on the interactions between General A.I. Denikin's regime and the British authorities, who were the primary proponents of the Entente's intervention in Russia, as well as the conditions surrounding the involvement of the French armed forces.

The research primarily draws on documents from the Russian State Military Archive, created by officers of the White armies of Southern Russia, and the National Archives of Great Britain. This comprehensive source base enables a reassessment of some long-held views in Russian historiography regarding the Entente's intervention in the Black Sea region. The study aims to delineate the scope and nature of the Entente's support and to understand why this assistance failed to secure a victory for the White forces.

Post-Soviet historiography commonly posits that the Red Army enjoyed an economic advantage in terms of weapons and ammunition supply for most of the Civil War. This article, however, reveals that the support from Entente countries was substantial and that the use of foreign weapons and equipment significantly influenced the late 1918 – 1919 period. Nonetheless, the critical factor, as argued by the authors, was the timing of deliveries. The peak of the Entente's military-technical support to the Armed Forces of Southern Russia occurred after the Red Army had already fortified its positions with adequate firepower. The lengthy strategic decision-making processes of the British Cabinet, characteristic of British democratic and bureaucratic systems, resulted in delayed assistance to Denikin's troops, ultimately undermining its effectiveness.

Keywords: Civil war in Russia, Russian South, Allied intervention in the Russian Civil War, general Anton Denikin, Bolshevism, Red Army, White movement

About the authors:

Gregory G. Popov – Ph.D. in Economics, Senior Researcher at the Center of the History of Military Economics of the Presidential Academy (RANEPA), Pr. Vernadskogo 84, Moscow, Russia, 119602. E-Mail: GGPopov2009@mail.ru

Taimuraz G. Chshiev – Senior Lecturer at the Department of Jurisprudence of the Moscow Institute of Modern Academic Education, 109518, Moscow, Saratovskaya str., 31. E-mail: taimchshiev@gmail.com.

Oleg Yu. Kazenkov – Advisor for the Rector of P.G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl, 150003; specialist of the Department of Scientific Expertise and Design Work of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, 117997, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 32. E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Cinvg C. 2006. *Churchill's Crusade. The British Invasion in Russia*. London, New York, Hambleton Continuum. 373 p.

Debo R.K. 1986. The Manuilskii Mission: An Early Soviet Effort to Negotiate with France, August 1918 – April 1919. *The International History Review*. 8(2). P. 214–235.

Jackson R. 1972. *At War with Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia 1917–1920*. London, Tom Stacey. 325 p.

Mawdsley E. 2007. *The Russian Civil War*. New York, Book club ed. 390 p.

Moffat I.C.D. 2015. *The Allied Intervention in Russia, 1918–1920. The Diplomacy of Chaos*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 330 p.

Dolgova A.V. 2008. Dezertirstvo v Krasnoy i Beloy armiyakh v 1917–1922 godakh [Desertion in the Red and White Armies in 1917–1922]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 7(23). P. 39–45. (In Russian)

Egorov A.I. 2003. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Razgrom Denikina* [Civil War in Russia: The Defeat of Denikin]. Moscow: AST, St. Petersburg: Terra Fantastica. 637 p. (In Russian)

Eykhe G.Kh. 1966. *Oprokinutyy tyl* [Overturned Rear]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR. 384 p. (In Russian)

Gagkuev R.G. 2012. *Beloe dvizhenie na Yuge Rossii. Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniya, sotsial'nyy sostav. 1917–1920 gg.* [The White Movement in Southern Russia. Military Construction, Recruitment Sources, Social Composition. 1917–1920]. Moscow: Posev. 703 p. (In Russian)

Ganin A.V. 2011. Pomnyat psy-atamany, pomnyat pol'skie pany. Pochemu pobezhdala Krasnaya armiya [The Chieftains Remember, the Polish Lords Remember. Why the Red Army Won]. *Rodina*. №2. P. 12–27. (In Russian)

Ganin A.V. 2018. *Sem' "pochemu" rossiyskoy Grazhdanskoy voyny* [Seven "Whys" of the Russian Civil War]. Moscow: Pyatyy Rim. 860 p. (In Russian)

Grazhdanov Yu.D. 2015. *Vsevelikoe Voysko Donskoe v gody Grazhdanskoy voyny (1918–1919 gg.)* [The Great Don Army during the Civil War (1918–1919)]. Rostov-on-Don: Antey. 240 p. (In Russian)

Ippolitov G.M. 2006. *Denikin* [Denikin]. Moscow: Molodaya gvardiya. 665 p. (In Russian)

Ivanov A.A. 2012. Amerikanskaya intervenciya na Russkom Severe (1918–1919 gody): perekrestok mneniy [American Intervention in the Russian North (1918–1919): A Crossroad of Opinions]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(3). P. 106–111. (In Russian)

Ivanov A.V. 2003. Volya sluchaya ili istoricheskaya zakonomernost'? Razmyshleniya o prichinakh porazheniya belogo dvizheniya v Grazhdanskoy voyne [Chance or Historical Inevitability? Reflections on the Reasons for the Defeat of the White Movement in the Civil War]. *Belaya armiya. Beloe delo*. №12. P. 5–27. (In Russian)

Karpenko S.V. 2015. Ekonomicheskiy krizis i korrupsiya: iz istorii tyla belykh armiy Yuga Rossii (1918–1920 gg.) [Economic Crisis and Corruption: From the History of the Rear of the White Armies in Southern Russia (1918–1920)]. *Ekonomicheskiy zhurnal*. 1(37). P. 108–135. (In Russian)

Karpenko S.V. 2015. Krizis tovarno-denezhnogo obrashcheniya i prodovol'stvennoe snabzhenie armii i gorodskogo naseleniya na belom Yuge Rossii (1919) [Crisis of Commodity-Money Circulation and Food Supply to the Army and Urban Population in the White South of Russia (1919)]. *Ekonomicheskiy zhurnal*. 1(37). P. 101–121. (In Russian)

Plotnikov I.F. 2002. *A.V. Kolchak: issledovatel', administrator, verkhovnyy pravitel' Rossii* [A.V. Kolchak: Researcher, Administrator, Supreme Ruler of Russia]. Moscow: Centrpoligraf. 701 p. (In Russian)

Popov G.G. 2019. *Intervenciya* [Intervention]. Moscow: Veche. 418 p. (In Russian)

Puchenkov A.S. 2021. *Pervyy god Dobrovol'cheskoy armii: ot vozniknoveniya "Aleksееvskoy organizatsii" do obrazovaniya Vooruzhennykh sil na Yuge Rossii (noyabr' 1917–dekabr' 1918)* [The First Year of the Volunteer Army: From the Emergence of the "Aleksееv Organization" to the Formation of the Armed Forces in Southern Russia (November 1917–December 1918)]. St. Petersburg: Aleksandr Dal'. 813 p. (In Russian)

Ryabov V.V., Nefedov A.Yu. 2019. Intervenciya v Rossii: beskorystnaya pomoshch' ili sobstvennye interesy? [Intervention in Russia: Selfless Help or Own Interests?]. *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 4, pp. 26–34. (In Russian)

Saldugeev D.V. 2015. K voprosu o dezertirstve v armiyakh Belogo dvizheniya v gody Grazhdanskoj vojny v Rossii [On the Issue of Desertion in the Armies of the White Movement during the Civil War in Russia]. *Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i dukhovnye cennosti kak fundamental'naya innovacionnogo razvitiya Rossii*, no. 2 (8), pp. 31–35. (In Russian)

Sergeev E.Yu. 2019. *Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot intervencii k priznaniyu* [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: From Intervention to Recognition]. St. Petersburg: Nauka. 830 p. (In Russian)

Sukhova O.A. 2016. Dezertirstvo v period Grazhdanskoj vojny v Rossii: kul'turno-antropologicheskij aspekt [Desertion during the Civil War in Russia: Cultural and Anthropological Aspect]. *Vestnik NII Gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, no. 2 (38), pp. 37–47. (In Russian)

Tsvetkov V.Zh. 2019. *Beloe delo v Rossii: 1917–1919 gg.* [The White Cause in Russia: 1917–1919]. Moscow: Yauza: Yakor'. 1053 p. (In Russian)

Vasil'ev M.V. 2019. Geopoliticheskij podtekst Grazhdanskoj vojny v Rossii. Chast' 1 [Geopolitical Context of the Civil War in Russia. Part 1]. *Arkhot*, no. 6 (15), pp. 43–56. (In Russian)

Venkov A.V., Zubkov V.N. 2015. *Donskaja armiya. Organizatsionnaja struktura i komandnyj sostav. 1917–1920 gg. Vypusk 2 «Mobilizovannaja armiya»* [Don Army. Organizational Structure and Command Staff. 1917–1920. Issue 2 "Mobilized Army"]. Rostov-on-Don: Antey. 400 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Васильев М. В. 2019. Геополитический подтекст Гражданской войны в России. Часть 1. *Архонт*. № 6 (15). С. 43–56.

Венков А.В., Зубков В.Н. 2015. *Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг.* Выпуск 2 «Мобилизованная армия». Ростов н/Д: Антей. 400 с.

Гагкуев Р.Г. 2012. *Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг.* Москва: Посев. 703 с.

Ганин А. В. 2011. «Помнят псы-атаманы, помнят польские паны». Почему побеждала Красная армия. *Родина*. № 2. С. 12–27.

Ганин А. В. 2018. *Семь «почему» российской Гражданской войны*. Москва: Пятый Рим. 860 с.

Гражданов Ю.Д. 2015. *Всевеликое Войско Донское в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)*. Ростов н/Д: Антей. 240 с.

Долгова А. В. 2008. Дезертирство в Красной и Белой армиях в 1917–1922 годах. *Вестник Пермского университета*. Выпуск 7 (23). С. 39–45.

Егоров А. И. 2003. *Гражданская война в России: Разгром Деникина*. Москва: АСТ, С.-Петербург: Terra Fantastica. 637 с.

Иванов А. В. 2003. Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне. *Белая армия. Белое дело*. № 12. С. 5–27.

Иванов А.А. 2012. Американская интервенция на Русском Севере (1918–1919 годы): перекрёсток мнений. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(3). С. 106–111.

Ипполитов Г. М. 2006. *Деникин*. Москва: Молодая гвардия. 665 с.

Карпенко С.В. 2015. Кризис товарно-денежного обращения и продовольственное снабжение армии и городского населения на белом Юге России (1919). *Экономический журнал*. 1(37). С. 101–121.

Карпенко С.В. 2015. Экономический кризис и коррупция: из истории тыла белых армий Юга России (1918–1920 гг.). *Экономический журнал*. 1(37). С. 108–135.

Плотников И.Ф. 2002. *А.В. Колчак: исследователь, администратор, верховный правитель России*. Москва: Центрполиграф. 701 с.

Попов Г.Г. 2019. *Интервенция*. Москва: Вече. 418 с.

Пученков А.С. 2021. *Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых сил на Юге России (ноябрь 1917 – декабрь 1918)*. Санкт-Петербург: Александр Даль. 813 с.

Рябов В.В., Нефедов А.Ю. 2019. Интервенция в России: бескорыстная помощь или собственные интересы? *Новейшая история России*. №4. С. 26–34.

Салдугеев Д.В. 2015. К вопросу о дезертирстве в армиях Белого движения в годы Гражданской войны в России. *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2(8). С. 31–35.

Сергеев Е.Ю. 2019. *Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию*. Санкт-Петербург: Наука. 830 с.

Сухова О.А. 2016. Дезертирство в период Гражданской войны в России: культурно-антропологический аспект. *Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2(38). С. 37–47.

Цветков В.Ж. 2019. *Белое дело в России: 1917—1919 гг.* Москва: Яуза: Якорь. 1053 с.

Эйхе Г.Х. 1966. *Опрокинутый тыл*. Москва: Военное издательство Министерства обороны СССР. 384 с.